

MEDIANN

grimdark&dark fantasy magazine

АНДРЕЙ МИЛЛЕР

ВЛАДИМИР РОМАХИН

АЛЕКСАНДР ДЕДОВ

КИРИЛЛ ТОКАРЕВ



ЮРИЙ ПОГУЛЯЙ

СЕРГЕЙ ЧЕРНОВ

АЛЕКСАНДР АГАФОНЦЕВ

ЕГОР ЕМЕЛЬЯНОВ

ДМИТРИЙ КОСТЮКЕВИЧ
МАКСИМ ТИХОМИРОВ

МАРИЯ ГИНЗБУРГ

СОДЕРЖАНИЕ

Слово редактора

Александр Дедов | Андрей Миллер

3

Медианн

Кирилл Токарев

«Господин десяти тысяч душ»

6

Александр Дедов

«Гробовой Колосс»

72

Андрей Миллер

«Дворец, увитый омелой»

55

Летопись темных миров

Дмитрий Костюкевич | Максим Тихомиров

«Ответ Туррана»

97

Андрей Миллер

«Wilde Jagd»

165

Владимир Ромахин

«Золотые псы»

114

Сергей Чернов

«Последнее испытание»

179

Мария Гинзбург

«Я — ночной мверзь»

138

Александр Агафонцев

«И все смоем дождь»

194

Юрий Погуляй

«Плохой Йорр»

154

Егор Емельянов

«Тринадцать из Харуда»

215

Медианн, №1, февраль 2019. Альманах гримдарка и темного фэнтези, 18+

Главный редактор #1: Александр Дедов

Главный редактор #2: Андрей Миллер

Дизайн: Emily Artist

Иллюстрации: Денис Хайдаров, Илья Орехов

Верстка: Александр Дедов



Свершилось! Несмотря на попытки таинственных сил помешать, мир увидит первый номер альманаха «Медианн». Под одной обложкой мы собрали одиннадцать по-настоящему мрачных историй, каждая из которых мрачна по-своему.

«Мрачный» не значит «плохой». Под этим словом чаще подразумевается некая неудобная правда, что по этическим соображениям вынуждена пылиться на задворках жизни. Но грязная, грубая и отвратительная часть бытия остается без внимания незаслуженно! Гримдарк и темное фэнтези — это зеркало, которое напоминает обществу о его недостатках и заставляет задуматься.

Собранные в альманахе рассказы могут шокировать и показаться некомфортными (особенно если увлекаться «классическим фэнтези»), но уверяем: мрак имеет свой неповторимый шарм! И мы, коллектив «Медианна», рады стать вашими проводниками в этих неприветливых краях.

Александр Дедов



Некоторые идеи настолько витают в воздухе, что действительно бывает трудно поверить: неужели это еще никто не реализовал? Казалось бы, темное фэнтези — направление востребованное, тот же Warhammer как образец гримдарка — очень популярен, но... Лично я (не буду говорить за коллегу) даже испытываю некоторую неловкость от того, что другого специализированного жанрового издания на русском языке сейчас нет.

Не стоит пафосно взваливать на себя некие великие миссии, поэтому обойдемся без разговоров о «не имеет аналогов», «надо спасти жанр» и так далее. В этом плане я бы хотел сказать лишь об одном. Очень хочется донести до максимально широкой аудитории понимание: «темное фэнтези» — это не все, что хоть чуть-чуть мрачнее первых книг о Гарри Поттере. А гримдарк, в свою очередь — вообще необязательно именно фэнтези.

Мы видим «Медианн» по-настоящему мрачным. Хотим предоставить читателям такие истории, после которых все недостатки реального мира покажутся мелочами. И обеспечить площадкой писателей, которым нравится создавать подобное. Будем надеяться, что in the grim darkness of the far future нас с вами ждет только успех.

Андрей Миллер



МЕДИАНН



Кирилл Токарев

Господин десяти тысяч душ



Гэта зацепились за камень, и мокрая брусчатка тут же метнулась навстречу. Джиро подставил ладони, сумев уберечь от удара голову, но все же сильно приложился о землю коленом. Поморщившись, замер: не слышны ли шаги из ближайшего переулка? Но нет. Все было тихо. Лишь шелестело на ветру белье, развешенное на просушку, да шуршали ленты рисовой бумаги с начерченными на них мантрами-оберегами. В маслянистой луже отражалось лицо Джиро: заострившиеся скулы, бледный лоб, покрытый пятнами испарины, спутанные черные волосы. И невероятно расширившиеся глаза, полные ледяного страха.

В отблесках газового фонаря собственное лицо Джиро показалось ему лицом мертвеца. Мертвец, сбежавший из дома,



полного покойников. Эта мысль вызвала у юноши сдавленный истерический смех.

Еще мгновение он прижимался к брусчатке, словно кролик, пытающийся укрыться от орла. Затем юноша заставил себя подняться. В колене что-то хрустнуло, но Джиро запретил себе думать о боли. По крайней мере, до тех пор, пока он не доберется до околотка стражи... или до какого-нибудь из многочисленных храмов. До любого места, где способны справиться с колдун. Или... с демоном!? Второе казалось Джиро более вероятным. Слишком уж близко стоял он от почтенного господина Куро Кобаяши, когда тот взорвался фонтаном крови, нечистот и измельченной кости. А потом — бесконечно долгое мгновение наблюдал, как неведомая сила вырывает позвонки из тел стражей ближнего круга. Джиро должен был умереть там же. Забрызгав кровью и содержимым кишок лакированные бумажные ширмы. Но он оказался трусом. Потерял лицо, когда бросил меч и побежал. Побежал прочь от странного и страшного существа, по мановению пальцев которого люди обращались в изувеченные груды плоти.

Потеря лица или потеря души — что хуже?

Юноша сумел прохромать два или три квартала, прежде чем его колено превратилось в пульсирующий сгусток боли. Зашипев, он опустился на землю, привалившись спиной к невысокой статуе Дзидзо-Босацу. Вряд ли божество сочтет это неуважением. В конце-то концов, Дзидзо — покровитель путников и защитник от адских сил.

Покопавшись в поясном кошельке, Джиро бросил на алтарный камень несколько медяков. Не то, чтобы он по-настоящему надеялся на покровительство небесного владыки. Скорее — по привычке. Тем не менее, на душе сразу стало легче. Возможно, что он и не потерял лицо. Много ли чести погибнуть в неравной схватке, если есть возможность собраться с силами и отомстить? Отомстить...

Страх ушел, испарился без следа. Зато на его место пришло осознание. Весь его клан. Все его родные. Все, кто были в городском замке Кобаяши. Все мертвы. И он, Джиро — теперь никто. Пепел, тень, пыль. Обхватив колени, юноша зашелся в беззвучном плаче.

— Они все мертвы. Все, кого я любил. Все, кого я знал.

Голос был полон скорби.

Джиро поднял глаза. Понурая фигура стояла под газовым фонарем. Не демон. Не колдун. Просто человек.

— Штыки. Мечи. Разрубленные тела. Кровь везде. В домах. На земле, — бормотал незнакомец.

Только сейчас Джиро понял, что незнакомец под фонарем не обращается лично к нему. И еще одно... юношу вдруг пробил холодный пот. Он не слышал шагов. Ни стука деревянных сандалий



по брусчатке. Ни хляпанья луж. Ни чавканья городского мусора под ногами. Ничего. Словно человек просто возник под фонарем из ниоткуда. Руки Джиро зашарили по поясу в поисках оружия. Ничего. Что ж. В любом случае, если это колдун...или *екай*, от стали толку мало. Остается уповать на помощь Дзидзо.

— Почтенный, — Джиро с трудом поднялся на ноги. — Этой ночью я потерял всех, кто был мне близок. Всех, рядом с кем я вырос. Их... убило Нечто. А кто повинен в твоём горе?

Что-то изменилось. Фигура незнакомца словно бы выросла вдвое и при этом раздалась вширь.

— В этом повинен ты.

Голос незнакомца прозвучал, словно погребальный набат. Запоздало мелькнула мысль, что надо бежать, но что-то белое, словно зимняя метель, накрыло юношу с головой. Джиро ещё успел ощутить страшную боль в груди, увидеть, как рвутся сквозь кожу выворачивающиеся наизнанку ребра... а потом наступила темнота.

...Забрызганный кровью Дзидзо-Босацу смотрел в ночь и бездумно улыбался газовому фонарю.

* * *

Громкий стук в дверь. Льюис Арктур, когда-то — лейтенант Кембриджширского полка, а ныне — дознаватель при магистрате Фозториса, с трудом разлепил глаза. Застонав, он отбросил в сторону тонкое шерстяное одеяло и сел на скрипучем пружинном матрасе. В голове гудело так, словно кто-то устроил солидную артподготовку.

«Ага. Аккурат как тогда. Шестого сентября, кажется? Долбили по «бошам», а что толку?»

Мысль была плохая. Скверная. Мысль-червячок, что точила Льюиса уже второй год. Мысль-заноза, из-за которой он не мог спать, вновь и вновь переживая тот самый день. Огненный вал артиллерии, изрытое и перепаханное поле, взрывы мин, росчерки трассирующих пуль. Беззвучные крики, оторванные конечности. Обезглавленные тела.

Дьявол. Опять. И ведь вчера он специально напился дерьмового муншайна, только бы уснуть. А с утра, мать его, снова вспомнил. Чертов снаряд, что разорвался в двух шагах. Вспомнил чудовищную силу, что превратила его в мелкую кровавую взвесь.

«Ты мертв, лейтенант Арктур. Погиб в бою. Шестого сентября шестнадцатого года. Тебя нет. И не может быть».



В дверь уже не стучали, а натурально ломились. Льюис натянул помятые брюки, отпихнул под кровать пустую бутылку. Скептически оглядел комнату. Голые стены, крохотное окно-бойница. Из обстановки — обшарпанный платяной шкаф, стол, заваленный старыми газетами, и скрипучая кровать, с которой он только что поднялся. Не ад. Не рай. Чистилище. Обитель неприкаянных душ.

Теперь дверь пинали ногами.

— Иду, мать вашу. Иду.

Дознаватель повернул ручку.

На пороге стояли двое. Оба — в дешевых пальто и кожаных капюшонах. Густые бороды, мрачные взгляды, темная, словно выдубленная на солнце кожа. Льюис знал обоих. Даки. Из «пришлецов», как и он сам. Только он вроде как помер в тысяча девятьсот шестнадцатом. А эти парни получили свое еще при императоре Траяне. Ну, или когда там были дакийские войны? История не была коньком лейтенанта Арктура.

— Чем обязан, джентльмены?

Льюис постарался, чтобы его голос звучал максимально недружелюбно. В конце-то концов, будить человека после перепоя не стоит. Даже если он десять тысяч раз мертв.

— Префект ждет. Дело срочное.

Лейтенант мысленно выругался. Неделю назад Клавдий Септимий Маенус швырнул ему на стол кипу неряшливо исписанных бумаг с недвусмысленным требованием разобраться и навести порядок. Отчеты о ночных убийствах в обособленных кварталах Фозоториса. Дела, на которые никто и никогда не обращал внимания. Правда, на сей раз этих убийств было чересчур много. Но возникшего тогда червячка тревоги Льюис успешно залил очередной бутылкой спиртного.

А теперь, судя по всему, его ждала расплата. И ведь Клавдий и без того не числил «варвара и пришлеца из рода бриттов» в своих любимчиках. Впрочем, можно было сказать и иначе: Клавдий из дома Маенусов, коренной житель Медианна и патриций до мозга костей, не любил Льюиса ничуть не больше, чем иных «пришлецов». Для Клавдия все было едино: что «галл», что «бритт», что «дак», что «сармат» или «русс». Главным было то, что ты — «пришлец». То ли заблудшая душа, то ли еще кто-то, неведомым образом вырванный из привычного мира и времени и оказавшийся тут, в середине бесконечной спирали Медианна.

— Суть «дела» вам, конечно же, не сообщили?

Оба дака синхронно пожали плечами. Пожалуй, в иной ситуации это было бы даже смешно.



Путь до Префектуры занял чуть более получаса. Узкие улочки Фозториса уже кишмя кишели людьми всех рас, вероисповеданий и национальностей. И всех возможных времен. «Пришлецов» всегда можно было отличить от коренных жителей Медианна. Чаще всего их выдавал пустой взгляд, грязные лохмотья вместо одежды и какое-то темное ощущение смертной тоски. Глядя на большинство этих бедолаг, Льюис не мог не отметить, что сам еще неплохо держится. И достаточно хорошо устроился. Выучил местное аргю, сумел найти работу. Понять бы еще, не является ли Фозторис (да и весь Медианн) всего лишь галлюцинацией в его умирающем мозгу...

И все же... Этот странный город был поразительно реальным. Четкие улицы римского Центра с его банками, храмами, кантинами и форумами сменялись хаосом китайских и греческих кварталов. Аромат диковинных благовоний сменялся вонью жженого железа и копоти. Ровная плитка под ногами уступала место разбитой брусчатке, а то и вовсе деревянному настилу. А вокруг постоянно мелькали лица. Сотни. Тысячи людей. Местные и «пришлецы». Всех рас и возрастов. Всех эпох и вероисповеданий. Отовсюду слышалось и кондовое аргю Медианна, и гортанный говор варварских народов, и чавкающая речь китайцев. Повернуть голову — и тут же в уши польются слова давным-давно мертвых языков: арамейский, сарматский, говор Та-Кемет, диалект царства Шань-Инь.

Пестрые одежды. Калейдоскоп лиц. Калейдоскоп эпох и наречий. Симфония запахов. Нет. Это все слишком сложно, чтобы быть просто предсмертной галлюцинацией. Слишком сложно. И все-таки... Льюис невольно ухмыльнулся. Вот уже второй год он пытается убедить себя, что все еще живет. Не зря ли?

Забавно. «Пришлецы» из ранних эпох воспринимали здешние реалии куда спокойнее. Умер там, на земле? И что с того? Боги даровали новую жизнь. Бери и наслаждайся. Китайцы и выходцы из древнего Та-Кемет вообще принимали Медианн как нечто, само собой разумеющееся. И не уставали славить: одни — Осириса, а другие — Яньло-Вана.

А еще — каждый тянул за собой крючки и зацепки из той, утерянной жизни: боль, любовь, ненависть, чувство мести, жажду справедливости. И рано или поздно такой «пришлец» находил своих соплеменников. Неважно, из «местных» или из «пришлых». Важно, что чаще всего с появлением «чувства локтя» и импровизированного землячества, многие уверенно вставали на скользкий путь беззакония.

«Грабежи, изнасилования, убийства. Египтяне терпеть не могут хеттов, хетты — филистимлян, вавилоняне — всех прочих...» — Льюис задумчиво посмотрел на высоченные стены Внешнего Предела



префектуры, — ... и все, как один — ненавидят римлян и их «римский порядок». Неизменно. Вот уже дьявол знает, сколько лет».

* * *

— Итак, Луций, — любые имена префект любил переделывать на римский лад. — Я с нетерпением жду доклада по делам, которые тебе передали.

Вот оно. Лейтенанта прошиб холодный пот.

— Можно... присесть? — Дождавшись утвердительного кивка, Льюис буквально рухнул на один из трех стульев, что стояли у двери. Против воли в голове возникла мысль: вот оно, истинное лицо триумфа римской культуры. Монументальный, с точеными чертами лица патриций, восседающий за широченным дубовым столом и жалкий, мучающийся похмельем рыжий англичанин. Клавдий Септимий с его волевым подбородком и орлиным носом хоть сейчас мог позировать самому взыскательному античному скульптору. Льюис с его недельной щетиной, кругами под глазами и пористым носом сгодился бы для позирования фотографу-криминалисту.

— Я просмотрел все отчеты, — осторожно начал лейтенант, — в целом, картина...эээ... достаточно ясная. Разборки местных банд. Ничего необычного, и...

От взгляда Клавдия Септимия, казалось, даже воздух обратился в лед.

— Значит, ничего необычного? — В голосе префекта звучали легкие металлические нотки.

— Ничего. В Вонючем Городе постоянно что-то случается. Люди. Что с них взять. — Дознавателя отчаянно мутило. Плохо. Еще хуже, что чертов патриций видит все это.

— Люди. Верно. Одни — хороши. Другие — плохи. Третьи — ни то, ни се. А четвертые и вовсе... Пришлые.

Лейтенант сдал виски ладонями.

— Все, господин префект. Я сдаюсь. Капитулирую. Выбрасываю белый флаг. Да, я «пришлец», который бесполезен. И да, я не увидел ничего необычного в тех «делах», которые вы мне передали. Давайте по существу. Хотите карать? Карайте. Или... Поясните, что же все-таки случилось.

— Я не собираюсь тебя карать. — Клавдий Септимий сделал долгую паузу и уточнил: — Пока. Так уж вышло, дознаватель Луций,



что в ближайшие несколько дней, а то и недель, ты — лучшее, что у меня есть.

— Потому, что... — начал было Льюис, но тут терпение префекта наконец лопнуло.

— Проклятье! Потому что я выслал всех более-менее компетентных специалистов и чародеев за пределы Фозториса. Ловить демона. И собирать по лесам очередную партию «пришлецов».

Клавдий вдруг показался лейтенанту бесконечно усталым.

— Эти убийства... Из дел, которые мне передали...

Префект потер пальцами переносицу.

— Да, Луций. Они. И не только. Если бы ты обратил внимание на те самые «дела», то увидел бы, что все убийства случились либо в японском квартале, либо где-то поблизости. Продолжишь мысль?

Сложить два и два было совсем несложно. Проклятье. А ведь он мог бы не заливать спиртным свою память, а разобраться со всем этим дерьмом.

— Какой-то крупный теневой картель копает под кланы самураев? А этой ночью случилось нечто такое, что может вызвать открытую войну?

Патриций картинно воздел руки к закопченному потолку.

— Не просто «вызвать». Был вырезан клан Кобаяши. Клан известный и достаточно уважаемый. И то, что улицы еще не утонули в крови — просто милость богов.

— И я должен прыгнуть в жерло вулкана, пытаюсь выяснить, кто, кому и почему перешел дорогу?

— Именно так. Видит Юпитер, не зря же пару лет назад увидел в тебе нечто полезное. Хотя потом не раз пожалел, что не сплавил тебя в Приграничье. Или на фермы. В общем, туда, где и пришлецы на что-то годятся. Так что... Как бы тебе ни было хреново, давай-ка, переставай себя жалеть. За дело. Или хочешь рассказать, насколько ты несчастен?

Льюс хотел. Ему постоянно хотелось говорить о своих снах. О проклятых воспоминаниях. Почему-то возникало ощущение, что все это произошло не с ним.

— Хорошо. — Дознаватель в очередной раз сжал ладонями виски. — Вырезанный клан. Враги? Конкуренты?

Клавдий вытащил из стола кипу свежесшитых бумаг.

— Тут все. Изучишь по дороге до места. И, Луций...

— Да?

— Я выслал туда добрых два десятка даков. Но не жди от них слишком много. Когда в деле густо замешано колдовство, их это сильно пугает.



Колдовство. Еще одна причина усомниться в реальности этого мира.

— А... Кроме колдовства? Какие-то мысли? Зацепки? Догадки?

Клавдий вздохнул.

— Догадок — никаких. Кроме того, что все это случилось очень не вовремя. Лучшие мои чародеи и гвардейцы охотятся в лесах за демонической тварью. И отозвать их нет никакой возможности: фермеры и без того воют так, что слышно аж в Танториуме. Так что все, что у меня есть — это полсотни даков и ты. А так как ты, Луций, соображаешь достаточно быстро, когда захочешь... надеюсь, что и проблем с расследованием не возникнет.

Льюис вздохнул. Префект Клавдий иногда до скрежета зубовного напоминал одного штабного полковника. Того самого, что отправил роту лейтенанта Арктура на убой, без тени сомнения.

— Что-то еще?

Патриций не ответил. Лишь неопределенно помотал головой, давая понять, что аудиенция закончена.

Обычно добраться от уродливого колосса Префектуры до японского квартала было непростым делом. Добрых три километра по узким переулкам «Малой Эллады», затем — на рикше до площади Основателей, а уже оттуда — на старой и скрипучей конке до замка Кобаяши. Но сегодня, учитывая важность дела, Клавдий, скрипя зубами, выделил дознавателю служебный автомобиль. Устроившись в салоне, Льюис, несмотря на пульсирующую головную боль, изучил выданные префектом заметки вдоль и поперек. Увы: никаких подсказок там не было. Клан как клан. Контролировали себе добычу хлама на одном из участков Великой Свалки. Владели небольшим оружейным заводом. Время от времени посылали новобранцев в пограничный легион «Мечи Токутавы». Все. Ни тебе явных связей с криминальной изнанкой города, ни громких скандалов. Ни даже больших денег. Кровная вражда? Тоже нет. Серый, неинтересный клан.

Конечно, была еще и тайная политика. Паутина связей и договоренностей. Подковерная борьба и дележ сфер влияния. За все время, что он провел в роли дознавателя префекта, Льюис едва коснулся этого грязного закулисья, однако знал, что за последние десять — пятнадцать лет накопилось множество споров и обид между японской и египетско-вавилонской диаспорами. Вонючий Город уже давно жил на грани настоящей уличной войны. И теперь, судя по всему, чаша гнева переполнилась.

Внешние ворота городского замка были буквально размолены в щепу. Что сказать — максимально эффектное проникновение. Не задерживаясь на улице, Льюис двинулся во внутренний двор цитадели. Там перекинулся парой-тройкой слов с даками из оцепления. Бородатые воители явно нервничали. И нельзя сказать, что у них на то не было причин: пока массивная полицейская машина протискивалась к цели узкими улицами, лейтенант воочию наблюдал группки японцев с крайне недовольными лицами. Еще одной причиной было явное ощущение...чуждого? Пожалуй, что так. По крайней мере, никак иначе Льюис не мог объяснить назойливый зуд где-то внутри черепа.

Во внутреннем дворе ничего интересного не было. Если, разумеется, не считать таковым расплюснутый труп местного привратника. Этот самый труп Льюис, едва сдерживая тошноту, рассматривал добрых пять минут. Зрелище отнюдь не вдохновляло. Даже в страшном сне Льюис не смог бы представить себе силу, которая в буквальном смысле вывернула бы человека наизнанку, а затем — словно через мясорубку пропустила мясо, кости и внутренности. Нет, разумеется, во Фландрии случалось и не такое, но ни воронки от взрыва, ни крупнокалиберной гаубицы на расстоянии ближайших семи — десяти километров не было. Не укрылось от лейтенанта и то, что даки из оцепления раз за разом делают хитрый жест, отворачивающий зло.

— Остальные жертвы внутри?

Мрачный тип в длинном плаще и широкополой шляпе кивнул.

— Да, почти все. Кроме вот этого, что у ворот. И еще один паренек. Его нашли на окраинах квартала.

Интересно. Значит, парень успел сбежать. Однако убийцы его догнали. То есть, до последнего хотели сохранить инкогнито? О чем это может говорить? О том, что война между кварталами тут ни при чем? Что за гибелью «серого» и «непримечательного» клана стоят все те же японцы? Зачем? Спровоцировать уличную войну? Подтолкнуть к действию нерешительных? К сожалению, все говорило о том, что дела обстояли именно так. И проклятый префект отправил Льюиса ворошить осиное гнездо просто потому, что стоять в стороне Клавдий не мог. Точнее сказать — не мог стоять в стороне, не изобразив какую-никакую активность и участие. А уж когда на улицах загремят выстрелы — тут-то и окажется, что всех собак можно повесить на незадачливого дознавателя.



Больше для очистки совести, чем в надежде обнаружить нечто важное, Льюис обошел цитадель по периметру. Замок был не то чтобы велик, однако явственно свидетельствовал о том, что клан Кобаяши не бедствовал... до сего дня. Плац для тренировок, несколько подсобных помещений. Уличный алтарь. На заднем дворе нашлось место для небольшой веранды и весьма искусного *карэсэнсуй* — сада камней. Неплохо, учитывая конский размер налогов, которые должны были выплачивать все те, кого можно было бы назвать промышленниками.

У парадных дверей лейтенант замешкался, подавляя внезапно нахлынувшую тошноту. Идти в сумрачные коридоры цитадели, где случилась резня, совершенно не хотелось. Давило все то же ощущение чуждости.

— Эй, ты! — Льюис подозвал к себе одного из даков. — Пойдешь со мной. Мало ли что.

Бородатый детина, вооруженный массивным штуцером и кривым мечом, замотал головой.

— Нельзя. Зло. Скверна. Разве не чувствуешь?

Дознаватель чувствовал. И еще как. И чем дальше — тем больше. Мир вокруг словно бы выцветал, теряя краски и объем.

— Зло не зло, а мне нужна помощь. Навесь на себя побольше оберегов. Надо — одолжи у товарищей. Глядишь — скверна и не пристанет. А заодно и перед префектом оправдываться не придется. По поводу того, что оставил меня без помощи.

Упоминание префекта сработало. Насупившись, бородатый решительно двинулся вперед.

* * *

Лакированное дерево. Расписные ширмы. Тусклый свет из хитро расположенных окон. И кровь. Много крови. Бородатого дака вырвало еще в помещении стражи: кто-то или что-то натурально превратил людей Кобаяши в месиво. Сталь доспехов, человеческие кости и окровавленная плоть казались жутким тестом для дьявольского пирога. Все оружие — или на стойках, или в ножнах. Несчастные даже не успели понять, что на них напали. Стараясь не наступать на останки, Льюис двинулся дальше. Понурый напарник дознавателя вроде бы шел следом. Коридор. Большой зал. Удивительной красоты ширма: горный пейзаж и танцующие на его фоне журавли. За ширмой — очередное тело. Глаза бессмысленно



появятся в потолок, в руках помповое ружье. Все, что было ниже грудной клетки — отсутствует. Это не было похоже на обычный налет. Никто не стрелял и не использовал холодное оружие: ни нападавшие, ни те, по чью душу они пришли. В ход шло только колдовство. То самое, в существование которого Льюис едва верил.

Он шел вперед, стараясь смотреть на окружающий кошмар как можно более отстраненно. Замечать лишь то, что существенно. Видеть в изуверенных телах лишь материал для расследования. Подмечать важные детали и просто идти дальше. Это было непросто, но до поры до времени удавалось. А потом...

Внутри черепа вдруг закопошились мириады крошечных насекомых. Перед глазами поплыли яркие круги, а затем мир поблек. Превратился в размытый негатив. Цвета исчезли, контуры предметов искривились, звуки шагов и скрип древесины под ногами звучали как сквозь ватное одеяло. Зато Льюис слышал иные звуки. Взрывы. Пулеметные очереди. Влажное дыхание земли, когда в нее зарывается тяжелый гаубичный снаряд. Крики раненых. Снова пулеметные очереди...

Что есть реальность? Что есть жизнь? Что есть смерть?

Иллюзорный японский замок таял на глазах. Зато лейтенант Арктур начинал различать... истинное? Грязные траншеи, битком забитые зашивевшими «паулю». Колючую проволоку и висящие на ней тела. Изрытое воронками поле. Блики солнца на фюзеляже рухнувшего на «нейтралке» аэроплана. Пороховую гарь. Льюис зашарил по груди, пытаясь нащупать офицерский свисток. Нельзя терять времени. «Боши» скоро оправятся, и атака снова захлебнется под градом мин, под разящим дождем пулеметных очередей. Нельзя просто стоять в полный рост на кромке траншеи и ждать. Он махнул рукой в направлении вражеских оборонительных линий и бросился вперед. А за ним следом двинулась и его рота. Молча. В полной тишине. Ни единого вскрика. Ни единого скрипа порядком изношенной амуниции. Ни даже чавканья мокрой грязи под сапогами. Словно в бой шли бесплотные призраки, что уже не способны колебать тварную ткань мира. А когда первые солдаты обогнали лейтенанта, он, наконец, увидел... Разорванные и окровавленные шинели. Кровавые культы с торчащими осколками белых костей. Безглазые и безносые черепа на месте лиц. Леннты кишок, волочащиеся за идущими. В бой действительно шли призраки. Или просто мертвецы. Но в бой ли? Сейчас Арктур наконец разглядел: там, впереди, над немецкими позициями было нечто. Исполинский вихрь, таинственная белая круговерть. Что-то манящее и отталкивающее. Манящее и...



Вспышка. Резкая боль в челюсти и что-то острое, упирающееся в спину. Перед глазами — разбойничья морда. Клочковатая борода, перебитый нос, дикий взгляд. Один из «дакийской гвардии» Клавдия. Точнее — тот самый, что пошел с Льюисом в проклятый замок Кобаяши. Замок. Теперь все встало на свои места. Льюис понял, что лежит на разломанной в хлам скамье. А боль в челюсти...

— Ты мне врезал что ли? — Лейтенант постарался, чтобы в голосе его звучало больше удивления, нежели упрека.

Дак, прежде чем ответить, протянул Льюису руку и поставил его на ноги.

— Пришлось. Колдовство. Злое. Стал... теряться. Хотело забрать.

Между тем бородатый пошарил в карманах пальто и вытащил крохотную костяную пластинку. Зачем-то подул на нее, а затем протянул лейтенанту.

— Оберег. Простой, но хороший. Держи.

Льюис с сомнением взял пластинку в руки.

— Не сомневайся. — Дикарь сжал пальцы лейтенанта на пластине. — Даже если не веришь, все равно защищать будет. Хороший оберег.

Что ж. Возможно, так оно действительно будет и проще, и спокойнее. Что-то подсказывало дознавателю, что повторное видение белой круговерти не закончится для него ничем хорошим.

Второй этаж клановой цитадели они прошли без приключений. Разве что теперь уже стошнило и Льюиса: то, что неведомый чародей сделал с жившими здесь детьми и подростками, попросту не укладывалось в понятия добра и зла. Да что там... Чем дальше, тем меньше лейтенант верил в то, что все это сотворил кто-то, имеющий человеческую душу и человеческий же разум. И все же это сделали люди. Демон, дьявол, да любая другая inferнальная тварь из пустошей Тоттенланде попросту не смогла бы проникнуть за внешнюю стену Фозториса. Сработанные на совесть охранные обереги испепелили бы такого «гостя» за пару ударов сердца. Это если верить Клавдию. И экспертам-демонологам из префектуры.

Третий этаж. Тут, похоже, уже смекнули, что к чему. Аккуратные ширмы — в копоты, то тут, то там — дырки от пуль.

— Умерли, как воины. — В голосе бородатого звучало печальное уважение.

Как воины, да. С точки зрения Льюиса утешение было слабое. Судя по всему, убийце так и не нанесли никакого урона. Зато уж он здесь расстарался. Пара тел, что валялись прямо у лестницы, были иссечены так, словно в них в упор выпалили картечью.

И... Было кое-что еще. В коридоре то тут, то там было рассыпано что-то белое. Аккуратно обойдя очередной труп и стараясь



не испачкаться в крови, дознаватель опустился на одно колено. Мотыльки. Несколько десятков мертвых белых мотыльков. Толстое брюшко, непропорционально длинные усики, короткие крылья. Не удержавшись, Льюис подобрал трупик насекомого.

— Не стоит это трогать, — дак предостерегающе покачал головой, — Никогда не знаешь, чего ждать от чародейства.

Нельзя сказать, чтобы Льюис был не согласен со своим спутником. Однако эти мотыльки пока что были единственной зацепкой.

— Видел что-то подобное? Похожих насекомых? Похожее колдовство?

Бородатый воин сплюнул.

— Не нужно брать дерьмо в руки, чтобы догадаться, что это именно дерьмо. Колдовство же... Оно всегда разное.

— То есть, дерьмо... чары... Должны вонять по-разному? И эти дохлые твари приведут нас к тому, кто устроил эту резню?

Дак глухо фыркнул.

— Ты смотришь. Но не видишь. Как и прочие из поздних эпох. У колдовства не бывает следов. Или это не те следы, что выведут к колдуну.

— Какие нужны следы?

Бородатый поморщился.

— Нужно искать сродство. Символы. Этого, — дак кивнул на дохлых насекомых, — Хватало и внизу. Не так много, но эти твари там были. Сродство. Понимаешь?

Льюис помотал головой.

— Твари. Как-то связаны со смертью. Нужно понять как.

Лейтенант с трудом удержался от желания отшвырнуть прочь мертвое насекомое. Вместо этого, нарочито небрежно повертел бабочку между пальцами. От такого обращения хрупкое крыло мотылька отвалилось, обнажив черный рисунок на спинке — нечто, напоминающее человеческое лицо.

— Послушай, — самообладания Льюиса едва хватило, чтобы положить мотылька в карман пиджака, — а где искать это «сродство»? Кто может помочь? В конце-то концов, я...

— Тише, — дак сделал предостерегающий жест рукой и взял штучер на изготовку. — Кто-то есть впереди. В одной из комнат.

Шорох. Тень на другой стороне ажурной перегородки. В десяти — двенадцати шагах по узкому коридору. Выхватив револьвер, Льюис бросился вперед. Разумеется, скорости дознавателю не хватило. И, разумеется, по дороге он умудрился зацепить тяжеленную керамическую вазу, которая с чудовищным грохотом рухнула на пол,



чтобы разлететься на добрую сотню осколков. Тень на стене замерла. А затем темной молнией скользнула прочь.

— Проклятье! — Лейтенант прыгнул вперед, ломая лакированную ширму. Поздно! Впереди лишь на мгновение мелькнула чья-то спина. Впрочем — замок оцеплен, а значит, вариантов у беглеца не очень-то и много. Побежит тем же путем, которым и пришел.

Уже после Льюис думал, что со стороны эта погоня должна была напоминать гонку юркого зайца и разжиревшего носорога. Анфилада крохотных и аккуратных комнатусек вдруг превратилась в полосу препятствий. Для дознавателя, не для беглеца. Последний умудрялся держать неплохой темп, не задевая расставленных тут и там чайных столиков, декоративных стоек и полок. Лейтенант же непременно спотыкался обо все, обо что только можно было споткнуться, и крушил все, что только можно было сокрушить. Тем не менее, загнав беглеца в угловую комнату, Льюис был готов торжествовать. Увы. Эта готовность продержалась всего лишь мгновение: столько понадобилось преследуемому, чтобы ловко выскочить в широкое окно.

«Третий этаж!» — мелькнула запоздалая мысль, но мышцы уже сноровисто перебрасывали тело через подоконник. Свист ветра, короткий момент страха — и вышибающий дух удар по подошвам. Конечно же, под окном была крыша какой-то хозяйственной пристройки. Снизу глухо рыкнул чей-то табельный карамулук: тяжелая пуля вышибла кусок черепицы из-под ног убегающего, от чего тот едва не сверзился с крыши. Еще одна пуля свистнула рядом с Льюисом. Ну конечно. Оцепление успешно прошляпило все на свете, а теперь демонстрирует боевую готовность. Как вариант — «Дакийская гвардия» просто любила грохот и пороховую вонь.

— Не стрелять! Не стрелять, мать вашу! — Лейтенант надеялся, что хоть кто-нибудь его усыпит. Продырявить беглеца легче легкого, вот только смысла в этом никакого.

Впрочем, выстрел неизвестного дака все же сыграл на пользу: беглец потерял темп, и Льюис еще немного сократил разрыв. Черт, каких-то семь-восемь футов и уже можно было бы схватить незнакомца за невзрачную накидку грязно-бежевого цвета. Словно прочитав мысли лейтенанта, беглец прибавил ходу. Вот уже и край крыши. Оттуда — или вниз, или... Разумеется, беглец выбрал то самое «или» — не сбавляя темпа, оттолкнулся от черепицы, и умудрился перепрыгнуть широкий зазор между строением и внешней стеной замка. Зажмурившись, лейтенант прыгнул вперед. Больно стукнулся ребрами, с кровью вырвал ноготь, цепляясь за верхнюю часть стены и, что хуже всего — выронил револьвер. Зато успел увидеть, как прихрамывающий беглец свернул в ближайший переулок. Напрягая



последние силы, Льюис рванул вперед... Никого. Заваленный мусором переулок был пуст. Беглец словно бы растворился в воздухе.

* * *

Больше всего на свете лейтенанту хотелось выпить. Даже так: не выпить, а залиться спиртным по самую ватерлинию, утонуть в вязком, пустом сне. Ночные кошмары, окровавленные ширмы в замке Кобаяши, беготня по крышам. И, разумеется, вчерашнее похмелье. Все это превратилось в некоего незримого монстра, желающего только одного: страданий и смерти дознавателя Льюиса Арктура.

Впрочем, если смерть несла тишину и забвение...

До харчевни «Пламень Ашшура» пришлось добираться пешком. Префект Клавдий не был настолько любезен, чтобы предоставить своему дознавателю автомобиль аж на целый день. Да и «почетный эскорт» из десяти даков попросту не поместился бы в служебную колымагу. А соваться в «Пламень» без сопровождения Льюису крайне не хотелось.

Несмотря на середину дня, главный зал харчевни не пустовал. За длинными столами сидели мрачные египтяне и ассирийцы. На первый взгляд — типичные работники многочисленных фабрик и мануфактур, что располагались в знаменитом квартале Ра. Однако от внимательного взгляда вряд ли бы укрылись многочисленные шрамы, покрывавшие тела «работяг», причем шрамы были как свежими, так и не очень.

— Чего хотят от нас слуги Римского дома? — низкорослый бородач поднялся со скамьи и вразвалочку направился к Льюису. — Неужто клевета достигла ушей префекта? А может, не только клевета, но еще и звонкая монета? Желтомордые держат в своих руках и фабрики, и дороги. Но постоянно хотят больше.

С другого конца зала медленно подходили еще трое «работников», причем один из них демонстративно поигрывал шипованной дубиной.

Льюис вздохнул. Все-таки решение взять с собой даков было правильным. Не то, чтобы он верил в реальную угрозу здесь и сейчас. Но десяток вооруженных молодчиков за спиной должны были серьезно сэкономить время.

— Мне нужен Большой Адад.

Низкорослый с деланным удивлением поднял брови.



— Неужели? А кто сказал, что мы позволим римлянам его арестовать?

— Никто не собирается никого арестовывать. — Льюис умиротворяющее поднял руки. — Большой Адад нужнее здесь, а не в застенках околотка.

— Чем докажешь?

— Меня зовут Льюис Арктур. Однажды... я оказал услугу Большому.

Низкорослый замер. Покивал головой, что-то соображая. Затем подал знак одному из «рабочих». Тот кивнул головой и, вскочив со скамьи, бросился к закопченной двери возле барной стойки.

— Если ты не врешь... — низкорослый запустил пятерню в бороду. — Адад встретится с тобой. Но если он тебя не знает — вам, римлянам, придется забыть дорогу в наш квартал. Надолго.

— Проверь. Я думаю, что Адад будет рад, когда я расскажу о бдительности его верных... соратников. — Замешательство на лице бородача заставило Льюиса ухмыльнуться.

«Рабочий» вернулся. Подбежал к низкорослому и пробормотал что-то неразборчивое. Низкорослый с досадой дернул себя за бороду и, наконец, произнес.

— Ты, что называешь себя Льюисом — можешь идти. Остальные — ждут тут. Адад распорядился накормить и напоить гостей.

— Я надеюсь, ты лично возьмешь на себя это бремя, друг?

Судя по налившемуся краснотой лицу бородача, подобное предложение его задело. Однако взяв себя в руки, он угрюмо кивнул.

Криво усмехнувшись напоследок, Льюис нарочито неторопливым шагом проследовал к закопченной двери.

Крылатые быки, шагающие через рухнувшие стены павших городов. Яркое небо, выложенное янпис-лазурью. Смуглые танцовщицы, изгибающиеся в танце под светом аметистовых звезд. Большой Адад считал себя потомком царя Ашшурбанапала, так что небольшую залу для встречи гостей постарался украсить по-царски.

— Льюис! Старый друг! — Ассириец поднялся с ложа, заваленного бархатными подушками, и в комнате сразу же стало тесно. Прозвище «Большой» Адад получил по заслугам.

Льюис попытался сдержанно пожать руку Большому, но тут же оказался зажатым в душных объятиях.

— Я тоже рад тебя видеть, — с трудом высвободившись, лейтенант похлопал ассирийца по плечу. — Увы, но обстоятельства моего визита далеки от приятных.

— И все-таки, чтобы ни привело тебя в мое обиталище, я рад. — Адад уселся на тахту. — По крайней мере, эти самые обстоятельства наконец-то позволили нам увидеться. Разве не так?



Льюис смутился. После того, как он быстро и споро раскрыл дело о насильнике-изувере, что орудовал в окрестностях египетского квартала, Большой Адад стал для него тем, кого действительно можно было бы называть другом. И, пожалуй, Льюис был бы этому только рад, если бы не одно гадкое но: Большой, помимо всего прочего, был негласным лидером одной из крупнейших банд Фозториса. Это не было секретом ни для кого, однако поймать Адада по горячим следам не удавалось: вопреки своей внешности уличного дуболома, ассириец был хитер как лис. Как бы то ни было, Клавдий бы не одобрил частые визиты дознавателя к главарю шайки. Потому-то единственным настоящим другом лейтенанта Арктура и оставалась бутылка крепкого пойла.

— Не буду ходить вокруг да около, Адди. Несколько недель кто-то режет узкоглазых. А учитывая взаимную любовь детей Аматерасу и пасынков Иштар — выводы напрашиваются сами собой.

— Иногда эти выводы не только неверные, но еще и опасные... друг.

В черных глазах ассирийца мелькнули молнии гнева, но Льюис лишь пожал плечами.

— Вонючий Город вообще опасное место. Мысли, слова. Все ничего, пока они не превращаются в чары и проклятия.

Адад с деланным равнодушием провел ладонью по кучерявой бороде.

— Я знаю всех колдунов, заклинателей и шарлатанов в округе. И ни один из них...

— ... не смог бы в одиночку вырезать целый клан? Да? Ты это хотел сказать, Адди? — Льюис чуть подался вперед, заметив на лице ассирийца легкое замешательство. — А ты хорошо знаешь этих самых «заклинателей и шарлатанов»? Уверен, что никто из них не затаил обиды на желтомордых? Готов поручиться за границы их способностей?

Гигант молчал, до хруста сжимая огромные кулаки.

Что ж. Льюис отдавал себе отчет, что идет сейчас по чертовски опасной и острой грани. А потому, чтобы не провоцировать ассирийца, дознаватель придвинул к себе пустой стакан и медленно набулькал туда виски из стоящей на столе бутылки. Молча выпил.

— Я не пытаюсь ни в чем тебя обвинить, Адди. — проговорил наконец Льюис. — Но это так или иначе будут пытаться делать другие. А потому, чтобы докопаться до сути и отвратить от тебя беду, я должен знать все. Вплоть до того, сколько раз в день ходит срать тот или иной чародей.

Большой Адад тяжело вздохнул.



— Здешние чародеи ненавидят узкоглазых не меньше, чем прочие. И если бы ты рассказал мне, что какого-то япошку разорвало в клочья на улице — я бы первый бросился расспрашивать и выпытывать, кто же из моих так отличился. Но вырезать в одиночку добрых четыре десятка человек — на такое не достанет сил даже у чародеев из легионов.

— Но если все-таки...

— Тут не может быть никаких «все-таки», друг Льюис. У любой силы есть предел.

Дознаватель снова наполнил стакан до краев. Отхлебнул виски, и только потом вытащил из кармана мертвого мотылька.

— Вот это вот осталось на месте резни. Во дворе и на первом этаже — меньше. Но чем выше — тем больше дохлых бабочек кругом. Кто-нибудь из твоих чародеев может сказать, что это такое?

Адад брезгливо скривился, глядя на дохлое насекомое.

— Мерзость. Не стоило тащить это сюда.

— То есть, ты можешь рассказать что-то про этого мотылька?

— Могу. Это — остаток того самого колдовства. Послед каких-то чар. Причем чар мерзких. Мотылек — это вроде слепка чей-то души.

Дознаватель непонимающе посмотрел на главаря банды.

— Кем бы ни был этот чародей, он использует силу чужих душ. Поглощенных или удерживаемых каким-то договором. Или соглашением.

— Души для него что-то вроде топлива?

Большой Адад кивнул.

— Что-то вроде. А эти мотыльки...

—... что-то вроде отгоревшего топлива. Шлак, короче. Душа или души пошли на что-то нужное колдуну. И распались вот на это.

— Я бы и сам не смог сказать лучше, — в глазах ассирийца читались неподдельное уважение. — А еще говорил, что ничего в колдовстве не понимаешь.

— Я и не понимаю. Просто логика. Додумал твою мысль. — Льюис на секунду замолчал, а затем продолжил: — И сколько вавилонян или ассирийцев способно использовать силу чужих душ?

— Нисколько. Тех, кто пытался делать такое ранее — забивали камнями. Души принадлежат подземным богам. И негоже воровать у богов, навлекая на себя их гнев. К тому же... — Адад ненадолго задумался.

— К тому же — что?

Ассириец вздохнул.

— Даже самый опытный колдун-душелов сможет связать не более пяти, много — десяти душ. Разве что — кто-то пожертвует ему эти души добровольно.



— А в том чертовом замке эти самые души выгорали десятками.
— Льюис хмыкнул. — Мысль понятна, Адди.

— Рад, что смог помочь. Выпьешь еще пару стаканов со старым приятелем?

Отказываться дознаватель не стал.

* * *

«Хвост» Льюис заметил, едва покинув египетский квартал. Субтильная фигурка в дешевом пальто то замирала возле закопченной стены, то делала вид, что в последний момент не успела запрыгнуть на подножку отправляющейся конки. Надо сказать, все театральные действия этот некто выполнял достаточно мастерски. Вот только лейтенант Арктур всегда чувствовал чужой взгляд. В окопах Фландрии этот талант не раз спасал от меткого выстрела какого-нибудь боша-снайпера.

Нельзя сказать, что «хвост» был чем-то удивительным, учитывая обстановку в городе. Сильные мира сего всегда опасаются за свои задницы, когда дело пахнет жареным. Вот кто-то из них и решил узнать, что к чему, и куда дует ветер.

В голове у дознавателя вдруг проснулась пьяная удаля. «Хвост»? А ведь это даже хорошо. Даже знание, кто именно приставил шпиона к скромному служаке из Римского дома будет полезным. В конце-то концов, больше всех нервничает тот, у кого рыльце в пушку. С этими мыслями Льюис свернул в узкий проход между высотными домами. Поморщившись от запаха, встал в тени, рядом с гигантской грудой отбросов. Ждать пришлось недолго. Фигура в пальто проскользнула мимо лейтенанта, затем, словно о чем-то догадавшись — замерла на месте.

«Сейчас».

Дознаватель вышел из мрака. Одним движением взвел курок табельного револьвера.

— Кажется, вы искали меня, не так ли?

Соглядатай резко повернулся. Ну конечно: женщина! Молодая японка, лет двадцать пять. Может и меньше. Экспертом в азиатках Льюис никогда не был. Пожалуй, что миловидная: аккуратный подбородок с ямочкой, маленький, чуть вздернутый нос, миндалевидные глаза, короткая стрижка и впалые щеки.

— Дознаватель Льюис Арктур к вашим услугам, мэм. Думаю, что у вас ко мне есть какие-то вопросы? Забавное совпадение, но



вопросы есть и у меня. К вам. Или к вашему нанимателю. Так будет вернее.

Женщина как-то по-особому посмотрела на лейтенанта и пробормотала что-то неразборчивое. В следующую секунду Льюис зашипел от боли: костяная пластинка-оберег, про которую он и думать забыл, вдруг обожгла кожу даже сквозь толстое сукно брюк. Вот значит как. Колдунья.

— Еще раз попытаешься колдовать — и я стреляю. — Льюис направил револьвер на японку. — Продолжим знакомство?

— Здесь? — женщина с сомнением покосилась на кучи мусора возле стен. — Тебе не кажется, что это не лучшее место для бесед и знакомства?

Втянув носом застарелый смрад человеческих экскрементов, дознаватель вздохнул.

— Хорошо. Сменим место. При условии, что ты не будешь пытаться сбежать от меня. Договорились?

Харчевня была типично китайская: яркая вывеска с непонятными иероглифами, свисающие отовсюду амулеты, бумажные фонарики и гирлянды, толпа народа. И тараканы. Огромные, с добрую половину ладони. Впрочем, по сравнению с вонючим переулком даже эта харчевня тянула на обеденный зал Букингемского дворца. А еще тут наливали спиртное. Сомнительного качества, но все же.

Столик, который занял лейтенант со своей «дамой» удачно располагался возле дальней стены харчевни, а засаленные шторы и символическое ограждение с трех сторон давали ложное ощущение приватности. Льюис заказал выпивку себе, вопросительно посмотрел на беглянку, но та лишь покачала головой. Что ж. Дважды предлагать что-либо он не собирался.

— Итак, — дознаватель сделал хороший глоток из не слишком чистого стакана, — давай по порядку. Кто ты такая? Зачем следила за мной?

Женщина пожала плечами.

— Мне дали указания. Да и по правде, самой было интересно увидеть человека, который несколько недель подряд игнорировал убийства в нашем квартале.

Льюис сделал очередной глоток.

— На улицах убивают каждый день. А вот чародеи, которые в одиночку уничтожают целый клан — все-таки редкость.



— Хочешь увидеть еще большую редкость, гайджин? — не дождавшись ответа, японка запустила руку в карман пальто. — Вряд ли ты понимаешь что это.

Белый мотылек. Догадаться, в общем-то, было не сложно.

— Значит, это за тобой я гнался сегодня в замке Кобаяши?

Женщина кивнула.

— Но это... — она ткнула пальцем в мертвое насекомое, — я подобрала на трупе уличного торговца. Полторы недели назад.

— То есть, ты и твой... — Льюис помедлил, выбирая, как бы сильнее задеть собеседницу, — ... хозяин... Вы знали о колдунешелове?

— У меня нет хозяина, — в голосе японки зазвенел лед, — я — Норико Сато. Доверенное лицо патриарха клана! — девушка проникновенно посмотрела на Льюиса. — Признаться, ты меня удивил, гайджин. О «душелове» мы сразу же сообщили в Римский дом.

Интересно. Значит, префект был в курсе. Но предпочел не давать лишней информации, просто свалив на Льюиса все проблемы.

— Дай угадаю. Префект ответил, что все его специалисты-чародеи ловят демона в окрестных лесах? И предложил решить все своими силами?

Норико кивнула.

— Именно так. И мы пытались. Искали убийцу. Но, как оказалось, никто и понятия не имел, насколько он силен.

— Позволишь еще одну догадку? — дознаватель одним глотком допил мутный напиток. — Ты или твой «патриарх клана» решили, что префект покрывает убийц, верно? Поскольку, по вашему мнению, след ведет в египетский квартал, так?

Выражение лица японки почти не изменилось, но Льюис знал, что попал в цель.

— То, что случилось в замке Кобаяши — это даже не объявление войны. Это — ее начало. Потому-то ты и влезла в замок тайком. Получить неопровержимые доказательства, которые позволят или ударить по врагу, или официально призвать его к ответу. И потому следила за мной. Думала, что я покрываю ассирийцев, верно?

— Вы, гайджины, не хотите войны. Это все знают. А значит, пойдете на все. На подлог. И на обман.

Льюис вздохнул.

— Подлог и сокрытие тут ничего не даст. Война и без того вот-вот начнется. Префект дал команду оцепить и египетский, и японский кварталы. Так что, возможно, сегодня ночь пройдет спокойно. Но за завтрашний день я не поручусь.

— Бросьте ассирийских старейшин в казематы, и войны не случится! — в глазах Норико Сато горел гневный огонь. — Мы не



хотим крови на улицах Фозториса. А ассирийские бонзы хотели бы поделитъ зоны влияния.

Лейтенант прикрыл глаза.

— Ищи тех, кому это все выгодно. Правильный принцип. Вот только в таком случае выходцы из египетского квартала ни при чем.

— Но кто...

— Якудза. Ваши малые кланы. Третья сила из города. Кто угодно. Поправка: кто угодно, у кого есть невероятно талантливые чародеи-душеловы. Настолько талантливые, что способны творить невозможное. Кстати, у ассирийцев таковых точно нет.

— Это... не человек. Вы, гайджины, ищите не то.

Лейтенант был уже достаточно пьян, но безошибочно уловил испуг в голосе собеседницы.

— Демон? Уж не тот ли самый, которого ловят почти целый месяц? Но Фозторис защищен. Никакой демон даже близко к внешней стене не подойдет.

— Месяц назад что-то уже проникло в город.

Месяц назад? Но тогда все чародеи префекта были здесь, под рукой. И выловить что колдуна-душелова, что иную мерзкую дрянь, было бы делом техники, однако...

— Думаю, что это какая-то ошибка. Или те заклинатели, что находятся на службе у префекта, зря едят свой хлеб.

— После первого убийства я предложила свою помощь, — внешне японка оставалась спокойной, но в глазах безошибочно угадывались отблески гнева. — Префект ответил, что помощь не требуется. А потом отправил всех своих чародеев отлавливать демона за пределы Фозториса.

— А с чего ты решила, что сможешь помочь? — Этого говорить не следовало, но... Просто промолчать было бы еще большей ошибкой.

— Я из тех, кого называют... — на секунду женщина замялась, — заклинательницами призраков. Это не совсем верно, потому что не все *екаи* являются духами или бесплотными созданиями. Но нет-нет. Тот, кто сотворил все это... Там нет привычных признаков присутствия *екай*. И, одновременно — они есть.

Дознаватель с сожалением посмотрел на стакан. Тот был пуст, а разговор с Норико явно переходил в ту плоскость, разобраться в которой можно лишь хорошенько залившись муншайном.

— А ты, значит, была на месте каждого убийства?

Женщина кивнула.

— Защитные мантры. Домашние божества. Самые простые амулеты, которые носили на себе первые, одиночные жертвы. Защитные печати и обереги. Все это делала я... И ничего. Ничего не работало. Как будто никакой защиты и не было.



— Мантры и молитвы. Они ведь только против этих самых...

— Против *екаев*. И против демонов, если так проще. Частично — гасят и подавляют привычные чары, но уже хуже. А, бесполезно. — Норико взмахнула рукой. — Ты видишь, слышишь и все равно не веришь. Я чувствую. Ты не веришь даже в то, что живой.

Льюис вздрогнул.

— Это не имеет отношения...

Женщина резко встала из-за стола.

— Имеет, гайджин. Или, если тебе так привычнее — пришлец. Это — Срединный мир. Тут свои законы. Свои правила. Мне здесь проще. Такие же, как ты... или сходят с ума, или искажают миропорядок.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Безумцы. Поисковые отряды постоянно кого-то находят в окрестностях Фозториса. И несколько месяцев подряд в город приводят таких, как ты. Пришлецов. Но — безумных. Они твердят о каком-то сонме душ, о мести. А потом случается то, что случилось в цитадели Кобаяши. Потому что ты и тебе подобные тянете зло с той стороны.

— Чародей — он из пришлых? Один из сумасшедших?

Норико покачала головой.

— Я не знаю. Но то, что происходит — как-то связано с *всплеском*. И с этими безумцами. А что хуже всего — кто-то придумал, как использовать происходящее с наибольшей выгодой для себя.

* * *

Этой ночью Льюис почти не спал. Мысли клубились в голове, сталкиваясь и разбиваясь на тысячи несвязанных осколков. Демоны, чародеи, чужие души и их ловцы, интриги власть предержащих и нахлынувшие в Фозторис безумцы. Путано. Несвязно. И все же... В этом должен был быть какой-то смысл, который безнадежно ускользал от лейтенанта.

Как долго? Как долго все это будет продолжаться? Как долго он будет соскальзывать в эту бесконечную пропасть под названием Медианн? Как долго будет пытаться найти себя?

Замаячившее за окном серое утро лейтенант встретил с облегчением. Утро избавляло от необходимости копаться в собственной душе.



Дежурный отчитался об отсутствии происшествий. Как ни удивительно, но решение оцепить кварталы все-таки дало свой результат. Угроза войны на какое-то время ушла на второй план. Вопрос только в том, как надолго.

Воспользовавшись короткой передышкой, дознаватель перерыл всю немаленькую библиотеку околотка в поисках внятных сведений о том, что же представляет собой *всплеск*. Информация была достаточно занятной. Как правило, случалось это достаточно редко. Зато бывало, что в Медианн сразу же попадали десятки, сотни, а в редких случаях — и тысячи пришлецов. Интересно было и то, что эти пришлецы обычно являлись из одной и той же эпохи, да что там, часто — из того же года и из той же географической точки «Земли живых». А спусковым крючком *всплеска* являлось, как правило, какое-нибудь особо кровавое событие. Было ли этого достаточным для того, чтобы кто-то из обезумевших пришлецов получил выдающиеся способности колдуна-душелова? Ответа на этот вопрос Льюис найти не сумел.

А ближе к середине дня начались проблемы. Очередная смена патрульных, отправленная к египетскому кварталу, была разоружена и избита. Усиленный патруль, высланный следом, постигла та же судьба.

— Все-таки мы что-то недосмотрели. — Клавдий нервно расхаживал взад и вперед по своему кабинету. — Проклятые узкоглазые все же вылезли за оцепление и кого-то там прирезали у ассирийцев. А теперь вооруженная толпа движется в сторону японского квартала.

— И что теперь?

Префект посмотрел на Льюиса, как на идиота.

— Теперь? Теперь я убираю оцепление. Одно дело, если нашим людям набьют пару-тройку шишек и наставят синяков. И совсем другое, когда их будут рубить мечами и расстреливать из ружей.

— То есть, кто бы ни стоял за резней в замке Кобаяши — он достиг своей цели? Война должна начаться?

— Она уже началась, Луций. И сейчас я попросту пытаюсь убраться с пути лавины, что несетя на Фаэторис.

Лейтенант сжал кулаки. Ну конечно. Тот свет или этот — люди везде одинаковы. И сходство Клавдия с приснопамятным штабистом далеко не случайно.

— Префект, — Льюис встал рядом с Клавдием, — сколько у нас броневиков в парке? И сколько свободных от патрулей бойцов?

— Два броневика, но...Проклятие, Луций! Что ты намереваешься делать?



Лейтенант пожал плечами.

— В свое время я неплохо поднимал людей в атаку. Заставлял их бежать вперед, убивать и умирать. Посмотрим, удастся ли мне заставить их отказаться от боя.

— Я... запрещаю.

— А я принимаю к сведению. Позже, Клавдий, можешь отправить меня в какой-нибудь пограничный легион. А пока — не мешай. Договорились?

Не дожидаясь ответа от удивленного патриция, Льюис Арктур вышел из кабинета.

Лязгая железом и скрипя рессорами, подпрыгивая на ухабах и нещадно воняя прогоревшим топливом, броневики влетели на безымянную площадь перед воротами в японский квартал. Серое железо, округлые башни, ошестинившиеся спаренными пулеметами. На бортах — ликторские топоры — эмблема городской префектуры.

Под стволами пулеметов разномастно вооруженные люди попятилась прочь. Замешательство было сиюминутным, толпа все еще оставалась опасной, а значит, действовать следовало очень и очень быстро.

— Вперед, вперед, вперед. — Льюис словно бы опять оказался во Фландрии. — Винтовки — держать на виду, но без команды не стрелять! Нам нужно убедить их разойтись, а не устраивать тут бойню!

— А если...

— Вот когда будет «если» — тогда и спросишь... солдат. А пока — винтовку в руки и на выход.

Лейтенант старался не думать, что этих самых «если» пугающе много. Если толпу что-то разозлит. Если кто-то из даков смалодушничает. Если не выдержат нервы у кого-то из японцев, что засели с другой стороны стены. Если... Ну нет. К дьяволу. Нельзя заранее думать о поражении. Иначе оно непременно случится.

Сделав глубокий вдох, Льюис спрыгнул с подножки броневика на мостовую. Сколько же тут человек? Три сотни, четыре? Или полная тысяча? Лица. Бледные и коричневые. Черные от природы и от долгой работы в дымных фабричных цехах.

— Граждане Фозториса! В чем причина этого собрания? — дознаватель очень надеялся, что его голос звучал достаточно уверенно. — Префект не давал разрешения на митинги и демонстрации.

В толпе недовольно загудели. Передние ряды слегка подались вперед, но только слегка. Пулеметные башни все еще внушали должное почтение.



— Вы охраняете узкоглазых, римляне! А они режут нас ночами! — наконец раздалось откуда-то с дальнего конца площади. — У узкоглазых — золото и заводы! Потому-то им и сходит все с рук!

Толпа одобрительно загудела. Плохо. Пара-тройка таких крикунов — и буянов будет не разогнать даже пулеметными очередями. Выйдет та самая бойня, которой Льюис так хотел избежать. Спинай он ощущал напряженные взгляды гвардейцев префекта и воинов японских кланов.

«Пороховая бочка. Одна искра — и все взлетит на воздух».

— Никто никого не охраняет! Закон один для всех!

Вместо ответа — глумливый злой хохот. Монстр из множества человеческих лиц, тел и душ подался вперед. За спиной тут же щелкнули затворы, досылая в патронники винтовок дремлющую смерть.

Был только один шанс избежать резни. Призрачный. Исчезающе малый. Но даже это было лучше, чем ничего.

— Большой Адад! — Льюис постарался крикнуть так, чтобы эхо от его голоса прокатилось по всей площади. — Мне нужен Большой Адад! Буду говорить с ним, а не с толпой крикунов.

Настроение толпы изменилось. Льюис видел, как в задних рядах происходит какое-то шевеление, видел, как люди растерянно переглядываются и оживленно жестикулируют. Имя одного из теневых воротил Фозториса произвело прямо-таки магический эффект.

— Что ты хотел, друг? — Адад протиснулся через передние ряды. В яркой накидке, расшитой золотыми нитями, в высоком алом колпаке и с иссиня-черной бородой, ассириец действительно походил на древнего царя или героя.

— Того же, чего еще вчера хотел и ты. Предотвратить войну.

— Защищая убийц? — Адад гневно махнул рукой в сторону японского квартала. — Вчера ночью кто-то зарезал четверых. Одного — в двух шагах от моей харчевни.

— А еще ночь тому назад кто-то уничтожил целый клан этих самых «узкоглазых». Ты так быстро успел обо всем забыть?

— Я не забыл. Но...

— Тут нет никаких «но», Адад. Здесь и сейчас есть только мир и война. Выбери мир — и я приложу все силы, чтобы найти и наказать убийцу. Или убийц. Выбери войну — и я просто отойду в сторону. Не буду в этом участвовать. Понимаешь?

Ассириец нахмурился. А затем приглашающее махнул рукой.

— Подходи ближе, Льюис. Поговорим. С глаза на глаз, а не крича на всю округу.



Жестом приказав дакам опустить винтовки, лейтенант направился к Ададу.

— Я все так же против войны, друг, — сказал, наконец, ассириец, когда между ними осталось не больше одного шага. — Но горячие головы кипят от дурных мыслей.

— Это заметно. — Льюис понимающе кивнул. — Может, их как-то остудит тот факт, что если война все-таки начнется, то победителей тут уже не будет? Точнее, победителями станут совсем не те, кто будут сражаться друг с другом?

— Не все это поймут. Особенно с учетом того, что в их руках человек, которого они считают убийцей.

Лейтенант пристально посмотрел на ассирийца. Нет. Похоже, Большой Адад не шутил.

— Его поймали прямо над телом. Стоял. И что-то бормотал по-своему.

— Он еще жив?

Адад кивнул.

— Заводилы приволокли его сюда, к воротам квартала узкоглазых.

Понятно. Символическая казнь, знаменующая начало резни.

— Прикажи... или попроси... чтобы этого убийцу притащили сюда. Считай, что это дело в руках префектуры.

— Но...

— Никаких «но», Адди. Или мы действуем вместе, или — устраивай казнь, убивай, умирай, но уже без меня.

Недовольно нахмурившись, Большой Адад прорычал несколько коротких фраз на ассирийском. Толпа пошла волнами, передние ряды в очередной раз расступились и... Льюис увидел. Трое дюжих «рабочих» волокли тощего китайца в каких-то невообразимых обносках. У китайца была рассечена губа, но других повреждений и увечий не наблюдалось. Похоже, обитатели египетского квартала старались сохранить «убийце» товарный вид до финального представления.

— Поймали его прямо над трупом. Ходил, заламывал руки и что-то бормотал.

Ясно. Льюис присмотрелся к китайцу повнимательнее: затравленный пустой взгляд, растрепанные волосы, дерганые, неуверенные движения. Такое бывает, если человек умирал там, на Земле, а потом вдруг оказывался здесь, в Медианне. Об этом Льюис знал не понаслышке.

— Адди, ты же понимаешь, что перед тобой пришлец?

Ассириец что-то неразборчиво буркнул в ответ.



— Если не возражаешь, я бы хотел поговорить с этим человеком. Хорошо?

Когда Льюис подошел к китайцу, тот затравленно озирался по сторонам, не понимая, где, как и зачем он очутился. Дознаватель легонько коснулся рукава грязной рубахи, привлекая к себе внимание несчастного.

— Послушай, наверное, все для тебя тут... странно...да?

Китаец выпучил глаза, а Льюис тихонько выругался. Ну конечно. Откуда недавнему пришлецу знать местное наречие?

— Твоя есть напуган? — лейтенант перешел на ломанный английский. Он помнил по прежней жизни, что бригады китайских рабочих во Фландрии сносно понимали отданные таким образом приказы. — Люди вокруг. Хотеть знать. Твоя зарезать людей тогда, ночью?

Китаец все понял. Замер. Обмяк в руках своих конвоиров. А затем, вдруг резко дернулся вперед, подавшись в сторону к Льюису.

— Моя не убивать людей. Нет, нет! Но моя видеть резня. Резня, понимаешь? Они вспарывать животы беременные. Швырять на штыки... младенцы. Разбивать детские головы о стены.

Только сейчас Льюис увидел, что китаец этот еще очень молод. И, дьявол... Он уже успел пройти сквозь ад. Война. Она никогда не меняется.

— Погоди. Это было там. Там — ты умер. Ушел. Перестал существовать. Теперь — тут живешь. Тут. Что видел этой ночью? Что там было?

— Ты не понимать. Ничего не видеть. Дьяволы! Они пришли! Не ночью, днем.

Из черных глаз китайца потоком лились слезы.

— Зло. Оно жить. Они все — дьяволы! Демоны! Мертвые... они плакать. Звать меня. Спрашивать, почему не защитил. И почему не с ними...

— Все прошло. Все закончилось. Черт, все это было никогда и нигде! Меня, если хочешь знать, разорвало на куски снарядам. В той, прежней жизни.

— Ударил мечом.

— Что?

— Не стал стрелять, когда я атаковать. Ударил. Наискосок. Вот так. — китаец взмахнул рукой, делая рубящее движение. — Оставил на земле.

Сердце Льюиса сжало стальным обручем. Все это было ему слишком знакомо. Отрицание. Непонимание. Чувство неправильности. Он просыпается со всем этим день за днем, несколько лет подряд. А этот бедняга еще слишком хорошо помнит



собственную смерть. Ему... тяжело. И он точно не имеет никакого отношения к тем смертям в египетском квартале.

— Это не убийца, Адад. Он, возможно, безумен, но вряд ли у него хватило бы духа зарезать кого-то этой ночью.

— Но тогда...

— Тогда — лучше отдать его мне. Скажи своим, что Римский дом берет дело в свои руки. Пообещай, что убийцы будут наказаны. Уговори людей разойтись по домам.

— А если не получится?

— Получится. Я в тебя верю. Да и судя по всему, первоначальный запал уже прошел. Бери власть в свои руки, Адди. А китайца оставь мне. Так будет проще для тебя же.

Льюис дождался, пока площадь не опустела. И только потом дал команду трогаться с места. Отъехав на добрых полторы мили, он попросил остановить броневик. Широко распахнув дверь, чуть ли не вытолкнул китайца на улицу.

— Иди. У тебя — новая жизнь. Найди в ней свое место.

Китаец не двинулся с места. Что ж. В конце-то концов, он, Льюис Арктур, дознаватель Префектуры, а не нянька для новых пришлецов. Пришлецы. *Всплеск.* Лейтенант тряхнул головой. Неведомый то ли колдун, то ли демон. Надо спросить. Вдруг этот несчастный что-то видел там, в лесах?

— Послушай... друг. — Льюис с трудом подбирал слова. Видимо, сказывалось нервное напряжение. — Когда ты... очутился здесь... в сумрачном лесу. Видел что-то необычное? Что-то странное?

Китаец посмотрел на него с удивлением.

— Я умереть. И я снова ходить. Дышать. Хотеть есть. Чувствовать ненависть. Это не странно?

— Странно, но это бывает со всеми пришлецами...а, неважно. Ты видел что-то пугающее? Страшное? Злое?

Китаец медленно покачал головой.

— Я не видеть ничего злее, чем зверства этих солдат. Ничего.

Что ж. Глупо было надеяться на простое решение. Льюис повернулся к водителю, чтобы дать приказ трогаться с места.

— Вихрь душ.

— Что? — Льюис замер.

— Я видеть вихрь душ прежде, чем попасть сюда. Это странно?

— Если бы я только знал. Но, пожалуй, что да. Расскажешь, как это выглядело?

Китаец не ответил. Его взгляд вдруг стал стеклянным и совершенно бессмысленным. Человек вдруг превратился в куклу. И



лишь тонкие губы несчастного беспрестанно шевелились, проговаривая то ли молитву, то ли заклинание.

* * *

Сны в эту ночь были путанными и неясными. Вначале он в который раз поднимал свой взвод в ту проклятую атаку. Затем (впервые за те годы, что Льюис провел в Медианне!) вдруг всплыли сцены из детства. Тенистые аллеи, старая деревенская усадьба и древняя каменная изгородь вдоль дороги. Кажется, его задирали соседские мальчишки. Как же их звали? Том? Филипп? Хью? Во сне было очень и очень важно это вспомнить, но у Льюиса не получалось. Внезапно Том (или Филипп?) превратился в бородастого дака, который резко врезал лейтенанту в челюсть. В том проклятом замке это имело смысл, но сейчас? В его собственном сне? Взив от обиды, Льюис бросился в драку, а затем...

...исчезло. Все. Дома и деревья, звуки и свет, лица призраков из прошлого и их голоса. Все растаяло без следа, будучи поглощенным мягкой серостью. Реальной оставалась лишь земля. Неправильная и больная, изрытая воронками и щедро засеянная костями да осколками мин и снарядов. И дающая всходы — щедрые побеги бритвенно-острой проволоки. Льюис был самим собой и... одновременно словно бы наблюдал за всем со стороны. Шлем Броди, запыленная офицерская форма цвета хаки. Один из миллионов солдат Великой войны. Один из миллионов тех, кто так и не вернулись домой.

Льюис выругался. Похоже, что сон пошел по кругу. Сейчас привычно взлетит сигнальная ракета. Всепоглощающая серость окажется предрассветным туманом. А он и его люди будут умирать под шквалом мин и снарядов. В сотый. В тысячный. В миллион первый раз. Лейтенант остановился. Нашел какой-то кусок металла, торчащий из земли. Уселся на него. Забавно. Даже понимая, что это сон, он все равно старается не испачкать форму. Впитанное с молоком матери британское занудство. Вот что это такое.

Кажется, он просидел так вечность. В этот раз не было ни сигнальной ракеты, ни бегущих в отчаянную атаку солдат. Абсолютно ничего. Серое безмолвие оставалось неизменным. Повинуясь странному инстинкту, лейтенант встал и медленно побрел вперед. Туда, где по его представлениям должны были



находиться траншеи «бошей». Спустия добрых пять сотен шагов мгла стала редеть. Впереди вдруг оказалось нечто, похожее на... дорогу? Нет. Не на дорогу. Льюис брел по улице какого-то азиатского города. Редкие здания в колониальном стиле терялись среди местного колорита. Чахлые деревья, низкие глинобитные изгороди. То тут, то там — брошенные возки рикши и перевернутые телеги. И полная, гнетущая тишина. С этим городом что-то было сильно не так. В нем была дремлющая... сила? Злоба? Что-то, состоящее в неуловимом родстве с тем проклятым ощущением, что Льюис испытал в замке Кобаяши.

Здесь нельзя было оставаться. Сон или не сон, но город явно чувствовал чуждую ему душу. Он словно бы просыпался, разворачивался к пришельцу. Демонстрировал то, что старался скрыть поначалу. Вот — пятно крови. А вот — несколько тел, сваленных в кучу прямо посреди дороги. Там — следы от пуль на стене. А тут — мертвая женщина с бесстыдно задранной юбкой. Лейтенант развернулся. Бросился бежать. И едва не врезался в виселицу посреди дороги. Мгновение назад там не было ничего, а теперь — на длинной перекладине в ряд висело одиннадцать трупов. У двух повешенных были вспороты животы и их кишки лежали на дороге, словно мертвые змеи.

Бум.

Гулкий удар раздался откуда-то из глубины поселения. Время было на исходе.

Бум.

Снова! Льюис заметался, чувствуя, как паника поглощает все его существо.

Бум.

Что-то белое густо посыпалось с неба. Задрав голову, Льюис увидел исполинский вихрь, что сыпал мириадами крохотных снежинок. Земля все гуще покрывалась ими, словно стараясь спрятать свою неприглядную наготу.

«Посмотри, — навязчивая чужая мысль билась в мозг Льюиса пойманной птицей. —

Посмотри».

«Посмотри, посмотри, посмотри!!!»

Лейтенант зачерпнул белый снег ладонями...Нет. Это был не снег. А тысячи тысяч белых мотыльков. Живых и умирающих.

Бум!

Время вышло. Вихрь кружился все быстрее и быстрее. Кошмарный танец миллионов насекомых закружился вокруг Льюиса Арктура. И когда он понял, что никогда не сможет выбраться из этого сна, он закричал...



Бум. Бум. Бум.

Льюис оторвал неподъемно-тяжелую голову от смятой подушки. Чертов сон. В какой-то миг он был уверен, что белый вихрь поглотит и пожрет его душу. Душу... Вихрь душ. Дознатель утер со лба холодную испарину. Вихрь душ. Так вот что видел тот несчастный китаец. Вот что сопровождало неожиданный *всплеск*.

Бум.

Льюис вздрогнул. Звук, сопровождавший сон почему-то проник в реальность.

Бум.

Издав нервный смешок, дознаватель вскочил с кровати. Дежавю. Только пару дней назад в его дверь точно также ломались.

Снова дежавю: на пороге двое. Одинаковые котелки, одинаковые плащи европейского кроя. Одинаковые лица.

— Господин Сато шлет вам свою признательность за бескровное разрешение дневного инцидента.

Оба визитера синхронно поклонились. Льюис в замешательстве кивнул в ответ.

— Также господин Сато благодарит вас за стражей, которые от имени Римского дома несли службу ночью. И сожалеет, что вынужден прервать ваш сон и настаивать на вашем обязательном визите в его владения.

Льюиса пробил ледяной пот. За официальной японской вежливостью скрывалась простая и страшная новость: неведомый душелов снова вышел на охоту. И охота явно была успешной.

— Куда мы едем?

— Вы все увидите, господин. В свое время.

Улица Стидливой Сакуры. Автомобиль господина Сато — массивный и угловатый, словно старый комод, домчал их сквозь проливной дождь меньше, чем за пятнадцать минут. Спрыгнув с подножки автомобиля, Льюис натянул на голову капюшон, спасаясь от ледяных струй. Огляделся по сторонам, морщась от брызг: аккуратные садики, крохотные аллейки, белоснежные — словно игрушечные — домики с загнутыми вверх крышами, бордели, чайные домики и легальные игорные дома. По слухам, тут можно было отыскать наслаждение на любой, даже самый взыскательный и неординарный вкус. Разумеется, обычно в это время суток вся улица была погружена в таинственный полумрак: фиолетовые, синие и багряные бумажные фонари давали клиентам дополнительную



иллюзию интимности. Обычно в это время суток, под утро, на самой улице было пусто. Разве что скорым шагом удалялся к себе домой довольный клиент, или, напротив — тянулся в бордель запоздалый гуляка.

Сегодня все было иначе. Газовые фонари сияли как никогда ярко. Свет автомобильных фар отражался от мокрой брусчатки, преломлялся в падающих струях, окрашивал лужи в причудливый радужный цвет. И щелкали, щелкали затворы фотоаппаратов, ослепляя магниевыми вспышками.

— Третий дом слева, господин Льюис.

Японец традиционно не смог выговорить букву «Л», отчего лейтенант услышал удивительное по звучанию «Руисо».

Несмотря на ливень, пробиться к нужному дому оказалось непросто. Улица была запружена людьми. Праздные зеваки из местных под зонтиками из промасленной бумаги. Напуганные завсегдатаи борделей и казино, часто — чуть ли не в исподнем. Злые и промокшие насквозь стражи. Наконец — у самых ворот во двор искомого здания они нос к носу столкнулись с группой из почти двух десятков японцев. Черные зонты, одежда европейского кроя, мрачные лица.

Префект Клавдий тоже был здесь. Оживленно жестикулируя, он спорил с худощавым японцем средних лет.

— Репортеры. Во имя Юпитера, чего вы добиваетесь, Сато? Город и без того похож на кипящий котел с дерьмом. Хотите подогреть это варево страхом?

— Страх уже царит на улицах города. А вы ничего с этим не делаете. Возможно, несколько колких статей заставят вас пересмотреть подход к делам города, а, Клавдий?

Если бы взгляд Клавдия Септимия мог убивать, господин Сато был бы мертв. Равно как и вся его свита.

— Вы забрали себе слишком много власти, господин Сато. И при этом взяли совсем немного ответственности. У вас под рукой — порядок в одном квартале. У меня — обязательства перед целым Фозторисом, а еще и перед людьми, которые живут в окрестных землях. Кем бы или чем бы ни был этот убийца — его поймают. Рано или поздно.

— Ваше «поздно» уже который день оплачивается нашими жизнями, префект. Налогов, что платит каждая диаспора в этом городе, уже мало? Успехи стражей нынче надо оплачивать еще и кровью?

Клавдий уже был готов разразиться гневной отповедью, но вдруг заметил стоявшего неподалеку Льюиса.



— Луций. Ты вовремя. Хотя я и не припомню, чтобы посылал за тобой.

— За вашим дознавателем послал я, — господин Сато холодно улыбнулся. — Знаете, глядя на таких людей, как этот дознаватель я продолжаю верить в силу Римского дома.

— Рад это слышать, — интонации в голосе префекта говорили совершенно обратное. — Думаю, Луций, тебе следует осмотреть место преступления. Пока мы с почтенным господином Сато выясним некоторые детали совместных действий.

До того, как убийца явил себя на улице Стидливой Сакуры, этот дом был вполне себе уважаемым борделем. Теперь он стал кладбищем. Хуже. Бойней.

Богатое убранство, стилизованное под эпоху сегуната залито кровью, забрызгано желчью и экскрементами. Бледный стражник на входе обмолвился, что в борделе обычно работало два десятка «бабочек» обоих полов. Все они, а также несколько неудачливых клиентов, были здесь. В той или иной степени сохранности. Освежаванные до голых костей. Выпотрошенные, словно рыбыны на прилавке. Разорванные на куски. Перекрученные в липкий мясной фарш. Льюис видел подобное не так давно. Но здесь... Здесь все было в разы хуже. Удушливый послед проклятого колдовства сдавливал горло, не давал дышать. Исключал возможность мыслить здраво.

И, конечно же, все вокруг было усыпано мертвыми мотыльками. Сотни, если не тысячи насекомых покрывали останки людей белым одеялом.

Хуже всего была бессмысленность содеянного. Если резню в замке Кобаяши можно было хоть как-то привязать к человеческой логике, то здесь...

Льюис остановился. Логика? Какая к дьяволу логика в деле, если замешано колдовство? Пора завязывать с мышлением человека из двадцатого века. Пора обратиться к иным знаниям. И, раз уж господин Сато был здесь, Льюис Арктур точно знал — у кого он сможет получить доступ к этим знаниям.

Она стояла под плакучими ивами, у пруда во внутреннем дворике. Черный жакет, черная юбка — все мокрое насквозь, потому что зонта у нее не было. Льюис остановился под крышей веранды.

— Норико.

Она обернулась.

— А, господин страж из Римского дома. Спасибо.

Льюис покачал головой.

— Не благодари. Днем я сделал то, что мог. Но я ничего не могу поделать с тем, что происходит по ночам.

Японка обхватила себя руками, поморщившись от холода.



— Я... тоже бессильна. То, что происходит — этого просто не может быть. Это невозможно, понимаешь?

Лейтенант промолчал.

— Все обереги были усилены. И не только мной. Всеми, кто хоть что-то понимает в магии. Любого *екай* это должно было просто испепелить. Уничтожить в один-единственный миг.

— Но ничего не сработало, так?

Норико покачала головой.

— Ничего. Чтобы это ни было, оно прошло сквозь все барьеры.

— А если это все-таки человек? Чародей с уникальной силой и талантом?

Японка невесело усмехнулась.

— Ни один человек на такое не способен. Да и не только человек... Я не знаю, какой силой должен обладать *екай* или какая-нибудь тварь из преисподней, чтобы вот так тратить десятки и сотни душ.

— Белые мотыльки. Сожженные души.

— И чем дальше, тем больше он их сжигает. Как будто в его власти — настоящий сонм чужих жизней. Но... Это возможно, если где-то было крупное сражение. Тварь могла бы подпитаться там. Собрать жизни павших. Вырасти на заемной силе.

Сонм душ. Или... Вихрь?

— Дай-ка я угадаю. В последнее время в Медианне не было ни крупных войн, ни по-настоящему кровавых сражений.

Японка кивнула.

— Смерть тут обычное дело. Но даже в Приграничье... Стычки уносят жизни сотен людей и нелюдей. Но не в одном месте. И не в одно время. И... удерживать души, пить из них силу — это под силу далеко не каждому *екаю*. Души рвутся на свободу. Постоянно сопротивляются. Значит, *екай* исключительно силен. Настоящий господин сотен душ.

— Скорее уж десятков тысяч душ. И много таких тварей ты знаешь?

— Совсем немного. И все они наперечет. И вряд ли хоть одна из них способна годами копить души. Чтобы вот так, в один миг их растратить.

— И все же мы говорим не о том. Пытаемся догадаться, откуда оно взяло силу. А лучше подумать, каким образом оно попало в город и почему нападает именно на ваш квартал.

Норико пожала плечами.

— Если это существо умеет удерживать такое количество душ, то оно может попросту завернуться в них, как в защитный кокон.



Но... — японка вдруг помрачнела. — Это все равно не объясняет, почему чародеи префекта не заметили таких искажений силы.

Не заметили. Или не захотели заметить.

— А причина? Почему оно нападет только тут?

— *Екай* всегда старается довершить то, что он не успел доделать при жизни... или будучи еще простым смертным. Возможно, он мстит? Я не знаю.

Значит, месть. Что ж. Причина не хуже прочих. А если сопоставить некоторые факты... Догадка буквально обжигала мозг лейтенанта.

— Извини.

Норико посмотрела на него с недоумением.

— Извини, но мне надо бежать. Проверить... кое-что. Одну мысль. Надеюсь, что времени хватит. И если что — найди способ со мной связаться. До наступления новой ночи.

— Но...я даже не знаю, как тебя зовут!

— Льюис Арктур. Лейтенант Кэмбриджширского полка. Гайджин и пришлец.

Еще раз взглянув на кипу книг, папок и блокнотов, Льюис вздохнул и устало потер слезящиеся глаза. Лейтенанта мутило, он чудовищно устал, но он не мог, не имел права останавливаться сейчас. На кону были жизни. И... чьи-то души? Что происходит с теми, чья суть воплотилась в белого мотылька? Поднявшись с неудобного стула, он подошел к окну. Окно выходило во внутренний двор-колодец околота. Судя по тому, что как раз сейчас туда въехал черный фургон со скрещенными ликторскими топориками, какая-то часть его ночных идей сейчас исполняется. По правде говоря, до последнего момента Льюис не был уверен в том, что ему удалось убедить префекта. Там, на улице борделей и игорных домов, Клавдий смотрел на него, словно на безумца. Несколько раз переспрашивал, зачем все это понадобилось. В открытую сомневался в здравом рассудке своего подчиненного. А потом, буркнув что он отдаст необходимые распоряжения, зашагал к своему автомобилю. Предложить подвезти до участка Льюиса патриций как-то забыл. И вот теперь...

Дверь в кабинет распахнулась без стука.

— Надеюсь, что ты знаешь, что делаешь. — Клавдий Маенус, несмотря на безупречно сидящий мундир и длинную патрицианскую родословную, выглядел еще хуже, чем ночью. Лицо префекта осунулось, а красноте его глаз позавидовал бы даже настоящий альбинос.



— Не знаю, по правде говоря. Несколько мыслей крутятся в голове.

«И далеко не все я бы хотел сейчас озвучивать».

— Сейчас нам нужны не мысли. Еще одна резня, и Сато сам начнет войну. Просто для того, чтобы ослабить противника. Тех же ассирийцев.

Префект устало вздохнул и тяжело опустил на край стола.

— А нам будет важно остаться в стороне, верно? — Льюис испытующе посмотрел на патриция. — Ведь главное — это покой в городе, который так или иначе, но настанет после всеобщей бойни.

— Суть ты уловил верно, Луций. И во имя Юпитера: если бойни не избежать, то я постараюсь извлечь из нее максимальную выгоду.

Вот оно. «Максимальная выгода». И слова Норико о том, что префект с самого начала знал, что нечто проникло в город.

— А что вообще с демонологами и чародеями? Господин Сато уверен, что его атакует inferнальная тварь. Я, если честно, начинаю думать так же.

Префект нахмурился.

— Я попытался связаться по радио с нашей поисковой группой. Хотел сообщить, что демон, которого они гоняют по лесам, жив, здоров и обретается в Фозторисе. Но видимо, в атмосфере снова какие-то помехи. Или боги против нас. Связи нет.

— То есть, на ближайшие пять-семь дней демонологов у нас под рукой не будет.

— Дольше. Я отправил гонцов затемно, но пять дней пути — это только в одну сторону. И если не считать времени на поиски отряда по лесам. На деле, пара-тройка чародеев, что могут противостоять inferнальным созданиям, в городе имеются. Но все они или дилетанты, или слабенькие самоучки.

Значит, уличная война фактически неизбежна. И... «максимальная выгода» уже рядом. Только протяни руку.

— Десять дней — это все равно, что сто лет. У нас нет даже одного дня.

— Это я уже понял, Луций. А еще сейчас всем свободным гвардейцам приходится отлавливать свежих пришлецов и везти их в город.

— Не просто пришлецов. А тех, кто попал сюда с последним *всплеском*. Похоже, что именно этот *всплеск* породил inferнальную сущность.

Патриций усмехнулся.

— Хочешь копать от корней? Ну что ж. Мешать не буду.



Камеры на подземных этажах префектуры, обычно пустые, сегодня были забиты до отказа. Патрульным за короткое время удалось собрать без малого пятьдесят пришлецов. Почти все — азиаты. Китайцы или японцы. Почти все — мужчины. Женщин не больше четверти от общего количества. И, естественно, никто не говорил на местном арго. Впрочем, этот момент Льюис учел заранее, заплатив из казенных средств паре переводчиков.

Что ж, вот он — момент истины.

— *Шестнадцатая дивизия. Мой взвод должен был проверить крестьянский дом на отшибе деревни, но нас ждала засада...*

— *...они забросали нас снарядами! Солдаты, уже несколько лет воевавшие вместе с Чан Кайши, рыдали от страха. У них было все! Самолеты! Танки! Артиллерия! А нас бросило собственное командование!*

— *...переделся в крестьянскую одежду. Выбросил винтовку. Я хотел жить, хотел спастись из этого кошмара!*

— *...пулеметы! Они прятались по подвалам, обстреливали нас с крыш. Уже были разбиты, но не собирались признавать этого.*

— *...а потом нам сказали, что принц не будет возражать, если вопрос с пленными будет решаться быстро и просто.*

— *...все кругом горело. Мы поджигали дома, сараи, бросали в огонь домашнюю утварь. Сжигали все, только бы оно не досталось японцам!*

— *Помню дым. И рослого типа с саперной лопатой. Он выпрыгнул на меня, словно демон. Потом все.*

— *...она плакала, просила отпустить. А потом их главный сбил ее ударом на землю. Насиловали... двадцать или тридцать человек. Потом вспороли живот штыком.*

— *...река была красная от крови. Пулеметы били по людям короткими очередями, не оставляя шанса.*

— *...сказал, что он просто торговец. Продает овощи. Я сказал, что поверил ему и ударил мечом по шее.*

— *...подводили ко рву по десять-двадцать человек. Ставили на колени, а потом рубили и кололи. Старались не тратить пулю.*

Голоса переводчиков сливались в монотонный гул. А Льюис понимал, что он уже видел все это. Разграбленные дома, изуродованные тела, перевернутые повозки. Город из его сна был реальным. И то, что в нем творилось, было достойно самых глубин ледяного ада. А голоса продолжали вещать.

— *...попытались спрятаться в погребе, но нас нашли.*



—...рубili головы. На скорость. Их было двое. Молодые, подтянутые. Обменивались шутками.

—... приходили в колледж. Там собралось много беженцев. Дипломаты обещали, что нас никто не тронет, но они творили все, что хотели. Грабили, убивали. Красивых студенток уводили. Я попытался помешать...

Лейтенант понял, что больше не выдержит.

— Спросите их, когда и где это было. И... достаточно. Я услышал все.

* * *

Льюис не сомневался, что она будет ждать его. Норико стояла в узком переулке, ведущем к многоэтажному кирпичному муравейнику. Те же жакет и юбка, что и ночью. У лейтенанта мелькнула мысль, что для заклинательницы духов японка... современна? Пожалуй, что так.

— Нанкин, декабрь тысяча девятьсот тридцать седьмого, — произнес Льюис вместо приветствия. — Там была чудовищная резня, — добавил он, видя непонимание в глазах чародейки. — Оттуда тварь и зачерпнула чужих душ. Чертовски много, судя по всему.

— Души из другого мира. Это возможно. Странно, необычно, но возможно. В теории, конечно. Хотя... Нет. Демон должен был предвидеть всплеск. Невозможно.

— Даже если это очень сильный демон?

— Если он настолько силен — это настоящий князь Ада. Тварь, которую не остановить и сотне демонологов. Да и с такой силой демон просто уничтожил бы весь Фозторис, не размениваясь на мелочи.

Невнятная догадка вдруг обрела жизнь.

— Если демон вытащил души из другого мира, — медленно проговорил Льюис, — что, если он был сам рожден в другом мире? Я плохо понимаю законы колдовства, но когда случается что-то чертовски плохое — оно разве не способно создать демона? Боль? Страх? Ярость? И месть... Мы говорили о мести, помнишь?

Заклинательница духов задумалась.

— Нет. Неважно, где был рожден демон. Спираль отбросит его из Истинного Медианна в огненные земли, далеко за Тоттенланде. А значит... значит, снова тупик.

Демон, настолько могучий, что сумел и удержать сотни, десятки тысяч душ. Демон, настолько безумный, что не желает применять всю свою силу в полной мере. Демон, которого не могут обнаружить



чародеи. Во всем этом не было логики. Что-то не складывалось, и существующий в воображении Льюиса механизм сбоил. Словно между зубцами шестеренок попала мельчайшая песчинка.

Внезапно он понял, что не давало ему покоя: лица. Лица прищипцов-китайцев. Страх. Обреченность. И... какое-то извращенное облегчение? Все закончилось. Все осталось где-то там, далеко.

И глаза того молодого китайца на площади. Тогда Льюис не сумел разглядеть нечто важное. Нечто глубинное. Этот китаец... он плакал тогда.

Но кроме слез и боли на его лице читался гнев. И жажда мести.

Проклятье. Льюис схватил японку за руку.

— Ответь. Только хорошо-хорошо подумай. Может ли демон... а, черт. Не просто демон. А *новорожденный демон*. Может ли он не знать о своей сути? Чувствовать себя человеком? Думать как человек?

Глаза Норико расширились.

— Многие *екаи* рождаются из людей, одержимых чем-либо. Их действительно сложно обнаружить...

— Хорошо. — во рту у Льюиса пересохло. — А теперь скажи: если этот *екай* одержим мстостью... Мстостью не только за себя, а еще за других... тех, кто погиб с ним в одно время и в одном месте. Он ведь может и не сковывать души. Просто потому, что... черт. Я не знаю, как это работает. Но он... это существо... Оно сумело *договориться*. Договориться с душами.

— Это возможно.

Лейтенант с силой ударил кулаком по кирпичной кладке.

— Это не просто возможно — это так и есть. Нанкин. Из того, что я понял — резню там устроила императорская армия Японии. А теперь... Мсть. Рок. Неотвратимость. И этому... созданию... все равно, кому мстить. Проклятье. Я видел его. Стоял рядом. И ни черта не понял.

Норико дотронулась до его руки.

— Ты бы ничего не сумел сделать. Даже если бы знал. Если он настолько напился душами... Да еще и душами, которые отдались в его руки добровольно... Ты знаешь, как его найти? До того, как наступит ночь?

Льюис задумался. Затем уверенно произнес:

— Возможно. Но что потом?

— Я соберу всех, кто хоть раз имел дело с inferнальными существами. И... будем молиться, чтобы в нем все еще оставалось хоть что-то от человека.



Они расстались, договорившись встретиться через четыре часа, перед самым наступлением темноты. Местом встречи был назначен ажурный мостик, недалеко от ворот, ведущих в японский квартал.

— Если до того тебе не удастся отыскать это существо — придется патрулировать улицы всю ночь, — сказала на прощание Норико. О том, что шансы одолеть екая при таком раскладе стремительно падают, она не упомянула. Все и без того было понятно.

Четыре часа. Льюис поначалу хотел добраться до префектуры и подрядить на поиск патрульных, но вскоре с сожалением отверг эту идею. Все гвардейцы валились с ног после бессонной ночи и розыска свежих пришлецов. Да и потом, даки вначале будут пытаться задержать «заказанного». В случае с демоном, до поры прикрытым человеческой оболочкой, это могло иметь самые печальные последствия.

Три часа. Лейтенант валился ног от усталости. Обошел пять или шесть улочек, где преимущественно обитали китайцы. В отличие от «самураев», эти «узкоглазые» даже не думали формировать единый район. Хотя, если прикинуть расположение этих самых улочек... Похоже, китайцы рассчитывали, что весь Фэзторис обратится в этот самый единый район, сиречь — «Чайна-таун».

Дьявол. Вся эта затея была абсолютной глупостью. В городе почти полтора миллиона жителей, а он ищет одного-единственного одержимого типа. Он может быть где угодно. Сидеть в какой-нибудь гнусной забегаловке. Мочится у кирпичной ограды какого-нибудь завода. Да они могут просто ходить кругами друг за другом, проходя те же улицы, заглядывая в те же переулки.

Льюис прислонился к закопченной стене высотного здания. Мимо лейтенанта сплошным потоком шли люди. Плащи, шляпы, рабочие робы, нищенские лохмотья. Мелькнули даже богато расшитые храмовые одеяния какого-то не то священника, не то языческого жреца.

«Я ищу иголку в стоге сена. Хуже: я заставил кого-то, довериться мне».

Толпа людей разных наций, рас и эпох продолжала течь мимо него сплошным потоком. Яркие одеяния жреца уже затерялись среди будничных серых красок.

Внезапное озарение было похоже на удар электрическим током. Жрец. Храмы. Ну конечно. Это Льюис, будучи атеистом, никогда не искал утешения у служителей культа. А многие пришлецы направляются именно в храмы. Или церкви. Или моленные дома. Человек, потерявший все и обретший новую жизнь. Да еще и получивший чудовищную силу для свершения мести... Лейтенант



легко мог представить, насколько противоречивые мысли владеют такой личностью.

Хотя своего чайна-тауна в Вонючем Городе не было, своеобразный храмовый район именно с китайским колоритом имелся. Площадь Пяти пагод располагалась в заболоченной низине, в западной части мегаполиса. Дым и смог от многочисленных заводов порождал густой и ядовитый туман, который в отсутствие ветра мог окутывать все пять пагод круглые сутки, но, похоже, никого из китайцев это не смущало.

Окрашенные в алый цвет ворота. Статуи Будд, драконов, странных монастырей или демонов. Рукотворные холмики с высаженными чахлыми деревьями и теряющиеся в тумане силуэты всех пяти пагод. Маленькие и нелепые по сравнению с чудовищными громадами градириен, дома и целого леса заводских труб.

Он был тут. Коленопреклоненная фигура под сенью медленно умирающего дерева. Сломленный и на первый взгляд, безобидный. Что ж, значит, пьеса будет завершена. Не позднее, чем сегодня.

Норико привела с собой девятих. Несколько седебородых старцев. Мужчина средних лет с самурайской прической и обжигающе-холодным взглядом. Две женщины неопределенного возраста в традиционных кимоно. Молодой человек, похожий на студента, и пара постоянно болтающих между собой девиц.

Льюис скептически оглядел собранное воинство.

— Это — лучшие. — Норико истолковала его взгляд совершенно правильно. — Они знают, с кем придется иметь дело.

— Хорошо, если так. Я нашел его. Ищет утешения у богов. Или у предков. Площадь пяти Пагод. Экипажем доберемся задолго до ночи.

Японка кивнула.

— В таком случае, у нас будут шансы.

Кавалькада закрытых фиакров медленно двигалась в сторону храмового комплекса.

В душном сумраке Норико неожиданно крепко прижалась к лейтенанту.

— Я рада, что встретила такого человека, как ты. Гайджины... то есть, пришлецы — они другие. Замкнулись в себе, в своем горе. В своей... злобе на весь мир. И на тот обман, что сотворило Мироздание.

— Я такой же. — Льюис усмехнулся. — Живу, только пока нужен. Даже не живу... скорее — оживаю. Я выгорел изнутри. Постоянно видел во сне момент собственной смерти.

— А сейчас? Сейчас ты тоже просто ожил? Или живешь по-настоящему? — Ладонь японки сжала его пальцы. Нежно. И... чересчур интимно?



— Сейчас я жив. Без всяких скидок. Словно пепел осыпался, а под ним оказалась новая плоть.

— Как Феникс. — Норико улыбнулась.

— Да, как Феникс. Вдруг почувствовал, что я нужен. Что я могу еще что-то делать. Что здесь не просто Чистилище. Здесь живут и рождаются люди. И здесь можно...

— Можно что? — Глаза заклинательницы лукаво сверкнули, и лейтенант смутился.

— Неважно. Сейчас неважно.

— Жаль, что ты не почувствовал себя живым раньше. И жаль, что я узнала тебя так поздно. Ты...хороший человек, Льюис Арктур.

Она произнесла его имя с характерным японским акцентом, заменив «Л» буквой «р». Руисо. Почти испанец. Знойный герой-любовник. Черт.

— Думаю, — произнес лейтенант осторожно, — у нас еще будет время узнать друг друга лучше.

Что-то странное мелькнуло в глазах Норико.

— Да. Конечно, — она неестественно улыбнулась, — время еще будет. Обязательно.

Он ждал их. Фигура в грязных лохмотьях, прямо перед воротами. Туман боязливо клубился по сторонам, словно чувствуя скрытую скверну. Человек? Демон? Что-то среднее? Что-то меньшее или большее? Кем бы стал он, Льюис Арктур, если бы пережил то, что выпало этому несчастному китайцу? Война никогда не меняется, это верно. Но одно дело — поле битвы. И другое — окровавленный Молох на пороге твоего дома.

Между тем заклинатели духов выстроились напротив ворот широким полумесяцем.

— Ждите. — Норико сделала предостерегающий жест. — Я попробую поговорить с ним. Если он в большей степени человек — все пройдет легче. Не с каждым *екаем* нужно сражаться.

— Послушай! — Норико повысила голос, — Ты уже причинил достаточно зла. Погубил невинных людей. Поселившееся в тебе требует новой крови. Я знаю это. Но ты — все еще человек. Не слушай чуждую тварь. Послушай сам себя.

Японка говорила на наречии Медианна, которого не мог знать одержимый китаец. Льюис подался вперед, но...

— Зло. Невинные люди, — человек, что стоял у храмовых врат говорил так, словно провел в Фозторисе добрую дюжину лет. У лейтенанта мелькнула мысль, что демон начинает приспосабливаться, перекраивая оболочку под свои нужды. — А сколько невинных было в Нанкине? В чем была виновата моя семья? Сотни других семей?



— Это было не здесь. В другом месте. В другом времени. Этого места больше не существует. Для тебя его никогда и не было. Как и для тех, кого ты убил.

— Правда? — на человеческий голос накладывалось что-то рокочуще-глубинное. Словно хор тысяч и тысяч голосов. — Не было, не существует. Забудь, что было. Та жизнь — просто сон. И, — рокот неожиданно стих, и китаец едва слышно закончил. — Что дальше? Что я буду делать тут? В... Медианне? Так вы его называете?

Плохой поворот. По всем законам убийце грозила смерть. Причем максимально мучительная. Но сказать об этом *екаю*?

— А ты хочешь тут жить? — в голосе заклинательницы слышалась печаль. — Мне так не кажется. Загляни внутрь себя.

Китаец молча шагнул вперед. Туман за его спиной закрубился, скрывая грязно-серой пеленой храмовые ворота.

— Жить? Я хотел жить. Вставать на рассвете. Ощущать кожей прохладный ветер с полей. Видеть солнце, голубое небо. Видеть улыбку жены, — лицо одержимого исказила злобная гримаса. — У меня отобрали все это. Как думаешь, чародейка, хочу ли я теперь жить?

— Поэтому я и предлагаю тебе мир и покой. Ты просто уснешь. Кошмар прекратится. И для тебя, и для тех душ, что связаны с тобой обещанием.

— Обещание, — одержимый сделал еще несколько шагов. — Ты не знаешь, как они зывали ко мне. Как просили, чтобы я покарал тех, кто пролил невинную кровь. Не знаешь, что я чувствовал.

Рокот, сопровождавший каждое слово убийцы. Теперь он звучал как скрежет по металлу, как нарастающий лязг.

— Я — это все те, кто был убит и изнасилован. Меня рубили на куски, сжигали заживо. Меня вешали на воротах моего же дома. Мою голову сотни раз разбивали о камни. И ты обещаешь мне покой? Просишь отпустить? Отказаться? Ты это мне предлагаешь, самка гуйцзы?

Китаец вскинул руки, и...

... все оказалось внутри вихря множества белых мотыльков.

Время для Льюиса замедлилось. Стало вязким, словно желе. Он пытался выхватить револьвер из кобуры. Медленно. Буквально по миллиметру. А воздух вокруг ярился от кипящей битвы противоборствующих сил. Лейтенант видел странные пасы, творимые заклинателями. Видел яркие вспышки разноцветных линий, что сливались в причудливые каллиграфические символы.

Тысячи сгоревших мотыльков сыпались вниз, но вихрь раскручивался все сильнее и сильнее.



Кто-то из заклинателей сумел дотянуться до одержимого! Полыхнул зеленоватый пламень, кожа на лице китайца задымилась. Еще удар! Человеческую оболочку отбрасывает назад, правая рука висит на ошметках сухожилий. Новый символ ударяет одержимого в грудь, ломает, отбрасывает, крутит и прижимает к мокрой брусчатке.

... а револьвер все также медленно, миллиметр за миллиметром, выползает из кобуры.

Один удар сердца — и все изменилось. Изувеченное тело китайца набрякло, словно губка, напитавшаяся воды. Глаза вспыхнули пугающим несветом. Вихрь мотыльков превратился в подвижное воплощение древнего символа Инь-Янь: крылья насекомых вдруг стали окрашиваться в черный. Револьвер наконец-то оказался направлен прямо в грудь одержимого, но теперь, видя происходящее, Льюис сильно сомневался в эффективности старого-доброго огнестрела.

Еще удар сердца.

Вихрь выплюнул из себя черно-белые плети. Часть из них сгорела, наткнувшись на невидимую защиту заклинателей. Зато другие...

Трио седых стариков опали горкой дымящейся плоти.

Беззвучно заорал похожий на студента юнец, когда черное и белое пробilo его тело насквозь.

Взлетела в воздух голова самурая, вырванная вместе с позвонками.

Одна за другой рухнули на колени женщины в кимоно. Вместо лиц — кровавые маски, лишённые кожи.

Как погибли две молодые заклинательницы, что держались чуть за спиной «студента», Льюис не разглядел.

На ногах осталась одна Норико Сато. И он. Лейтенант Арктур. С бесполезным револьвером в руках.

Рот китайца распахнулся на невозможную ширину, обнажив игольчатые зубы. Человек исчез. Остался только *екай*.

Удар...

Сотни черных плетей хлестнули по японке. Вспыхнули контуры чародейской защиты, женщина вскинула руки, пытаясь призвать силу... тщетно. Капли крови попали Льюису прямо в лицо, а Норико медленно завалилась набок, словно марионетка, у которой подрезали нити.

Екай медленно приближался. Бутряющаяся кожа уже не могла сдержать то, что скрывалось внутри. То тут, то там сквозь прорехи в плоти виднелось что-то скользкое и суставчатое.



Лейтенант нажал на спусковой крючок. Раз. Другой. Третий. Пули ударили тварь в грудь, в лицо. *Екай* лишь рычал от ярости. А затем тысячи тысяч черно-белых плетей хлестанули со всех сторон.

...окоп. Колочая проволока. Надо поднимать людей в атаку...

...шорох. Шепот. Лицо Норико.

...детство. Драчливый то ли Том, то ли Филипп.

...поезд. Дорога до Парижа. Потом — снова окопы, стрельба.

...тысяч незнакомых лиц. Китайцы. Женичины. Дети. Старики.

Лица печальные, лица гневные, лица безразличные.

...шепоты и шорохи.

...не гуйцзы. Не гоугочжень. Лаовай. Зачем он нам? Лаоваи пытались помочь.

...неправильно. Все не так. Месть... должна была свершиться иначе.

...образы Фэоториса. И снова шепот, шорох, чуждая речь.

Он был невредим. Тварь замерла в десяти шагах, содрогаясь... от боли? От страха? Вихрь белых мотыльков уносился прочь, в туманный купол Медианна. А чернокрылые насекомые падали на землю пепельным дождем.

Надо было закончить дело. Лейтенант полез в карман, но вместо патронов под его пальцы вдруг попала давешняя пластинка-оберег. Обжигающе горячая. Что ж. Наверное, так будет правильнее. Скрипя зубами от боли, Льюис сжал в ладони гладкую кость оберега. Тварь попятилась прочь, к воротам храма.

Лишившись покровительства сонма душ, *екай* корчился, теряя и последние остатки человеческого облика. Плоть сползала с твари кровавыми лохмотьями, обнажая сегментированное брюхо, поджатые на груди конечности и шипастую башку, покрытую шевелящимися жвалами.

— Ты совершил ошибку, засранец. — Льюис шел вперед, преодолевая омерзение. — Месть, конечно, дело благородное. Но только в том случае, когда она по адресу.

Екай мерзко заверещал и подался назад. Дакийская безделушка раскалилась добела.

— Те души, которые ты связал договором или обещанием. Они поняли, что ты обманул их. Жаль, что не сразу. А теперь...

Договорить лейтенант не успел. Тварь заверещала, нелепо подпрыгнула на месте. А затем попыталась развернуть прозрачные крылья, пронизанные сетью прожилок. Потерпев поражение, мерзость пыталась сбежать. Вот только это совершенно не входило в планы Льюиса. Одним прыжком он оказался возле *екай*, а потом резко вбил оберег в сочленение хитиновых пластин.



От визга умирающей гадины из ушей лейтенанта пошла кровь. В воздухе резко запахло жженой костью... Оскальзываясь на брусчатке, *екай* полз прочь, сквозь туман. Прямо к храмовым воротам. Метр за метром. Метр за метром. Метр за...

Ворота полыхнули ослепительным белым пламенем, и от чудовищного насекомого осталось лишь грязное пятно. Все было кончено.

Норико еще была жива, когда Льюис склонился над ней.

— Господин душ... утратил доверие? — с трудом произнесла она.

— Да. Кошмар закончен. — Лейтенант проглотил стоящий в гортани ком. — Он... оно... больше не угроза.

— Остались... другие. Они всегда остаются. — японка закашлялась, подавившись кровью. — А ты... можешь, защищать. Ты умер и родился. Ты...

— Я не тот, за кого ты меня приняла. Не защитник. Не боец. Просто человек, получивший второй шанс. Не более.

Норико Сато уже не слышала его слова. Ее невидящий взгляд смотрел куда-то за пределы Медианна.

А у него оставалось еще одно дело. Как раз для выгоревшей до черного пепла души.

Клавдий не удивился, увидев направленный в лицо черный зрачок револьвера.

— Следовало догадаться, что ты — чересчур умен. Хотя и пьешь хуже сапожника.

— Это было не так уж сложно. — извечное спокойствие префекта бесило лейтенанта. — Ищи, кто снимет все сливки. Позиции римлян в Фозторисе изрядно ослабли за последнее время. Потому-то и нужно было спровоцировать уличную войну. Много крови, паратройка показательных казней, один — два оправдательных приговора. Справедливость восстановлена, браво! Вот только вместо множества мелких дельцов и воротил — один-единственный хозяин. О твари ведь ты знал заранее, верно?

Патриций поднялся из-за стола. Сделал несколько шагов к высокому канцелярскому шкафу. Открыл дверцу и вытащил на свет пузатую бутылку и парочку стаканов.

— Позволишь?

Льюис кивнул. Клавдий Маенус разлил выпивку по стаканам. Отпил из своего.



— Про тварь я узнал после первого же убийства. От наших же чародеев, как ты понял. И тут же отослал их прочь. Якобы охотиться за тем самым демоном. На деле... сам понимаешь.

Лейтенант понимал. И с трудом сдерживал позыв нажать на спуск.

— Не знаю, что там двигало этим... существом. Но поначалу он убивал по паре человек. Даже не каждый день. Если не знать о способе убийства, то все это попадает в общую статистику.

— Слухи о грядущей войне и ассирийских колдунах — тоже твоих рук дело?

Префект отсалютовал бокалом.

— И не только слухи.

Дознаватель поморщился.

— Те трупы в ассирийском квартале... Тогда все почти удалось.

— Почти. Но знаешь, Луций, я тебя недооценил. Видел в тебе просто сообразительную мартышку на побегушках. Мелкого дознавателя, который, к тому же, пропивает собственные мозги. А оказалось, что ты способен вести за собой людей. Да. Обидно. Обидно, что мы с тобой не на одной стороне. Даже делая что-то общее.

— Я никогда не смогу быть на стороне человека, для которого чужие жизни — всего лишь мусор.

Патриций пожал плечами.

— А я и не ждал от тебя иного. Думаю, даже тебе понятно, что иногда приходится проливать кровь. Хотя бы для того, чтобы избежать большей крови. Это мой город, Луций. И я сделаю все, только бы он жил дальше.

— Ты закончил, Клавдий?

Римлянин кивнул.

— Да. Стреляй. Только... пусть это будет быстро.

Лейтенант вытянул руку, направив ствол револьвера прямо в лоб бывшего начальника. Медленно досчитал до трех. И швырнул револьвер на стол.

— К черту, Клавдий. Я не судья. И не палач. Даже для таких, как ты. Живи. Храни свой город, плети свои сети.

Клавдий Маенус рухнул в кресло.

— А... что будешь делать ты?

— Все, чего я хочу — защищать здешний мир людей. Думаю, именно для этого я умер и вновь воскрес. Думаю, что пограничные легионы предоставят мне прекрасные возможности. Прощай, Клавдий. И молись, чтобы наши дороги никогда больше не пересекались.

* * *



Тяжелый армейский бронепоезд неся к ледяным пустошам Тоттенланде. А Льюис спал на многоярусных нарах в общем вагоне и впервые не видел во сне траншей и собственной смерти. Не являлись ему и чудовищные видения о Нанкине. Вместо этого он пытался нагнать хрупкую фигурку в черной юбке и черном же жакете. Но она всегда ускользала, растворяясь в сером тумане. Всегда...



Андрей Миллер

Дворец, увитый омелой



К отсутствию неба привыкаешь на удивление быстро. Думаю, хоть о красоте неба в обычном мире смертных написано столько стихов, на самом деле оно сильно переоценено. Я лишь первый месяц или два удивлялся, что над головой теперь вместо бесконечной голубизны и облаков — леса, горы, реки. Прямо над тобой в этом безумном мире-трубке может нависать огромный город.

О таких удивительных картинах стихи пишутся даже лучше, я полагаю. К тому же этот светящийся эфир — красивее солнечного света.

Куда труднее оказалось привыкнуть к вечному дню в Дорae. Мне ведь не повезло после смерти попасть сразу сюда, на самую границу между Чистилищем и Раем. Увы: автор этих строк, пройдя



земную жизнь до самовольно выбранного конца, прямо по Данте очутился в сумрачном лесу Истинного Медианна. У меня даже свой Вергилий нашелся: именно так я иронично называл старика, а он и не возражал.

Вергилий быстро внушил мне простую мысль:

— Если сможешь бежать наверх, то беги. Здесь нигде нет счастья, но ниже Дорая — тем более.

Он многое знал о Дорae, потому что был человеком довольно уникальным: перебрался не с низа спирали к светящейся мембране наверху, а наоборот. Я никогда не спрашивал Вергилия, зачем он так поступил. Если человек добровольно спускается вниз, когда все остальные срывают ногти в отчаянных попытках вскарабкаться наверх — этому должны быть веские причины. И наверняка такие, о которых ему не захочется говорить.

Не со мной, по крайней мере. Это в мире смертных каждый рад поболтать с писателем в надежде, что его жалкая история жизни будет увековечена. Однако после смерти подобное уже не имеет никакого смысла. Наше ремесло тут не в почете.

Как правило не в почете, потому что Наместник оценил мой талант высоко. Жить при нем было в общем-то неплохо, особенно в силу понимания: это не навсегда. Всякая история имеет начало и конец. Вопрос в том, какой именно. Памятуя о словах Вергилия, я рассуждал: если где-то в Чистилище и возможен счастливый конец — то здесь, на земле Дорая.

Вышло иначе.

I. Орел, выклевавший печень

Во дворце Наместника пировали уже вторую неделю — без остановки, не просыхая. По-моему, все давно забыли, со встречи какого праздника безумие началось. Я сам не мог сказать точно.

Праздник был религиозный, но в Дорae все верят настолько истово, что скоро перестают толком понимать, во что именно. Наверное, это и есть высшее проявление веры: того состояния, когда ты знаешь что-то, даже если ничего не знаешь. Достигший этой вершины уже не осознает, чему поклоняется, да ему такое осознание и не нужно.

Роскошный дворец из нежно-розового камня был увит плющом, в который повсюду вплели омелу, украшен гирляндами, ярко



освещался — несмотря на то, что здесь все равно никогда не темнело. Для пущей красоты. Он буквально ломился от гостей. Наместник правил отдаленной, но богатой провинцией: полной знати, плантаторов, чиновников и прочего ворья.

В Дорae все делается по-крупному. Если пьют, то неделю. Если воруют — то уж целыми вагонами, ведь так куда безопаснее. Это мелких преступников просто вешают без разговоров. А такие, как собравшиеся при дворе Наместника, всегда чувствуют себя в безопасности.

Отвратительно, конечно. Но интересно. И многие хотели бы здесь оказаться.

— Выпейте с нами, выпейте!..

Это кричал мне плаговый мужичок в увешанном орденами мундире, на коленях которого сидела роскошная блондинка. Я выпил, конечно, но только ради соблюдения приличий. Этот человек не вызывал у меня симпатии. Не стал бы с ним пить, кабы не мое положение.

Внутренний дворик устали длинными столами, за которыми творилась сущая вакханалия. До того, как пустить себе пулю в голову и прервать жизнь на Земле, я успел повидать кое-какое веселье. Секс, наркотики и безумие, «Лето любви» и не менее жаркие зимы. Но все это не шло ни в какое сравнение с кутежом в дворце Наместника.

Правда, меня этот разгул и разврат уже совершенно не прельщали. Они вызывали отвращение. Но да: отвращение, странным образом притягивающее. Декаданс за чертой смерти. Казалось бы, падать ниже уже некуда? Ха. Всегда есть куда.

Большие акулы жирного и внешне благоустроенного мирка — мирка, что тянулся к Раю, опираясь на плечи тех, кому повезло еще меньше. Чиновники, магнаты, святоши, короли преступного мира, вожди прикормленных Дорaeм племен... Облепленные не желавшими их обнаженными женщинами, они вливали в себя вино, заедали деликатесами, затем смачно блевали. Слуги расторопно вытирали пол и их роскошные одежды, а потом подносили новые блюда и наполняли кубки.

Вот такой круг жизни в этом дворце. Лучшее, что Чистилище способно предложить.

— За здоровье Наместника!

Да уж, здоровье Наместнику сейчас пришлось бы впору.

Я отчетливо понимал: счастливых людей передо мной нет — несмотря на их самое высочайшее положение. Богачи за этими столами сходили с ума от того, что им уже нечего хотеть. Святоши, думаю, слишком много знали о своей вере — единственном костыле, на котором все «величие» Дорaeя еще как-то держалось. А дикарям с



низа спирали плохо подходили их новенькие военные мундиры. Вожди водили туда-сюда стеклянными глазами, но врага рядом не находилось — а этим людям едва ли что-то, кроме крови, могло доставить удовольствие.

Хотя и насчет крови — не факт. Я пил с одним из них как-то. Он, покрасневший от алкоголя и уже неспособный подняться с софы, но крепко сжимающий оружие, говорил:

— Однажды утром я проснулся и первым делом пробил череп одному дураку. И вообще ничего не почувствовал! С тех пор я пью. Мне на все плевать. Здесь тоже рано или поздно умирают, так вот: не могу дожидаться!..

Помню, я тогда поднял взгляд. Не к небу, которого здесь нет: прямо над нами, очень-очень высоко, виднелся Амадис. Блистательная столица Дорая. Мне тогда думалось — ну, может, хоть там все немного лучше? Смешно, конечно... Но я отвлекся от главного в моем рассказе.

Наместник был болен. Хотя это не совсем точное слово. Люди из его окружения говорили прямо: умирает. И сам старик тоже говорил прямо: отравлен.

Он не спустился тем вечером во двор, не почтил визитом ни одного пиршественного зала. Видимо, сделалось совсем дурно. Я был единственным человеком, кроме жены Наместника, которого в его покои сейчас могли пустить безо всяких вопросов. Все знали о моем особом положении.

— Мне неловко снова просить об этом, Наместник, но все же... принимая во внимание все обстоятельства...

— Желаете, чтобы я подписал ваши бумаги?

Даже кивать не требовалось. Разумеется, я просил именно об этом. Даже предположить не могу, в который раз.

Наместник чуть приподнялся на своем одре: до сих пор он по горло укрывался красиво расшитым пледом, а теперь обнажил грудь. Это был старый человек, в прошлой жизни — определенно откуда-то с Востока. С седыми волосами, собранными в тугую узел на макушке, низко свисающими седыми усами, глубокими морщинами — словно раны от клинка. И глаза у него были чуть узкие, как листовидный наконечник.

— Бойтесь, что я умру, не успев подписать их?

Само собой, я этого боялся. И разумеется, ни за что не сказал бы такого вслух.

Наместник решил все-таки подняться с постели. Он медленно, с каждым движением преодолевая боль и слабость, укутался в плотный длинный халат — который одновременно напоминал и японские одежды, и что-то персидское или индийское.



— Не беспокойтесь, мой дорогой друг. Совершенно очевидно, что Министр не откажет себе в удовольствии лицезреть мою кончину. Поэтому яд достаточно медленный, чтобы я дожил до его скорого приезда. Давайте немного пройдемся: я хочу подышать свежим воздухом, да и беседа не помешает.

И мы вышли на крытый балкон, опоясывающий снаружи третий этаж дворца. Шум пира в залах и дворике отсюда был слышен превосходно — кутили так, что никому в окрестностях не грозило уснуть. В дело как раз пошли фейерверки: не очень-то ярко смотрящиеся в краю вечного дневного света, но зато развлекающие гостей Наместника шумом.

Хорошо, что это сборище теперь хотя бы не было видно. Однако и снаружи дворца я наблюдал не самую приятную картину: толпа оборванцев поджидала, когда слуги начнут выносить объедки. В первые дни, когда о религиозном празднике еще помнили, беднякам даже доставалось какое-то нормальное угощение, но сейчас людям во дворце стало уже не до милосердных обычаев.

Наместник будто прочитал мою мысль. Он шел с трудом, опираясь на парапет, и так же тяжело говорил.

— Все мои гости позабыли о поводе для веселья, правда? Никто больше не выходит, чтобы угостить бедных, а ведь обычай-то святой. Но я понимаю. И тех, кто во дворце — и тех, кто под его стенами.

— Что же именно вы понимаете?

— Моим гостям не хочется уходить из дворца, хоть праздник давно закончился. Не хочется даже думать о чем-то за его пределами. Зачем?.. Что касается толпы, то ей для торжества вовсе не нужны церковные даты: день, в который переселенцам в Дорае бросили кость — уже праздник.

— Я не уверен, с какой стороны этих стен больше счастливых людей.

— А вы искали в Дорае счастье?

От саркастической улыбки глаза Наместника стали еще уже.

— Мне сказали, что в этом мире его больше нигде искать.

— Ну что же... Не знаю, мой друг, насколько вы счастливы — но уж точно больше всех прочих людей здесь. Вы не голодны, с одной стороны, а с другой — все еще чего-то желаете.

Наместник нечасто напоминал обо всем, что сделал для меня — но его, видимо, задело явно показанное желание скорее получить вожделенный документ. Слишком бестактное напоминание о скорой смерти.

— Я хотел бы задать вам один вопрос, Наместник.

— Задавайте хоть сотню, ведь для того вы и подле меня.



«И не забывайте об этом» — старик не произнес подобных слов, но явно подразумевал их. Что же, справедливо. Зачем в свите нужен писатель, если он не задает вопросов?

— Почему вы хотите дождаться Министра?

Мой собеседник остановился. Посмотрел мне в глаза. Выдержал паузу.

— Вы хотели спросить, почему я не желаю прекратить свои страдания, утратив надежду прожить больше недели? Почему не прочь дать врагу возможность насладиться тем печальным зрелищем, которое собой представляю?

— Нет, вы неверно поняли, я...

— Может быть, потому что мы оба уже однажды совершили самоубийство. И это, кстати, ответ на ваш вопрос. Не всем выпадает шанс прожить вторую жизнь, посему на этот раз я твердо настроен посмотреть прямо в глаза смерти. В конце концов, мы с вами уже имели возможность убедиться, что покончить с собой — не лучший выход. Этот шаг не привел нас ни к чему хорошему.

— Лично я ни о чем не сожалею, Наместник.

— А я сожалею. Хотя то, как я прекратил земную жизнь, и было принятым в моей культуре актом чести, а не проявлением малодушия. Кто же мог знать, что моя вера окажется ошибочной, как и все прочие верования в том мире? Именно поэтому я не люблю местных священников. Наверняка и они тоже ошибаются. Впрочем, не подумайте, будто я обвинил вас в малодушии. Про вас ведь говорили: вы ушли как бесстрашный человек, как воин.

— Да. С полным стаканом в руке.

— Ну вот. Возможно, поэтому вы со мной на балконе, а те люди — нет.

Большой вопрос, о каких людях он говорил в первую очередь: о голодных нищих прямо под нами или о безумно пирующих внутри. Пока я размышлял на эту тему, старик снова заговорил.

— Я подпишу ваши бумаги, когда придет время. Не беспокойтесь об этом. Уж что я умел всегда, и в прошлой жизни, и в нынешней — это держать слово. А пока... у меня для вас очередное задание.

II. Писатель, повидавший свет



Задание было таким же раздражающим, как обычно. Прихоти и капризы Наместника мне давно осточертели, но нищие не выбирают — я был не в том положении, чтобы как-то перечить.

Каждый, кто бежит в Дорай, рассчитывает незаметно пересечь границу, добраться до одного из крупных городов, затеряться в толпе. Большинству, разумеется, не удастся — вот и мне тоже не повезло.

Конечно, Дорай и попавшимся в лапы миграционной полиции дает шанс. Все предельно просто: отслужи пять лет на границе — и после пользуйся всеми благами гражданства, которые сможешь обрести. Куда кривая мечты выведет. В моем случае пять лет превратились в десять — за попытку побега из лагеря для мигрантов.

А даже пять лет на границе выдерживают немногие, этого никто не пытался скрывать. И когда по невероятно счастливому стечению обстоятельств сам Наместник обратил на меня внимание, предложил своеобразную альтернативную службу... Тут только у полного идиота были бы какие-то сомнения.

Десять лет уже прошли. Но Наместник, во власти которого была та самая подпись, не спешил ее поставить.

Вместо этого он снова и снова давал задания. Суть всегда была одной и той же: посмотрите на жизнь Дорая, господин писатель, познайте ее во всех проявлениях — и опишите. Уж очень старику нравилось все, выходящее из-под моего пера.

Я и в прошлой жизни испытал многое, неплохая вышла жизнь — а в Дорae за десять лет успел повидать и того больше. От королевского дворца, с его прекрасными сводами и грязными интригами клептократов — до самых зловонных районов Амадиса, голодных и опасных. Я ездил с Наместником на высочайшие приемы — и с войсками его провинции на границу, которую сам когда-то пересек. Политики, сановники, торговцы, офицеры, шпионы, бюрократы, преступники, шлюхи, солдаты, бедняки — я общался со всеми. Потому что книга о двух жизнях Наместника давно превратилась в книгу обо всех жизнях Дорая. Которую мне очень хотелось закончить, уже будучи гражданином.

По крайней мере, на этот раз не пришлось ехать особенно далеко. Если бы Наместник отправил меня в Амадис — не было бы никакой уверенности, что по возвращении из столь долгой дороги я застану его живым. Но задачу посмотреть на жизнь умалишенных и пообщаться с ними можно было решить неподалеку от ближайшего города: в мрачных стенах, некогда бывших монастырем странной местной религии. Не приходилось удивляться, что больных рассудком в Дорae хватает: зачастую безумие оказывается единственным выходом из паскудной реальности.

Правда, недолго мне довелось завидовать местным обитателям.



Здесь все было много хуже, чем в лагере для нелегалов. И даже хуже, чем в тюрьмах, посещать которые Наместник меня тоже заставлял. Низкие каменные своды, по которым я едва не чиркал своей ранней лысиной — хотя отнюдь не был гигантом. Почти непроглядный мрак. Коктейль из самых омерзительных запахов. Грязные и оборванные узники: кто-то в ужасе забивался в угол при виде фонаря, кто-то бросался на железные решетки, брызгая слюной. Ради чего Наместник послал меня сюда?

Это выяснилось довольно скоро. С огромным удивлением я стал замечать среди заключенных людей с тем огнем в глазах и теми выражениями лиц, которых я не видел уже очень давно.

Они были счастливы, черт возьми! И скоро стало понятно, почему.

— А это, господин писатель, единственное место в Дорae, где живут свободные люди! Вы чувствуете здесь запах свободы?

Я чуял только запах плесени, но прекрасно понимал, о чем говорит пугающе похожий на Вергилия старик.

— То-то и оно. Разумный человек в Дорae не может позволить себе лишнего слова. Обыкновенно и на полразговорца не хватит. Да и как, скажите мне, жить дорайцу в согласии с рассудком? Я вижу, вы еще не слишком стары, вы здесь не так давно. А знаете, сколько лет никто не видел короля? Это страна, на троне которой — труп. И только в сумасшедшем доме эту мысль не побоятся озвучить, хотя она приходила в голову каждому. Вот и судите, господин писатель, по которую сторону этих стен люди безумнее?

Я никогда не задумывался о короле Дорая, если честно. Вполне хватало Наместника, чья власть надо мной заменяла и короля, и любых богов. Эту мысль безумный старик как будто прочитал.

— Надеюсь, господин писатель, вы не пропустите визит Министра в дворец Наместника? Я уверен, что это будет впечатляющее событие. Вы сами наверняка это чувствуете.

— Откуда вы об этом знаете?

— О ваших чувствах?

— Нет, о планах Министра?

Наверное, это был глупый вопрос: по крайней мере, рассчитывать на какой-то разумный ответ мне никак не приходилось. Если честно, я даже не запомнил, что именно безумец мне сказал. Как-то сконцентрироваться, направить мысли становилось уже невозможно. Полнейший бред: я даже не был уверен, что все происходит наяву.

У читателя могло сложиться ощущение, будто я ненавидел Наместника, будто находился в каком-то угнетенном положении, но



это не совсем так. Даже если отбросить благодарность за то, что мне не пришлось загнуться на какой-нибудь пограничной заставе.

На самом деле, Наместник был вовсе не так уж плох. Пусть свои странности у него водились, и жесткость проявлять этот человек по долгу службы умел, но это еще не делает человека плохим. Что до его бесконечных странных поручений — долгое время они даже были мне интересны. Просто со временем появилось кое-что еще.

III. Женщина, ради которой стоит жить

Конечно же, вы догадались: без женщины здесь не обошлось. Можно даже сказать, что в ней-то и было все дело — здесь Медианн ничем не отличается от обычного мира смертных. Все крутится вокруг одного и того же. С женщинами совершенно невозможно иметь дело, но без них тоже не обойтись.

Она была уже не очень молода, но ведь и я — не юноша. Да и потом, красоты моей возлюбленной годы не убавили, скорее напротив: лет десять назад она наверняка была менее привлекательна. Так чаще бывает с мужчинами, но иногда и с женщинами тоже.

Любимая знала мою историю во всех подробностях, а вот я никогда не спрашивал о ее прошлом: родилась ли она уже в этом мире или попала сюда после смерти — а если так, то какой была прежняя жизнь. Мне это не было интересно. Детали, которое могли все только испортить.

— Представляешь, он до сих пор не подписал бумаги.

В это все и упиралось. Она-то была полноправной гражданкой Дорая. Замужней, правда, но меня такие мелочи и в прошлой жизни нисколько не смущали — а уж после смерти-то... смешно и говорить. Проблема второго порядка, а главной были мои откровенно птичьи права жить рядом с ней.

Она же, как почти всякая женщина, хотела стабильности. Уверенности в будущем. Человек в этом плане от своей животной природы нисколько не ушел. Каждый выполняет свою биологическую роль, даже в посмертии, где это вроде бы и не имеет очевидного смысла.

— А что, если он вообще их не подпишет?

Я не думал, что Наместник способен поступить так по собственной воле. Его можно было назвать как угодно, но точно не лжецом и подлецом. Однако смерть к человеку, от которого полностью



зависела моя судьба, подступала все ближе. И это не могло не беспокоить.

— Не знаю. Я увижусь с ним завтра и обязательно поговорю еще раз.

— Он упрямый человек. И если вобьет себе что-то в голову... Наверное, твоя книга стала для него чем-то слишком важным. Есть люди, которыми идеи легко овладевают полностью. Хорошо, если это идеи извне.

Я понимал, о чем она. Человеком под влиянием чужой идеи, толпой — по крайней мере, можно управлять. Если же кто-то сам себе внушил некую идею фикс, то все гораздо хуже. Наместник вел себя странно, и это касалось не только нежелания отпустить меня. Чего стоил один тот разговор о грядущей встрече с Министром — об этом ли заботиться умирающему? Вместо того, чтобы напоследок насладиться жизнью и привести в порядок свои дела?

Впрочем, не моя проблема. Люди по природе своей стремятся к свободе. А у меня был чертовски сильный дополнительный стимул.

— Я терпеливая, ты знаешь. Я жду уже давно и могу ждать еще долго. Но не вечно.

Какие пределы «долго» остались в моем распоряжении — женщина, конечно же, не уточнила. И мне от этого не слишком полегчало. До прибытия Министра оставалась всего пара дней.

Я, кстати, мало знал о его конфликте с Наместником. Настолько мало, что не стал бы судить, кто в этой ситуации был прав. В какой-то мере я симпатизировал Наместнику, безусловно: все же мы много общались, что приносило немалое удовольствие, и я действительно был ему обязан. Но, с другой стороны — Министра не знал вовсе.

В любом случае мне предстоял непростой разговор с Наместником. Если вы не бывали в Медианне, то уж просто поверьте на слово: отыщется очень немного причин, чтобы жить в таком мире. Даже если это Дорай с его вечным светом, а не ледяные окраины Ада.

И моя женщина (да, именно так — пусть пока остававшаяся замужем за другим) была именно такой причиной. Возможно, она одна и удерживала меня от того, чтобы застрелиться еще раз.

Это куда проще сделать, чем кажется. Поверьте моему опыту.

IV. Старик, преисполненный сожалений



Пиршество во дворце стихать и не думало: даже наоборот, людей здесь стало больше, пили они еще отчаяннее. Ведь нынче появился и более-менее осязаемый повод: уже завтра предстояло встречать Министра. Интересно, что он должен был ощутить при виде этого сборища больших жирных акул?

Ничего, наверное. Насколько я успел узнать людей сего круга, они вообще немного чувствовали.

Наместник был уже совсем плох: он едва повернул голову в мою сторону, даже не попытался приподняться. С нашей последней встречи старик сильно побледнел, его лицо осунулось, только глаза не померкли. Почти труп. То, что в нем еще теплилась жизнь, выглядело издевательством.

Я сразу понял: разговор сложится тяжело. А окончательно убедился в этом, когда Наместник кивнул в сторону прикроватного столика.

— Я подписал ваши бумаги. Возьмите их, а потом мы немного поговорим.

Да, это просто не могло случиться так просто. Что-то здесь не так.

— Весь к вашим услугам, Наместник.

Я присел на табурет рядом с ним: так, чтобы старик мог видеть мое лицо, не напрягая шею. Он тяжело дышал. Восточного разреза глаза стали совсем узкими щелочками. В покоях Наместника буквально пахло смертью: даже благовония не помогали.

— О чем вы хотели поговорить?

— О, обо многом. Вы ведь уже не раз слышали, что я преисполнен сожалений?

— Да, вы говорили об этом.

Наместник закашлялся. Кажется, из горла шла кровь. В это время внизу кто-то особенно удачно произнес тост: пьяные голоса отреагировали куда громче обычного, а бокалы зазвенели так, что старик немного поморщился.

— Здесь все любят праздники, правда? Но больше всех — те, кто пришел в Медианн, а не родился в нем. Как мы с вами. Такие люди видели одну плохую жизнь, теперь проживают еще худшую, и у них нет никаких оснований ожидать чего-то послаще впереди. Что же им остается? Встречать неизбежный мрак звоном и гамом праздника. Неплохой вариант, как думаете?

Кажется, Наместник упустил собственную мысль о сожалениях. Но тут уж ему было решать, о чем вести беседу.

— Наверное, неплохой. Но это не для меня.

— И не для меня. Не только потому, что я нынче слишком жалко смотрелся бы за столом... Вы знаете, что завтра придет



Министр. Вы знаете о наших с ним отношениях. И знаете, что я виню его в своем отравлении. Так почему же, по-вашему, я так хочу достойно его встретить? Да, верно: меня тоже не ждет впереди ничего хорошего. И, как сказал ранее, я преисполнен сожалений. О тех вещах, которые сделал, и о тех, которых не сделал — последнего даже больше. Но времени что-то исправить и навестать нет. Я понял это при первых симптомах, вызванных ядом. Так что осталось совершить немного.

— И что именно вы хотите сделать?

Его попытка рассмеяться не удалась: видимо, случился спазм. Наместник долго корчился и кашлял. Хотя в моих руках уже были заветные бумаги, я почему-то все равно боялся, что он умрет раньше, чем рассчитывал.

— Посмотреть в лицо своей смерти, прежде всего, но об этом мы уже говорили. Я еще я хочу сказать некоторым людям, что прощаю их. Прощение — это, знаете ли, очень важно.

— Об этом вы хотели со мной поговорить?

Неожиданно Наместник будто собрался с силами. Выражение его лица теперь было под стать жесткому взгляду — совсем не то подобие посмертной маски, что минуту назад.

— В том числе. Хотел сказать: прощаю вас за то, что все эти годы вы спали с моей женой.

Я долгое время думал, что в посмертии испугаться не смогу уже ничего, но после этих слов ощутил ватность ног и самые неприятные позывы в животе. Да, верно: я и вам забыл сообщить, чьей именно женой была моя любимая — но в этой точке истории личность ее мужа не имела никакого значения. Мы оба были уверены, что он никогда ни о чем не догадается. И были веские основания для такой уверенности, но...

— Вы так переменялись в лице, будто слышали не «я вас прощаю», а что-то вроде «вас сейчас повесят на воротах». Нет, в самом деле, я прощаю. Мы только что говорили о людях, которым от отчаяния остается только пировать, не просыхая. Или о тех, кто смиренно ждет своего убийцу в гости.

Он ненадолго прерывался, пристально глядя на меня. Я старался не отводить взгляд: это мне удавалось, пусть и с большим трудом.

— По этой же причине и жене я позволял изменять. В конце концов, вы интересный человек. Я понимаю, чем вы ее привлекали.

Я не знал, что тут стоит сказать.

— На самом деле, мой дорогой друг-писатель, я вам не завидую. Счастья нет ни в одном из миров, но в Медианне тем более. Ничего хорошо вы здесь не найдете: ни без мой жены, что скоро



станет вдовой, ни с ней. С ней, я думаю, выйдет только хуже. В своей прошлой жизни я изведal кое-что подобное. Впрочем, не мне учить вас жизни.

По крайней мере, он действительно подписал бумаги. И я, вроде как, получил долгожданную свободу. Вот только ощущения от первых же ее мгновений оказались паршивыми: похоже, что Вергилий ошибался насчет счастья. Наместник же был абсолютно прав.

— И только одна просьба напоследок. — он произнес это, когда я уже собирался подняться и уйти. — Не покидайте дворец сегодня же. Вам стоит присутствовать завтра, когда сюда прибудет Министр. Этим вы как бы выкажете мне уважение. Я же заслужил немного вашего уважения?..

V. Мы, которые здесь и сгинут

Отказать Наместнику я не мог. По целом ряду причин — начиная с того, что меня и правда могли бы вздернуть на воротах, заканчивая многими вещами, которые трудно объяснить. Между нами за эти годы очень случилось многое. Не только женщина, слишком молодая для Наместника и слишком зрелая для того, чтобы упустить возможность насладиться жизнью.

Я снова наблюдал этот безобразный пир во внутреннем дворе, который окончательно утратил рамки и приличия. Это были уже не люди, и уж тем паче не такие люди, которых должно уважать общество — их даже «свиньями» назвать язык не поворачивался. Полагаю, что свиньи себя так не ведут.

Жены Наместника я нигде не видел, хотя и пытался ее найти. Достаточно трезвые для хоть какого-то разговора люди (которых здесь почти не осталось — разве что охрана, даже вся обслуга давно перепилась) только пожимали плечами. Возможно, ответить мог Наместник, но задавать ему подобный вопрос...

Стало как-то тревожно, хотя душу грели лежащие в кармане документы. Теперь я был таким же гостем Наместника, как и все остальные на этом празднике чревоугодия, похоти и безумия. Даже странно, что после смерти я обрел такое отвращение к этим порокам: если подумать — в прежней жизни и сам не чурался. Мягко говоря...

Эй, ты ведь отродясь не был «левым», правда? Так почему же теперь, пользуясь долгожданной свободой, больше хочется присоединиться к тем нищим под стенами, чем к застолью с Министром и Наместником?



Возможно, я наконец понял суть Дорая. Когда-то очень давно, в другом мире я уловил связь между красивыми табличками на дверях банков и детьми, роющимися в помойках. Не то, чтобы это побудило во мне большую тягу к социальной справедливости, но многое расставило по местам.

— Министр! Министр!.. Наконец-то!

Ладно, пустое. Вообще не важно, кем быть в Медианне. Ничего хорошего тебя не ждет. Но если приходится выбирать — то с гражданством Дорая лучше. А между тем во внутреннем двореике действительно появился столь долгожданный гость. Наместник не торопился его встречать. Возможно, он уже не мог подняться с постели.

Министр выглядел именно так, как его можно было представить, заранее презирая. Самая большая и жирная крыса среди всех, что сползлись поживиться чем-то при дворе умирающего. Холуй с мелкими глазками и жирной кожей — он идеально воплощал все, что я так ненавидел в Дорае.

Ничего: уже скоро буду вместе с той, что воплощает все мною в Дорае любимое.

— Ты чуть не опоздал: я уже почти мертв.

Голос Наместника, раздавшийся откуда-то сверху, заставил всех оторваться от блюд, бокалов или чьих-нибудь сисек. Его бледная фигура едва виднелась в окне, выходявшем во внутренний дворик. Судя по выражению лица Министра, он и правда порадовался, что видит врага еще живым — но уже, по сути дела, мертвым.

— Мне жаль, что с твоим здоровьем все еще более дурно, чем говорят в Амадисе.

— Тебе? Жаль? Послушай: у меня осталось слишком мало времени, чтобы ломать комедию. Ты родился в Дорае, и тебе будет сложно понять мою мысль. Но я надеюсь, что господин писатель, присутствующий здесь, ее как следует запомнит. Вы ведь запомните, мой друг?

Черт возьми, вот поэтому я должен был присутствовать здесь? Следовало ожидать, конечно, что Наместник сделает из встречи достойный финал — а не просто плюнет Министру в рожу и окочурится, испортив воздух. Но мне совсем не хотелось играть в задуманном им спектакле какую-либо роль. Даже «кушать подано», что уж говорить о...

— Я запомню.

— Прекрасно! — он чуть высунулся из окна, видимо, стараясь получше рассмотреть собеседника. — Так вот, мой гость. В отличие от тебя, я видел и другой мир. Ничуть не идеальный, полный множества ужасных и отвратительных вещей. Но там было лучше. Даже люди



вроде тебя там не так омерзительны. Что до этих воров и бездельников, что пьют за мой счет уже две недели... они называют себя моими друзьями, как и ты когда-то. Вы все ничем друг от друга не отличается. А дальше будет только хуже, и...

Кажется, выходя из себя, Наместник утратил ясность мысли. Или разум и вовсе покидал его — при смерти это было бы неудивительно... Но нет: старик осекся, взял себя в руки.

— Лучше забудьте, что я сказал, дорогие гости. Я долго размышлял над этой речью, но так и не сумел ее составить. На самом деле, я дождался Министра ради другого.

Я плохо помню, что произошло после этих слов. Наместник сделал знак, и меня, кажется, ударили по голове. А может, все случилось как-то иначе, но это совершенно не важно. Началась стрельба. Крики. Что-то, похоже, взорвалось. Все произошло очень быстро — совсем не как в фильмах, которые я любил смотреть до своей первой смерти.

В кино все показывают красиво и подробно. Но в реальности ты глоснешь от удара по ушам, смотришь в пол и боишься пошевелиться: все яркие, сочные, кровавые моменты остаются за кадром. Даже жаль, что так — посмотреть на эту расправу во всех деталях я бы не отказался. Что-то подобное не раз рисовалось в воображении.

Похоже, меня оттащили в сторону перед тем, как начать убивать всех людей во дворе. Логично, ведь Наместник так хотел, чтобы я запомнил его слова и дописал проклятую книгу — смерть писателя точно не входила в его планы.

Вы скажете: стоило ожидать от отравленного старика чего-то в этом духе. Я отвечу: никогда не думал, что он на это способен.

Все уже почти было кончено к моменту, когда я пришел в себя, выполз из закутка и взглянул на то, чем окончился двухнедельный пир. Дворец уже горел: большого огня я не видел, но сильный запах дыма чувствовал. Занялись гирлянды из венков омелы. Я видел темные фигуры вооруженных людей в окнах: оттуда и расстреливали пировавших. Если кто-то успел спастись, то таковых точно было немного.

В этом было что-то от картины Жерико или другого художника его эпохи: беспорядок тел, вдруг создавший композицию. Бессмысленная бойня, устроенная обреченным стариком, придала всему этому некое значение, которого я пока не понимал.

Министр еще был жив. Но, видимо, ранен — он неловко пытался подняться с колен, скользя по залившей мрамор крови, кряхтел и стонал. Наместник, чуть пошатываясь, приближался.



Одетый в привычный восточный наряд, с изогнутым мечом, который все эти годы висел на стене в его кабинете.

Это оружие всегда напоминало Наместнику о прошлой жизни. Похожий меч, направленный собственными руками, и привел его в этот мир.

Старик стоял над Министром.

— Это хорошо, что мы можем посмотреть друг на друга перед смертью. Я обо многом сожалею. А более всего мне жаль, что в прошлый раз... в прошлой жизни я не поступил так же. Значит, глупо не использовать второй шанс.

Министр раскрыл рот, но поперхнулся и не смог ответить. А пока он все-таки пытался выдавить из себя какие-то слова, Наместник уже взмахнул клинком: резко, уверенно, привычным движением. Голова его врага покатила по полу.

Затем Наместник просто сел на пол и замер в позе, напоминая сейчас статую Будды. Нежно-розовый дворец потихоньку разгорался, густой дым заволакивал удивительную картину противоположной стороны спирали, прежде видневшуюся над головой. Что-то с треском рушилось, кто-то кричал.

В этот момент я подумал только об одном.

Очевидно, что теперь любые бумаги, подписанные Наместником, уже не стоят для властей Дорая ничего. Влияние его неверной супруги тоже улетучилось — прямо вместе с дымом их прекрасного дворца, увитого омелой.

Я, конечно, пришел в отчаяние.

Наместник совсем не изменился в лице, ничуть не пошевелился, когда я направил на него чей-то пистолет, поднятый с пола.

Ему, конечно, было все равно.

— Я знаю, о чем вы думаете, мой друг. Хотя я и исполнил наш уговор, документы с подписью государственного преступника вам не помогут. Сожалею. Но сожалений и без того накопилось много. Довольно отвечать за чужие судьбы: теперь я наконец-то должным образом поступил с собственной.

Я даже не был уверен, что пистолет заряжен, но какая разница — ведь ясно, что стрелять в него не имело никакого смысла.

— Почему?..

— Что «почему»?

— Почему, черт возьми, вы не могли просто умереть?! ПРОСТО УМЕРЕТЬ?!

Единственный вопрос, который мне тогда удалось сформулировать. Нельзя сказать, чтобы я всерьез ожидал ответа. Но ответ последовал:



— А почему бы вам самому просто не умереть? Теперь, когда рухнули все ваши надежды, как недавно погибли и мои? Зачем люди вообще продолжают жить, зная, что ничего хорошего их все равно не ждет — и не по собственной вине, а потому, что так все устроено и так все сложилось? Полагаю, вам не приходилось задумываться об подобном, но теперь есть такая возможность. Эти размышления могут украсить вашу книгу.

Сказать было нечего. Я просто сел на окровавленный пол напротив. Наместник какое-то время оставался в прежней позе, опустив голову и продолжая крепко сжимать меч. А потом завалился на бок рядом с телом Министра и больше не двигался.

Я смотрел на пистолет в своих руках. Ну что, опять? Как говорится, футбольный сезон окончен. Больше никаких игр. Гражданство Дорая? Можно забыть, разве что — еще десять лет на каком-то пограничном посту. Станет ли она ждать так долго? Тогда мы оба будем уже слишком старыми. Если меня, конечно, просто не казнят или не бросят в вонючий зиндан — как близкого к Наместнику человека.

Зачем все это? Можно поступить проще простого. Не впервой. Я ведь уже так делал: расслабься, больно не будет.

Но, с другой стороны, я все еще мог дописать свою книгу.



Александр Дедов
Гробовой колосс



Уопциона тряслись колени. Его командир, центурион Хремет Нери-Иб, неторопливо рассказывал о грядущем путешествии. Офицер рубил правду-матку и не лукавил, говоря о смехотворности шанса вернуться обратно.

Они миновали первые ворота, затем вторые; казалось, что коридоры внутри сторожевой стены не кончатся никогда. Третьи, четвертые ворота... Рядовые легионеры увидели офицеров и отсалютовали, открыв тяжелую дверь. Снаружи бушевала метель.



— Вот и все, Ид, — сказал центурион раздраженно. — Дальше ты один. Не подведи легион, мой мальчик! Иди, проводник ждет.

Центурион похлопал Ида по плечу, затем постучал в ворота, и его впустили обратно. Оpcion нервно слотнул и плотнее закутался в меховой плащ.

В полусотне шагов, облокотившись на серебристый бок металлической лошади, стоял проводник. Он был одет не по погоде легко, его седовато-серые волосы рассыпались по плечам множеством тонких косичек.

— Не бойся меня, воин, — крикнул проводник с усмешкой. — Твое начальство платит оружейной сталью, а у нас в цене хорошие клинки!

Ид ничего не ответил, лишь глянул исподлобья на болтливого нечестивца, и тот сразу же открыл дверцу кареты.

— Прошу вас, господин офицер, — тон проводника был издевательским. — Располагайтесь поудобнее!

Внутри было тепло, пахло потом и подгнившим мясом. Ид демонстративно отсел подальше — к самому окну. Проводник захлопнул дверцу кареты и что-то прокричал на своем языке. Металлическая лошадь зашевелилась: сначала медленными шажками, а затем уверенным галопом она понесла тяжелый возок сквозь метель.

— Свинцовая! — с нескрываемым удовольствием сказал проводник. — Наш хозяин сделал. Он очень любит лошадей. Жаль, здесь для них слишком холодно. Дохнут.

Ид недовольно скривился — одна только мысль о магии демонов вызывала омерзение.

— Как тебя зовут, офицер? — нечистый не унимался. — Давно служишь в Клыкe Анубиса?

Название родного легиона заставило Ида вздрогнуть. В нем вскипела ярость: подумать только, грязный рот твари из нижнего мира упомянул пограничные войска Истинного Медианна!

— Не твое собачье дело. — опцион чуть ли не прокричал эти слова.

— Экий ты серьезный. Я не собака, если тебе угодно, я крыса. — нечистый подвинулся ближе, чтобы опцион смог лучше разглядеть редкую сероватую шерсть на его лице. — Моя мать была на четверть демоном, она умела превращаться в снежокрысу. А я... Разве что холода люблю. Ты можешь и дальше строить из себя бравого пограничника, но все-таки советую быть поразговорчивее. В наших краях такая хренотень творится, что лучше лишний раз отвлечься. Не исключено, что мы с тобой и не доберемся до форта Ауш.

От этих слов опцион напрягся еще сильнее, рука под плащом сама собой легла на рукоять пистолета-пулемета.



— Х-ха! Да расслабься ты. Я шучу. Слухи о захвате Ауша до сих пор у всех на устах. Никто не посмеет на нас напасть: все знают, чья это лошадь. Только дурак сейчас захочет объявить войну моему лорду.

Свинцовая лошадь без усталости пересекала сугробы, огибала упавшие теневые сосны, желтый свет глаз-прожекторов пугал гигантских мохнатых нетопырей.

— Ты слишком бледный для египтянина, — сказал нечистый после долгого молчания.

— Моя мать из римлян, — зачем-то ответил опцион. — Я полукровка.

— Как и многие-многие в сраной спирали! Я вижу, это твоя первая поездка за пределы сторожевой стены, верно? Можешь не врать, это заметно.

— Врать глупо. Покажи мне человека, который отправился бы сюда по своей воле! Даже ты бы не стал здесь жить, будь у тебя выбор.

— Это точно. Но знаешь, ко всему можно привыкнуть. Ты привык пить вино на ужин, я привык трахать грязных баб и жрать мороженную свинособачатину. Когда растает, так себе... Есть одна вещь, которая нас объединяет, офицер: мы оба родились в Великой спирали. И мы не выбирали, где именно родиться. Если бы я знал — каково оно жить там, за рубежами... может, и задумался бы над своею долюшкой. Пока твое начальство платит, меня все устраивает. Шляхи, моховое пиво, хорошая одежда: мне для счастья большего и не надо.

— Ты очень болтлив, нечистый.

— Профессия обязывает. Сколько я вашего брата катал туда-сюда по Тоттенланде! Рожки кислые, хуже тухлых кишок. А так оно вроде и ничего, пока болтаешь — весело вроде. Иногда можно узнать чего о соседях. Вон, у тебя мама из римлян.

По спине Ида пробежал холодок: он понял, что сболтнул лишнего.

Опцион безучастно наблюдал за однообразным пейзажем. Снежная пустыня и редкий субарктический лес то и дело сменялись почти голой каменистой местностью; сани начинало трясти.

Вдалеке, неуверенно покачиваясь на ветру, шагала фигура. Человек: голый и тощий, длинный как тополь.

— Фьюить! — присвистнул проводник. — Какой хороший экземпляр! Давай-ка притормозим.

Нечистый достал из-под козел тяжелый арбалет с притороченной лебедкой. Он наклонил оружие и бешено завертел рукоятями взводного механизма. Затем снарядил арбалет тяжелым болтом, больше похожим на гарпун.

Опцион с недоверием покосился на проводника, крепче сжав рукоять автомата под плащом.



замотанных в шкуры и грязное тряпье, ни пирующего воронья и псов.

Свинцовая лошадь не сбавляла скорости. Нечистый приоткрыл дверь и крикнул что-то на нижне-общем. Тяжелые ворота с надсадным скрипом отворились, нечистый снова крикнул и лошадь начала замедляться. Металлический скакун протащил сани еще несколько футов и встал как вкопанный; в грузовой части возка мертвец шумно ударился об пол.

Люди окружали экипаж с разных сторон. В слабом свете факелов Ид заметил, что каждый из них одет в тяжелые металлические доспехи, отороченные мехом: небывалая для здешних мест расточительность. Даже самый щедрый лорд-полудемон в лучшем случае не скупится на сносные харчи.

— Не бойся, — сказал нечистый. — Тебя не тронут, хозяин их предупредил.

Они вышли из кареты. Слуги уже отворили задние двери и вывели мертвеца. К Иду подошел высокий старик с фитильным ружьем.

— Оружие, швахан. Отдай его.

Ид с недоверием глянул сначала на старика, затем на проводника, и тот ему кивнул.

— Не отдашь — убьют. Я бы на твоём месте был стоворчивее.

Опцион тяжело вздохнул, снял с плеча ремень и небрежным движением сунул пистолет-пулемет в костистую ладонь. В ответ старик широко улыбнулся, обнажив десны с почернелыми остатками зубов. Он гадко засмеялся, обдав опциона гнилым дыханием.

— На выходе заберешь. — Сказал проводник. Опцион же подумал, что свое табельное оружие он вряд ли увидит снова.

Они прошли через широкий двор, уставленный примитивными осадными орудиями. Обогнули несколько деревянных построек и спустились в нору с невысоким потолком. Внутри, в свете чадающих факелов, все напоминало могилу. Здесь жутко воняло гнилым мясом, то и дело под ногами хрустели кости.

— Пришли, — сказал проводник. — Свинопес тебя подери, парень, на моей памяти ты первый легионер, рискнувший прийти в Хадес с миром. Я вашего брата презираю, но ты храбрый сукин сын.

Ид ничего не ответил. Проводник постучал в дверь и им отворили. Внутри помещение освещалось свечами. Просторный грот обшили неструганными досками, по углам стояла нехитрая мебель, под потолком, нанизанные на крючья, висели копченые тушки снегокрыс. Охрана — три человека и один нечистый-октарон — пристально рассматривали человека в черно-зеленой форме. Хозяин сидел за



столом. Тело уродливого полудемона, огромного как скала, покрывали острые шипы. Он походил на антропоморфного дикобраза.

— Пришел, швахан! А я уж и не ждал. Что ты здесь забыл, мальчишка?

— Разговор есть. И нам бы без посторонних ушей обойтись.

— Нет, швахан, — полудемон сделал добрый глоток из большого костяного кубка. — Я не держу тайн от своих людей. Хочешь говорить — говори при них.

Голос полудемона звучал приглушенно, словно бы он говорил из-за стены.

Ид нервно оглядел комнату, поправил кушак и прочистил горло.

— Два месяца назад на сторожевую стену напали нечистые. Они светились в темноте, разбрызгивали какую-то светящуюся гадость. Нам удалось отбить атаку, но многие из солдат позже умерли от какой-то странной болезни. Они остались без волос... Харкали черной слюной и сколько их ни кормили — все худели. Наша разведка докладывает, что около месяца назад ты со своими людьми взял форт Гаргюр. Ты лично убил лорда Племени Лучей. Мое командование хочет знать, как тебе это удалось. Как твои люди избежали болезни?

— О, швахан! Ты предлагаешь мне сделку?

— Да, — опцион кивнул. — Ты получишь протекцию Клыка Анубиса. Приграничные патрули оставят вас в покое. Мы заплатим железом и порохом. Взамен ты научишь наших чародеев ставить защиту от светящейся болезни. Они уже работали с магией полудемонов.

— И ты проделал весь этот путь, чтобы попытаться меня купить, швахан? Как это глупо! Скоро моя армия станет настолько сильной, что ни один из кланов Тоттенланде не сможет воспрепятствовать моей власти! Мы станем хозяевами всей теневой стороны! А позже возьмемся и за вас, швахан. Сегодня ты станешь первой жертвой.

— Но... Гонцов не убивают, меня будут искать!

— Здесь я устанавливаю правила! — Полудемон встал из-за стола, из его раскрытых ладоней выросли острые шипы.

Опцион отскочил назад, ловким движением извлек малокалиберные револьверы из голенищ своих сапог. Четыре точных выстрела — и охранники упали замертво. В барабане оставалось еще два патрона, и он потратил их на полудемона. Две пули утонули в черепе жуткого человека-дикобраза, не причинив ему видимого вреда. Ид вскинул второй револьвер и выстрелил шесть раз. Снова ничего. Тело врага пожирало свинец.

Полудемон с иронической усмешкой разглядывал перепуганного legionера. Он набрал полную грудь воздуха и плюнул: на пол одна за другой посыпались пули. Полудемон щелкнул пальцами, и свинцовые



цилиндры слились в серебристую лужицу. Затем хлопнул в ладоши — из лужицы вырос длинный острый шип. Он вошел в живот легионера быстро, бедолага даже не успел вскрикнуть.

Ид чувствовал, как свинец бежит по его кишкам, как пропарывает легкие, проходит сквозь трахею. Вот уже и острый кончик показался из его ноздри. Умиравший легионер хотел отойти в сторону, упасть, завалиться на бок — что угодно. Но не мог: свинцовый шип крепко держал его на месте.

Полудемон медленной степенной походкой подошел к истекающему кровью опциону. Он заглянул в испуганные глаза человека и с гордостью произнес:

— Мой отец — Плуофер, демон свинца. Свинец не боится лучей.

Полудемон сделал небрежный взмах рукой: шип надломился, тело опциона рухнуло на пол.

Сию же секунду в комнате появился проводник. Он упал на колени подле мертвого легионера и, словно голодный пес, стал слизывать теплую кровь с земляного пола.

— Я уже почти наружу поднялся, — говорил нечистый, прерывая трапезу. — А как выстрелы услышал — обратно побежал. А вы тут уже все...

Полудемон снисходительно потрепал проводника за серые косы.

— Отнеси тела к остальным. Их нужно держать в холоде.

* * *

Издалека их легко было принять за живых людей: отец и дочь, замотанные в шкуры, неспешно шли вдоль высоких сугробов. Черные птицы, потревоженные их неторопливой поступью, вспархивали с заиндевевших кустов и улетали высоко — к сумеречному полумесяцу леса наверху.

Они ненадолго останавливались возле черных деревьев, срывали ягоды и съедобные листья, срезали кору и рассовывали свои находки по торбам. Нарочито медленно, будто и не было мороза, они раскапывали снег, чтобы добыть грибы-льдянки.

От внезапного шума отец встрепенулся. Выпрямившись во весь рост, он глянул на заснеженную пустошь и охнул: возвышаясь над сугробами, сквозь белую пелену плыли сутулые абрисы всадников. Они шумно переругивались, а их ездовые свинопсы заливались прерывистым хрюкающим лаем. Одно из животных жадно нюхало



воздух. Широким черным пятакон оно припало к земле, вспахивая снег. Взяло след.

Хуиииишк! — яростно завизжал свинопес. Тени сорвались с места и понеслись галопом.

— Храни нас, Хозяин могил... — сказал мертвый мужчина.

Он схватил дочку за шиворот и силой потащил через снег, петляя вокруг темных сосен, кустов зимней жимолости и ночной бузины. Хрюкающий лай свинопсов и яростное улюлюканье всадников становились все ближе. От страха девчонка разжала пальцы, и торба с едой, так старательно собранной, утонула в снегу.

— Уже не убежать, доченька. Они заберут нас обоих.

Он приказал девочке лежать без движения. Мертвец остервенело загребал руками, закапывая свою дочь в мох и колючий лапник темновой сосны.

— Когда меня поймают, я буду кричать «Шууууууу, шууууууу» — поняла? Дождись, пока меня не будет слышно, поняла?

Девочка медленно кивнула.

— Хорошо. А теперь прощай, доченька.

Живой труп поцеловал дочь холодными, вымороженными губами. Спешно прикопал девочку снегом: остальные следы скроет метель.

Быстро — насколько мог — он побежал прочь.

— Эй, пидоры-живоебы! — кричал мертвец. — Мой мертвый член играл за щеками ваших мамаш! Вы же любите мороженое мясо, сучата? Эй! И дая вас есть дюйм-другой!

Ноги медленно, но верно, несли его все дальше от временного убежища дочери. К счастью, трое всадников последовали за ним. «Хья-хья-хья» — они подгоняли свинопсов, и омерзительные уродливые звери все быстрее неслись сквозь редколесье, поднимая в воздух облака снега.

— Паскуды живоходящие! Ненавижу вас! Ненавижу! — Мертвец орал как можно громче; он скорее понял, чем почувствовал, как что-то пронзает его насквозь. Резкий рывок сзади, и он повалился в снег. Сработал гарпунный арбалет.

Свинопсы окружили шипящее умертвие очень-очень быстро. Будто сухое полено, своими широкими пятаками они катали жертву друг другу; если бы не крепкие кожаные намордники, то изогнутые клыки тварей давно бы распоролы замороженную плоть, и мертвец, кусочек за кусочком, перекочевал бы в ненасытные желудки.

Древко копья перевернуло жертву на спину. Он увидел лица своих преследователей: три чернобородые, покрытые струпьями рожи.



— Ничего, сгодится, — прошамкал самый молодой. — Крепкий сукин сын. Его можно в яму: хозяин за него даст, пожалуй, пять унций пороха и по свинцовому ножу.

— Закатай губу, гнилая белка. Ножи бы дал за целого! А мы его продырявили. Я бы и на пять унций рассчитывать не стал. Умва, ну-ка. Вяжи его, и поехали назад.

Оживший мертвец поморщился, когда Умва широко улыбнулся, показав гнилой обрубок языка. Немой наездник громко зачмокал, достал из седельной сумы бечевку и спеленал свою добычу. Одной рукой, будто вязанку хвороста, невысокий широкоплечий мужчина закинул пленника на седло и уселся рядом. Он пришпорила своего свинопса, и огромная шестисотфунтовая тварь с воем понеслась сквозь сугробы.

— Шуууууууу! Шууууууууу! — кричал мертвец.

Во мхах, спрятавшись под снежной шубой, зашевелилась испуганная мертвая девочка. Она хотела плакать, но вороны давным-давно выклевали ей глаза.

Обдуваемая ледяными ветрами, девочка шла по скользкому склону глетчера. Резкие порывы то и дело отбрасывали ее назад, но она снова поднималась на ноги и терпеливо шагала домой.

Вот и заветная щель под камнем, а в ней узкий лаз. Мертвецкое незрение помогало девочке ориентироваться в темноте: она ловко огибала камни, проползала под толстыми корнями деревьев, словно крот расталкивала в стороны комья мерзлой земли.

Еще несколько футов, и она смогла сесть на корточки. Еще десяток — удалось выпрямиться в полный рост. Вдалеке плясали в пламени костров тени. Сородичи.

Это место было их домом: сотни лет назад пещеру с древним кладбищем завалило лавиной. Целую вечность мертвецы покоились в промерзлом камне, пока эти места не облюбовал Хозяин могил. Никто толком не помнил, как это произошло.

Его шепот разбудил их. Полуистлевшие, промерзшие насквозь, они испытывали чудовищный голод.

Их кладбищу повезло: сокрытое от чужих глаз, оно уберегло от раболовчих патрулей. Единственное по-настоящему безопасное место...

Сев полукругом чуть поодаль от костра, мертвецы разложили на большом плоском камне свою нехитрую снедь.

— Отойди! Ты ничего не принесла! — старуха ударила девочку по руке, жестом отгоняя ее в сторону.



Оставалось только сидеть в стороне и смотреть, как сородичи медленно и с удовольствием трапезничают. Ужасно захотелось есть.

— Эй, ну-ка, возьми! — к ней подсел старый мертвец, от времени и сырости его тело поросло мхом. Он отсыпал ей пригоршню сушеных корешков. — Здесь немного, но хватит, чтобы денек не слышать шепот могил. Пока рано! Пока не настало время!

— Благодетель хренов! — огрызнулась гнилая старуха в буром тряпье. — Она ничего не принесла! Лучше сам ешь. Если с голодухи начнет бредить, от нее будет легче избавиться, чем от тебя.

— Мы все едины во смерти, сестра! Гробовой колосс дал нам второй шанс, он велит нам держаться вместе. Живые и порождения бездны хотят всех нас изловить, превратить в рабов, лишить разума. Мы должны пойти за Гробовым колоссом! Мы все слышим его! Слышим!

Двое мужчин прервали эту проповедь. Они грубо спеленали замшелого пророка его собственными одеждами и оттащили подальше от общего очага, к надгробиям.

— Достал! — прошипел один из мужчин. — Мало этого шепота в башке, так еще и ты! Будешь надоедать — мы тебя свяжем и оставим на одной из дорог. А там уж живые подберут! Они сделают из тебя игрушку для свинопсов.

Замшелый мертвец заткнулся. В его пустых глазницах гуляло недоброе синее пламя.

— Вы еще сами ко мне придете, вы еще сами попросите... — шипел он.

* * *

Один долговязый, сухощавый и широкоплечий, другой — невысокий, крепко сбитый бородач: два человека в серебристых саванах шли по просторным подземным галереям. Бревенчатые своды над их головами покрывала копоть, кое-где дерево тронул флуоресцирующий грибок. Они говорили на одном языке, но каждый со своим акцентом. Египтянин и шумер, предатели своего отечества. Когда-то они оба служили своим легионам: один был геомантом Клыка Анубиса, второй гемوماгом Воронов Энки. Один заклинал землю для посева рапса, второй латал раны штурмовикам, но объединяло их одно — тяга к экспериментам с живой плотью. В Истинном Медианне подобная магия была вне закона и оба знали, что возжеленные знания они смогут выудить лишь из похотливой тьмы Тоттенланде.



Спрятав ладони в рукавах, они шли мимо испытательных камер, где кузнецы и оружейники проверяли на умертвиях новое оружие. Шли мимо мастерских, где поработанные мертвецы латали оружие и доспехи. Они ненадолго остановились у псарни, чтобы полюбоваться, как подрастающий помет свинопсов учится охоте на мертвецов. Омерзительные звери загоняли жертв в угол и набрасывались на них, сбивали с ног и наваливались сверху. Укротители едва успевали оттаскивать обезумевших тварей, чтобы те не сожрали несчастных.

Довольные работой укротителей, шумер и египтянин пошли дальше. В конце коридора находилась дверь, долговязый египтянин осторожно постучал и им открыли. В просторном каземате за одним столом с верными генералами сидел Сын Свинца. Уродливый человек-дикобраз тяжело дышал; в комнате пахло разогретым металлом.

— А! Вот и наши магиологи пожаловали. Заходите-заходите. Мы как раз говорили об укреплении армии. Какие новости?

— Хорошая и плохая, мой лорд, — сказал шумер.

Все генералы были сыновьями полудемона. Один из них, невероятно тощий, покрытый серебристыми шипами уродец, отодвинул стулья и учтивым жестом пригласил магиологов за стол.

— Хорошая и плохая, — повторил шумер присаживаясь. — Хорошая — мы научились управлять разумом мертвецов. Вдобавок теперь они недохнут мгновенно, если выйдут за пределы анмортального пятна. Я понял, как перепавать им мозги, а мой коллега научился заговаривать оскверненную почву — теперь она какое-то время действует и за пределами пятна.

— Плохая новость, — продолжил египтянин. — За пределами пятна оскверненная почва действует от силы полчаса. Умертвия подымают по-настоящему, и время все равно забирает их долг. Истлевают быстро! Даже костей не остается. Мы пробовали заталкивать грязь через задний проход, вспарывали и набивали животы, залепляли глазницы, рты и ноздри. Не помогает.

— Очевидно, полчаса — час нам ничего не дадут, мой лорд. Нам нужна магия высшего порядка, чтобы закрепить результат, — шумер шумно выдохнул и оттянул воротник савана, в комнате было очень жарко. — Но если мы сможем закрепить результат, вы получите свою бессмертную армию. Для этого нам нужен мощный источник живой энергии, а значит...

— Нужны жертвы. — пальцы полудемона слились в один длинный острый шип, он резким движением пронзил горло сидящему рядом генералу. Второй генерал тут же поставил ведро перед умирающим братом; струйки серебристо-розовой крови зажурчали по металлическим стенкам.



— Для вызова отца одного квартерона должно хватить, — полудемон приподнял голову мертвого сына за шип на лбу. — Он все равно был никудышный стратег... Так от него гораздо больше пользы. У вас будет достаточно материала, можете не сомневаться!

Магиологи довольно улыбались. Их ожидало много работы.

Ид очнулся и понял, что мертв. Это было весьма странное состояние: он все еще чувствовал боль, но не слышал, как шумит кровь в ушах, ему не хотелось сделать вдох. Какая-то странная легкость наполняла тело. Он приподнял голову и осмотрелся: деревянный стол, путы на руках и ногах. Жутко хотелось есть. Голод нарастал, а вместе с ним в голове все сильнее звучал голос. Он настойчиво требовал вернуться. Вот только куда?

В комнату вошел инок. В руках он держал миску с дымящимся варевом; от запаха пищи Ид почти потерял рассудок.

— Тише, тише, — инок почти шептал. — Не трясись, разбрызгаешь...

Мертвый опцион жадно прихлебывал деревянной ложкой. Он почти не чувствовал вкуса и запаха, но нарастающее ощущение сытости дарило покой.

Инок погладил Ида по голове.

— Набирайся сил. Они тебе понадобятся.

Процессия медленно двигалась под низкими сводами земляных туннелей. В окружении верных иноков полудемон неторопливо брел сквозь безмолвие подземелий. В рыжем свете чадающих факелов его серебристая накидка отливала багрянцем.

Они шли мимо могил, вырезанных в толще мерзлой земли, огибали мощные корни теневых сосен, аккуратно ступали по ковру хрустящих под ногами костей.

Преодолев очередной поворот, они вышли в просторную залу с круглым каменным алтарем посередине.

— Мой лорд! — воскликнул отец-осквернитель. — Ваш отец ждет! Я слышал, как поет свинец. Он хочет крови.

Полудемон кивнул. Иноки расступились, пропуская владыку к алтарю. Шипастый нечестивец сбросил с себя накидку и лег на холодный камень. Отец-осквернитель выкрикивал молитвы на древнем языке демонов, а иноки суеились вокруг своего лорда, каждый из них зачерпнул пиалой бурой жидкости из ведерка и принялся рисовать на алтаре.



Спирали, кресты, круги, линии и письма: полудемон довольно зажмурился, зная: на алтаре сегодня останется кровь его собственного сына.

— Ведите! — приказал отец-осквернитель.

Раздались крики, замелькали туда-сюда серые рубища иноков: к алтарю, как скотину на убой, вели пленников. То была разношерстная толпа, состоящая из женщин, детей, стариков, пленных легионеров, были среди них и предатели Клана Свинца.

Иноки толкали людей вперед по одному, а жадный до крови отец-осквернитель вспарывал им глотки ловкими выверенными движениями. *Вжик* кривым ножом, и на шее у маленького чумазого мальчика раскрылся багровый рот. *Вжик*, и перерезанное горло крепкого римлянина ужасающе захрипело, — кровь лилась рекой, и ни одной капли не упало мимо алтаря.

Алые струйки, двигаясь в такт богомерзким камланиям, сами собой бежали к шипам девятифутового чудовища на алтаре. Полудемон впитывал кровь всем телом, он раздулся и покраснел словно клец.

Живых пленников оставалось все меньше: кто-то безучастно, словно овца шел на убой, другие из последних сил пытались сопротивляться неминуемому. Кривой нож отца-осквернителя добрался до каждого.

Иноки пересчитали убитых. Убедившись, что жертв достаточно, привели пару десятков оживших мертвецов, вспороли им глотки и велели лежать рядом со свежими трупами. Позвали магиологов. Египтянин и шумер с довольным видом проследовали к алтарю и поклонились лорду.

Полудемон заклокотал и забулькал, его раздувшееся тело колыхалось как праздничный студень. Дальше произошло действие, от которого даже выдавшие виды иноки предпочли отвернуться.

Геомант брал в ладонь пригоршню земли и заталкивал ее в борозду на шее мертвеца, в это время гемомат засовывал жертве спицы в ноздри и шептал заклинания.

Полудемон вскрыл себе запястье: из рассеченных вен бежал расплавленный свинец.

— Твоя душа — моя душа. Твое тело — мое тело! — рычал лорд, держа запястье над раскрытым ртом мертвеца.

И они оживали. Просыпались с готовностью выполнить волю своего хозяина. Другие же, будучи ожившими мертвецами уже многие десятки лет, обретали странную покорность. Магиологи и лорд-полудемон поработали над каждой жертвой: теперь вокруг алтаря, мерно покачиваясь, стояли полсотни прирученных мертвецов. Их раны запломбировав свинец, свинец сверкал в их глазницах, покрыв



тонким слоем десны и зубы. По их венам неторопливо бежала заговоренная грязь.

Полудемон опустел, его растянутая шкура висела бесформенными каскадами. Изможденный, он упал в руки иноков, поранив шипами некоторых из них.

Безумные монахи и отец-осквернитель покидали проклятое святилище. Нежно, будто гигантского младенца, они уносили своего владыку.

Следом за ними, неуверенно переставляя ноги, шли послушные мертвецы.

* * *

Голод пожирал разум. Мертвая девчонка забилась в дальний угол пещеры и тихонько подвывала: голос Хозяина могил становился все настойчивее, все слабее слышались собственные мысли. Ее единственного защитника, полуистлевшего старика в грязном рубище, придавили тяжелой надгробной плитой; он бредил, его устами говорил Гробовой колосс.

Девочка понимала: скоро и она вот так же будет повторять одни и те же фразы, позовет своих сородичей надеть пелерину смерти, отдать свой разум Хозяину могил. Незавидная участь — лежать придавленной тяжелым надгробием и ждать, пока кто-то из вечно голодных соплеменников сжалится и поделится едой.

Она твердо решила уйти. Лучше быть пронзенной гарпуном охотников за мертвецами, лучше быть истерзанной свинопсами, чем провести бессознательную вечность в окружении жестоких и жадных оживших трупов.

Покачиваясь, она поднялась на ноги, юркнула в туннель и растворилась во тьме.

Ее сородичи ничего не заметили. Рассевшись поодаль от костра, они бранились, отбирали друг у друга еду и проклинали тот день, когда смерть позволила им вернуться назад.

Выход занесло снегом, девчонка вялыми гребками освобождала себе путь. Снаружи по-прежнему бушевала метель, теневые сосны, ссутулившиеся под тяжестью снега, клонились к земле.

В такую погоду даже самые жирные снежокрысы предпочитали залечь поглубже в нору, а уж поди поищи того, кто терпит мороз лучше них.



«Вернись, дитя, мы станем едины! Мертвая плоть мертвым мирам принадлежит! Останься и восстань», — голос Хозяина могил креп от часа к часу.

Девочка сделала еще несколько шагов и ее не стало. Голод окончательно сожрал разум.

— Давай возьмем ее, пока не убежала! — прохрипел один из всадников. — Упустим!

— Нет, — отрезал старший. — Видишь — умом тронулась.

Они смотрели, как мертвая девочка кружит на месте, словно бы ищет кого-то. Она вела разговор с невидимым собеседником, раз за разом повторяя одни и те же движения.

— Я видел, когда у них начинает ехать крыша, — сказал старший задумчиво. — Они перестают соображать, но хорошо помнят, где их дом. Подождем! Она может привести нас в логово своих. Нам с одной тощей девчонки пользы мало.

Старший внимательно следил за хрупкой фигуркой, мельтешащей в зеленоватом тусклом свете флуоресцирующих грибов. Девчонка еще немного покружилась, затем встала на четвереньки, проползла с десятков ярдов, нырнула в снег и исчезла.

— Х-ха! — довольно воскликнул старший. — Я же тебе говорил, дери тебя белки гнилые. Обратно домой поползла. Они всегда возвращаются к своей могиле, всегда! Хер его знает зачем, но возвращаются. Там-то их можно и взять.

Молодой наездник, глядя на ликующих Умву и старшего, почему-то злился. Его всегда раздражал этот поучающий тон...

Старший с умным видом почесал небритый подбородок кончиком гарпуна.

— Лезь, — сказал старший.

— Что, почему я? — встрепенулся молодой. — Умва любит ямы! Пускай он и лезет!

— Нет, — покачал головой старший. — Лезь ты. Я слишком стар, чтобы скользить по норам, Умва не может широко открывать рот, он не умеет кричать. Значит, остаешься только ты, дери тебя белки гнилые. Лезь!

Молодой нахмурился, от возмущения у него перехватило дыхание. Он до белых костяшек сжал рукоять своего кремневого пистолета, но так и не решился на выстрел: было жаль тратить порох.

— Вот упрямая гнилая белка! Лезь, говорят же тебе. Вернешься с хорошими новостями, я тебе треть от своей пайки пороха отдам. Идет?



— Половину! — сказал молодой, прыгивая со свинопса. — И два гарпуна.

— Да и хер с тобой, ладно. Два гарпуна.

Молодой ослабился, обнажив щербатый частокол гнилых зубов. Он что-то пробурчал себе в усы и пошел по следу.

Вернулся он очень скоро, должно быть, не прошло и получаса. Всадник верещал, словно девка под мужиком в первый раз. Молодой зажимал ладонью укушенную рану на шее, между грязных пальцев сочилась юшка. Из норы следом за ним выскочила парочка мертвецов, но увидев всадников не遠далеке, они поспешили убраться восвояси.

— Замуруют, гнилые белки! Сопляк их спугнул.

Молодому едва хватило сил добежать до своего свинопса. Как подкошенный, он упал у мохнатых лап зверюги, под его головой снег наливался алым.

— Убери руку, — сказал старший, — дай посмотрю. Ну!

Молодой доверчиво отвел ладонь в сторону, показав круглую с рваными краями рану. Кровь вырывалась толчками, шевеля разгрызенные сухожилия.

— Их там... — хрипел молодой. — Их там не меньше полусотни.

Старший сосредоточенно кивнул. Он достал из-за спины гарпун, размахнулся, и с силой вонзил его в шею молодого.

— Вот так, сынок, — старший сплюнул, глядя на хрипящего и булькающего товарища. — Не думай, что ты умнее всех!

Старший достал из седельной сумы обрывок пергамента и кусочек угля. Быстрыми движениями он набросал несколько строчек.

— Умва, мигом в Ауш! У нас тут крупная добыча, нужна подмога! — Старший передал записку немому наезднику.

Умва прищпорил своего свинопса, и тот понесся бешеным галопом сквозь тяжелую морозную тьму.

* * *

Ида, трех штурмовиков легиона Вороны Энки и двух контрабандистов из Дорая сбросили в яму. Они были мертвы, но все еще чувствовали боль; иноки сказали, что нервные окончания потеряют чувствительность лишь через неделю.

Им сбросили оружие. Ид даже немного обрадовался, ощутив привычную тяжесть табельных пистолета-пулемета и гладиуса. Это было ЕГО оружие, с которым он прошел через множество передраг и вот — оно снова с ним.



Кто-то из иноков сбросил в яму и снаряженные магазины; мертвые легионеры и дорайцы поспешили зарядить свое оружие, но иноки успели скрыться за край ямы — долой с линии огня.

— Вот ведь как забавно, мои друзья. — Один из контрабандистов заговорил на штейе, языке торговцев. — Легионеры Клыка Анубиса несколько раз чуть не убили меня, когда я вез товар через границу. А теперь мы тут все вместе, в одной яме.

— Приказы не обсуждаются, — сказал Ид с сильным медианнским акцентом. — Для нас вы были... преступниками. Теперь это уже не важно.

Контрабандист сосредоточенно кивнул. Кажется, его устроил такой ответ.

Из-за края ямы показалась шипастая голова. Все пятеро вскинули оружие, но никто не выстрелил: каждый из них знал, что Сын Свинца не боится пуль.

Глядя на встревоженных мертвецов, полудемон басовито расхохотался. Звук его хохота отражался от стен грота и пугал мелкую, почти невидимую живность.

— Поглядим на это представление. Впускайте! — крикнул полудемон на нижне-общем.

С другой стороны ямы, отбивая неровный ритм, шагали мертвецы. Они не были похожи на Ида и его товарищей по несчастью, казалось, само зло свернулось клубочком в их иссушенных телах. Пустые глазницы мертвецов горели серебристым пламенем, словно рыбы, выброшенные на берег, они хватали ртами холодный воздух.

Первый из них шагнул за край ямы и камнем рухнул вниз, следом второй, третий, четвертый... С глухим стуком они ударились о мерзлую почву.

— Храни нас Изида, — прошептал Ид и лязгнул затвором автомата.

Первыми открыли огонь штурмовики: их тяжелые дробовики изрыгали злую, кусачую картечь. Свинец трепал одежду врага, раздирал кожу, но не приносил заметного вреда. Казалось, пули и картечь растворяются в их телах, становятся частью их самих.

Ид и его товарищи по несчастью поняли, что обречены.

Штурмовики достали топоры, контрабандисты обнажили рапиры, Ид крепче сжал верный гладий.

Бой врукопашную оказался безнадежным: уколы и рубящие удары оставляли лишь поверхностные раны, которые тут же затягивала свинцовая корка. Рапира одного из контрабандистов так и застряла в руке врага.

Освинцованные умертвия окружали свою добычу, утробно урча. Их руки были сильными и тяжелыми. Все кончилось очень быстро:



голодная стая разорвала пятерых сопротивленцев словно тряпичные куклы. Иду не повезло: ему оторвали голову и отшвырнули в сторону. Отделенная от тела, голова все никак не хотела умирать; с ужасом и омерзением легионер наблюдал, как его собственное тело — кусочек за кусочком — исчезает в ненастных утробах.

— Старания прошли не зря, — глубокий бас полудемона раздался откуда-то издалека. — Спускайте лестницы, доставайте их оттуда.

— Сию минуту, милорд, — отозвался кто-то из иноков.

— У меня достаточно сыновей, их крови хватит на целую армию! Мы пойдем войной на другие кланы... Живо! Магиологов в мои покои, скажите, что работенки у них привалило.

* * *

Становилось все жарче. С потолка капало, дым постепенно заполнял все пространство пещеры; если бы местные обитатели нуждались в воздухе, они давно бы задохнулись.

— Нам конец, старая тварь! — процедил сквозь зубы мертвец. — Я буду умирать во второй раз, и все из-за тебя, сука! Тебе было жалко покормить девчонку?

Держа за руки и ноги, старуху подняли над костром; под настойчивыми языками пламени гнилое мясо отваливалось кусками.

— Я думала, ее схватят! — выла старуха. — Я думала, ее отдадут свинопсам!

— А теперь свинопсам достанемся мы! Но прежде ты превратишься жаркое.

В пещере воцарился хаос. Кто-то метался из стороны в сторону, кто-то замер на месте и смотрел в одну точку, многие, обхватив колени руками, раскачивались словно маятники.

Снаружи слышался треск костров. В единственный лаз с завидной настойчивостью пихали горящие бревна. Наст, утрамбованный почти до каменной прочности, трескался от жара, и в эти расщелины люди Клана Свинца совали новые бревна. Приглушенный шум сменился вполне различными голосами: охотники переговаривались. Это была их излюбленная тактика — выкуривать мертвецов наружу: знали, сволочи, как умертвия ненавидят тепло.

— Давайте прощаться, друзья, — сказал благообразного вида мужчина; его погребальные одежды чудом сохранили первозданную белизну. — Кажется, это конец. Нам не спастись!



Что-то зашуршало со стороны покинутого кладбища: это был замшелый старик, о котором все уже давно забыли.

— Придите ко мне, братья и сестры во смерти. Пустите меня в свои мысли! Я вас спасу, я унесу вас в крошечную тьму, в прохладу вечной гибели!

Его слова разливались многоголосым эхом, они звучали чертовски убедительно. Каждый из воскресших слышал Хозяина могил, каждый знал, что его сила всегда была рядом.

— Пустите меня, и я помогу, — говорил старик голосом Хозяина могил. — Уведу вас в спасительную тьму! Уведу!

Не было другого выбора. Они сели вокруг старика, придавленного могильной плитой, и перестали сопротивляться. Каждый почувствовал, как его разум будто бы уменьшается и уступает воле Гробового колосса.

Корни старых деревьев побежали змеями сквозь лабиринты гнилых кишок, плоть отрывалась от костей и оплетала могильные плиты, земля залепляла рты и глазницы, plombировала старые раны.

Они стали едиными, они стали Гробовым колоссом.

Умва вернулся с подмогой через час. Он привел с собой десяток дюжих всадников, еще десяток на своей карете привез посыльный лорда; его свинцовая лошадь примчалась раньше свинопсов, которым требовались напрягать жилы, чтобы проторить себе дорожку сквозь тридцатидюймовые сугробы.

— Твоя колымага сейчас очень кстати, Серокрыс. — сказал старший.

— И тебе не хворать, Шайрат, — проводник назвал старшего по имени. — Полсотни целехоньких — это прямо клад. Ну, что делать-то будем?

Шайрат прыгнул со своего свинопса и зашагал вдоль кромки утоптанного снега. Ему и прежде приходилось иметь дело со снежными пробками пещер; выцарапывать добычу из западни даже интереснее. Но в этот раз мертвецы спрятались очень уж глубоко.

— Здесь сошла лавина. Одни гнилые белки знают, сколько лет назад. Наст слезался и теперь как камень! Наши друзья лезут к себе домой через узкий ход вон там, — Шайрат махнул рукой, — его они уже завалили камнями с той стороны. Здесь, прямо под нами, пустота. Продолжим наст и разведем костры. Если эти гнилые белки сами не вылезут наружу, их снежная броня выдержит два, максимум три часа.

Серокрыс понимающе закивал. Ему и самому хотелось накормить мертвечиной гарпуны своего арбалета.



— Ты слышал новость? — как бы между прочим сказал Серокрыс. — Наши отступнички-то пропали! Охрана говорит, что библиотека Лорда изрядно похудела, а магиологов и след простыл.

— Предатели есть предатели... — старик сплюнул себе под ноги. — Лорд знал, на что идет, но не нам его судить.

Они облокотились на свинцовый бок лошади и с интересом наблюдали, как грязные оборванцы, члены их клана, ловко орудуют топорами и валят теневую сосну. Они работали самозабвенно: прорубали в насте ход, ставили бревно торчмя, обкладывали лапником, сыпали чуть пороху и давали искру огнивом; деревья, приспособившиеся жить без света, вспыхивали как факел. Древесина давала мощный жар и горела зловещим зеленоватым пламенем.

Шайрат предвкушал обвал пломбы: еще немного, и панцирь слежавшегося снега обвалится, придавит собою обитателей пещеры. Потом начнется самое интересное! Разбирать завалы и искать уцелевших всегда очень волнительно. Но сегодня был явно не его день...

Под слоем наста что-то утробно загудело. Люди Клана Свинца чувствовали, как дрожит под ногами пол. И в ту же секунду плomba взорвалась тысячами осколков; всадники не успели отскочить и ухнули вниз, погребенные под слоем обломков. На зеленоватый свет горящих костров медленно выползало оно. Существо будто сбегало из чьих-то ночных кошмаров: переплетенные между собой тела и надгробные плиты — руки и ноги, туловище — земля вперемежку со статуями, оградами и корнями растений, вместо головы — старинный каменный склеп. Это был Гробовой колосс, Хозяин могил.

Выжившие всадники пытались спастись, но гнев Хозяина могил невозможно остановить: словно спелую вишню, он давил живых и опаивал свои ладони свежей кровью. Он тянул веревки кишок, разрывал трупы врага на куски, вплетая их в свое тело.

Последним остался Умва. Тяжелая настовая глыба перебила ему хребет; несчастный на руках уползал от зловещего и непостижимого врага.

Гробовой колосс то ли не заметил, то ли нарочно оставил в живых единственного уцелевшего. Не издав ни звука, он развернулся на месте и неспешно зашагал куда-то вдаль.

В двух милях от места побоища, тяжело дыша, Умва прислонился спиной к стволу теневой сосны. Его ногами аппетитно лакомились дикие свинопсы. Наездник ничего не чувствовал и смиренно наблюдал, как его плоть исчезает дюйм за дюймом. Скоро его не станет. Уж лучше было погибнуть вместе со всеми: Гробовой колосс дарил мгновенную смерть, свинопсы же любили смаковать убийство своей добычи.

Сын Свинца еще не набрался сил после очередного ритуала: шкура на боках висела, шипы сморщились и опали. Тяжело дыша, полудемон стоял на балконе деревянной башни и с высоты ста футов разглядывал свое бессмертное войско. Полторы сотни серебристых глаз следили за каждым его движением.

Полудемон был доволен, даже внезапный побег магиологов его больше не тревожил. В конце концов, эти сумасшедшие исследователи всего-то украли несколько старинных книг, написанных на языке демонов, а у него, Сына Свинца, благодаря их ритуалам есть хоть и небольшая, но все же свирепая армия. Однако полудемон не успел порадоваться: на горизонте засияли огни, зеленовато-желтое зарево говорило об одном — старый враг вернулся. Племя Лучей, светящиеся нечестивцы и их человеческие слуги. Несколько месяцев назад он убил их лорда на глазах у всех. У Сына Лучей было полно кварталенов, и многие из них успели спастись. Должно быть, сегодня был день мести, самоубийственной мести...

— Ну что ж, — пробасил полудемон. — Быть может, вы и вовремя: как раз напою бессмертную армию вашей светящейся кровью. Файлат, вели всем готовиться к бою, — сказал он своему сыну, уродливому тощему чудовищу, покрытому короткими шипами.

В стенах форта началась сутолока: вооруженные кто чем, люди и нечестивцы занимали боевые позиции на стенах, в редутах готовили к бою старые, но все еще надежные дульнозарядные пушки.

В авангард пустили армию бессмертных. Со всего форта для них собрали что могли: ржавые топоры и вилы, затупившиеся мечи и деревянные пики. Они сами по себе являлись оружием; быть может, после удачного исхода битвы лорд и пожалует своим мертвецам что-нибудь поновее, а уж в своем успехе полудемон не сомневался.

Раздались первые пушечные выстрелы: ядра немного проредили строй противника. Светящаяся кровь взмывала в воздух зловещим фейерверком, в воздухе пахло пороховой гарью.

Люди Племени Лучей не кричали, не разбегались в стороны, а лишь уверенно шли вперед, будто знали, что победят наверняка. Они подошли ближе, их встретили огнем кремневых ружей и дождем арбалетных болтов. Строй выстрелил в ответ: из ручных мортир дали несколько залпов — за частоколом разорвались пороховые гранаты, кто-то истошно закричал.



Воины на сторожевых башнях уже не могли вести эффективный огонь. В бой решили пустить бессмертных: ворота форта раскрылись, и наружу высыпали мертвецы.

Строй Племени Лучей рассредоточился, фланги разошлись в стороны, пропуская вперед квартеронов. То были невероятно уродливые нечестивцы: их светящаяся плоть была перекручена немыслимым образом. Огромные, словно сугробы, они возвышались над войском на добрых четыре фута.

— Свинец не боится лучей! — крикнул один из квартеронов. — Но свинец боится жара!

С этими словами он выпустил тугую струю напалма из своего огнемета. Немыслимое для здешних мест оружие — новое, добротно сделанное. На баках огнеметов красовался профиль Анубиса, символ пограничных войск Истинного Медианна.

Мертвецы пытались прорваться сквозь стену чудовищного жара, но тщетно: не сделав и десятка шагов, они плавились и опадали бесформенной массой.

Когда с мертвецами было покончено, квартероны выпустили остатки напалма и подпалили стены; этого хватило, чтобы одна из сторожевых башен вспыхнула.

Квартероны достали топоры и с неостывающим боевым задором бросились прорубать ворота. Всего за несколько минут они освободили себе путь внутрь. Некоторые погибли страшной смертью: люди Клана Свинца опрокидывали на них чаны с кипятком и расплавленным свинцом, которого в форте хватало.

Клан Свинца дрался до последнего, не иначе — загнанные в угол росوماхи. Однажды они уже победили светящихся нечестивцев, так что теперь поражение и смерть казались им чем-то невозможным.

Внутри форта войско Племени Лучей встретили остатки армии бессмертных: несколько десятков прирученных мертвецов дрались жестоко. Они отрывали противникам головы, с легкостью ломали конечности и вырывали внутренности. В какой-то момент они начали теснить врага назад к воротам, что воодушевило Клан драться еще свирепее.

— Поглядим, покружим, — от голоса Сына Свинца воздух задрожал, — черепа им разможим!

Шипастый кистень — излюбленное оружие полудемона — запел в предвкушении крови. Один ловкий взмах, и шар с хрустом проломил череп зазевавшемуся квартерону. Но воины вражеского племени все наплывали и наплывали.

В гуще битвы никто не обратил внимания на вырастающую из тьмы нескладную антропоморфную фигуру. Приближаясь к форту Ауш, она подбирала трупы и их вещи, вплетая в свое тело. Гробовой



колосс спешил забрать свое: пока не ушел дальше во тьму — все мертвецы принадлежали ему.

Два клана были слишком увлечены войной, чтобы заметить приближение третьей силы. Хозяин могил не щадил никого: он топтал, рвал, давил и швырял живых, чтобы сделать их мертвыми. Ему было все равно, какая доля демонической крови у каждого из убиенных. Он расправился с ними быстро и так же быстро ушел, оставив пустое поле битвы.

Ему предстояло идти еще многие тысячи миль, чтобы найти безопасное место, залечь в спячку и вырасти в новое анмортауальное пятно.

* * *

Взвод Черных нагрудников, тайной полиции Истинного Медианна, неторопливо брел вдоль исполинских следов. Полицай с интересом наблюдали за отпечатками, в то время как магиологи сбивчиво объясняли им суть добытой информации.

— Здесь, в этих книгах... — шумер говорил быстро, дыхание его было неровным. — В них говорится о магии свинца, в этих рассказано все про лучи. В наших дневниках мы зафиксировали все ключевые моменты. Пожалуйста, мы сделали все что могли. Верните нас домой!

В черной униформе Хремет Нери-Иб выглядел особенно строго. Будучи префектом лагеря Черных нагрудников, он был вынужден долгие годы исполнять роль центуриона пограничных войск. Офицер вздохнул с облегчением, зная, что сегодня не нужно играть в эту дурацкую игру.

— Вы славно поработали, — сказал Хремет Нери-Иб. — Страна вас запомнит как людей, сошедших с правильной тропы, но вовремя повернувших назад. О вас будут говорить потомки.

— Что... Что вы имеете в виду?! — занервничал геомант-египтянин, бесстрастный тон офицера тайной полиции выводил его из себя.

Они подошли к разрушенным воротам форта Ауш; сторожевая башня все еще горела.

— По закону военного времени приговариваю вас к смерти! — прогремел префект лагеря. — Властью, данной мне судебной системой Истинного Медианна, приказываю привести приговор в исполнение.

— Нет! Нет, мы же договаривались, мы же передали огнеметы Племени Лучей, пожалуйста!.. — египтянин бился в истерику. Его



товарищ шумер сглотнул, неотрывно следя за бесстрастными лицами полицейских.

Магиологов отвернули лицами к стене. Египтянин молился, шумер мужественно молчал.

Один из полицейских приставил ствол револьвера к затылку египтянина: щелк — осечка, щелк — осечка; только на третий раз прогремел выстрел, тощий египтянин рухнул на землю неожиданно громко. Шумеру повезло — его мозги вышибло сразу.

Хремет Нери-Иб увидел знакомый блеск среди обломков древесины: так могла сверкать только сталь форменной амуниции! Он подошел к куче мусора, отбрасывая древесные обломки мыском сапога. Из грязных щепок на него смотрела голова опциона в форменном шлеме.

Префект лагеря наклонился, чтобы поднять голову. Он поцеловал холодный лоб и виновато посмотрел на лицо, искаженное маской ужаса и боли.

— Прости меня, Ид, — сказал он тихо. — По-другому нельзя. Ты был хорошим опционом. Родина тебя не забудет!



ЛЕТОПИСЬ

ТЕМНЫХ МИРОВ

Дмитрий Костюкевич | Максим Тихомиров

Ответ Туррана



Копыта скакуна стучали по дороге между покинутыми домами за стеной города. Перед воротами расфуфыренный златокожий южанин осадил коня, высокомерно глянул вверх, фертom упер руку в бедро.

— Я — генерал Турдзаль, — прокричал он с акцентом, — предпочтенный голос его великолепия Гайрухта, императора Южных Земель и пространств к ним прилежащих. Именем императора приказываю вам сложить оружие и открыть ворота! Осмелившиеся оказать сопротивление будут безжалостно умерщвлены, остальные же предстанут под светлые очи повелителя на суд его милосердный!

— А как тебе такой ответ? — зычно проревели с крепостной стены.

Полуголый гигант с черной бородой до самых глаз выразил свое отношение к переговорам с захватчиками самым недвусмысленным образом: стоя на парапете надвратной башни, извлек из штанов впечатляющих размеров мужское достоинство и пустил тугую струю в направлении чужеземного посла. Очень кстати налетевший порыв

ветра подхватил золотой бисер, и несколько капель действительно попали на ошеломленного генерала.

— Это сойдет за ответ, а, генерал? — кричал исполин, поводя членом из стороны в сторону. — Или южный пес должен принести хозяину непременно слова? Так у вас принято? А королевской мочи твоему — как ты сказал? Гайшану? — не достаточно?

Наконец поток иссяк, и гигант мелко попрыгал, роняя наземь последние капли и довольно хохоча. Он явно получал от происходящего истинное удовольствие.

Генерал гневно отер лицо рукой.

— Проклятые животные! — выкрикнул он. — Мы войдем в город и выпотрошим его, как жирную индюшку! Скоро Клаусо-Остио утонет в крови и испражнениях!

— Только если они будут вашими, — осклабился исполин. — Кстати, как тебе это?

И он покачал из стороны в сторону прибором неимоверного размера.

— Я ведь почему, спрашиваю. — Бородач доверительно наклонился вперед, и буравчики темных глаз ввинтились в мозг посла. — Если после битвы ты и твой император — как его там? Гайраальт? — останетесь живы, я познакомлю вас с ним поближе.

Посол поменялся в лице, открыл рот, но так и не нашелся, что сказать. Дав шпоры своему шестиногому чешуйчатому скакуну, он очертя голову поскакал туда, откуда прибыл считанные минуты назад.

Свист и улюлюканье неслись ему вслед со стены.

Гигант насмешливо помахал вдогонку поспешно ретировавшемуся всаднику, и с широкой улыбкой повернулся к толпящимся на стене людям. Буйно заросшую голову венчала корона о шести зубцах. Бородач запустил волосатую лапищу в шевелюру цвета крыла ворона, и корона залихватски съехала набок, точно телега в овраг.

— Слыхали? Им не понравился инструмент вашего государя. Ха! Мне сегодня же ночью нужно расспросить вашу королеву как следует, — монарх, обращаясь сразу ко всем присутствующим, заговорщицки понизил голос. — Да и с фавориток спросить с пристрастием. Всегда, понимаешь, довольны были, нахваливали, а южанину, гляньте, не понравился. Может, врали бабы, а благородный Иммарт?

Король хлопнул по плечу деревянно вытянувшегося рядом щеголя в маршальском мундире, как следует встряхнул его в избытке чувств и захохотал. Унылое лицо маршала исказила болезненная гримаса, словно тот пытался улыбнуться со стрелой в брюхе. Он покосился на руки государя.

— Не могу знать, Ваше величество, — чопорно ответил он. — Вы же не думаете, что ее величество стала бы делиться столь интимными подробностями с вашим военным министром? Мое дело — война.

— Эт-точно! — проорал ему в самое ухо король. Потом обернулся к жадно внимавшей его словам толпе. — И война уже у самых наших стен! Скоро, совсем скоро всем нам представится, наконец, возможность обогреть наши клинки! Но пока не будем терять время, поработаем от души другими клинками, теми, что дарованы нам богами и природой! Спешите же по домам, хватайте в охапку жен и подруг, тащите их в койки, берите прямо на полу! Жизнь коротка — и не все из вас встретят завтрашний рассвет! Работайте клинками! Берите пример с Туррана Два Сердца, вашего, милостью богов, короля!

И король пустился в пляс на парাপете, совершая бедрами совершенно непристойные движения, словно объезжал невидимую кобылицу. Толпа на стенах и под ними взревела в восторге и подхватила незамысловатый танец своего повелителя.

Маршал с неприязнью покосился на измятый мундир и, стоило королю отвлечься на приветственный рев толпы, украдкой отряхнул все еще онемелое от монаршей ласки плечо.

Толпа бесновалась в экстазе.

Маршал Иммарт в раздражении повернулся спиной к веселящейся черни. Опершись на парапет, он поднес к глазам трехколенную подозрную трубу из инкрустированной самоцветами меди и оглядел горизонт.

Пыльная равнина, кое-где поросшая слоновьей травой, тянулась от городских предместий, в преддверии осады оставленных жителями, которые благоразумно предпочли укрыться под защитой крепостных стен, до подножия цепи источенных временем южных гор. Здесь и там на равнине виднелись руины древних храмов и канувших в вечность городов, стертых ветрами почти до самого основания. В тускло-голубом небе над этим унылым пейзажем троица лун вела неспешный танец, безучастно глядя на распростершийся пред ними мир пустыми глазницами кратеров.

Тонкая нить дороги, петляя между едва заметными возвышенностями, тянулась в направлении гор. Извилистая стена пыли отмечала путь осмеянного посла, который нес своему монарху ответ короля-сумасброда.

У подножия гор, там, где дорога устремлялась к перевалу, поднимались клубы пыли и дыма.

Легкими касаниями наманikyренного ноготка маршал привел в действие скрытый в трубе механизм. С едва слышными щелчками

линзы поменяли расположение, и картинка надвинулась на Иммарта, заставив того прицокнуть языком.

Бессчетная армада многомачтовых кораблей на всех парусах катила по равнине в сторону замка. Гигантские колеса, окованные железом, перемалывали песок и камень пустыни в мелкую пыль, которая бурой тучей окутывала приближающийся флот.

Среди кораблей двигались бесчисленные повозки обоза, мельтешили всадники на многоногих верховых животных, напоминающих помесь ящерицы и паука.

На Клаусо-Остио надвигалась армия, равной которой маршал не видел в жизни. Неведомый южный монарх, создавший свою империю на плодородных землях за горами, шел сейчас на приступ затерянного посреди пустыни жалкого городишки, которым правил безумный похотливый король.

* * *

Маршалу, который служил королю вот уже полтора десятилетия с того момента, как покинул восток в поисках приключений и быстро заслужил своей доблестью и отвагой место у престола, было доподлинно известно, что к северу от Клаусо-Остио не было ничего. Мертвые, иссушенные лучами безжалостного солнца, пустоши тянулись до самого океана лавы, и вот уже многие столетия ни одно живое существо не селилось в этом безводном царстве жары и песка.

Иммарт знал, что целью южан был именно Клаусо-Остио — город, ставший ему домом и подаривший женщину, которую он любил сильнее жизни. Встретив ее, маршал совершенно утратил инстинкт самосохранения.

Их связь была запретной, порочной, болезненной — и от того настоящей.

Он готов был пойти на все, чтобы защитить свою любовь.

Даже на предательство.

Маршал Иммарт ни на мгновение не сомневался в победе южан. И он знал, что вовсе не сам город важен для них — право, ну какой интерес можно отыскать в обнесенной древней стеной горстке ветхих домов посреди пустынной равнины? Целью захватчиков являлось нечто, скрытое в самом сердце цитадели, истинная природа которого была известна лишь одному человеку в Клаусо-Остио, а, возможно, и во всем мире. И маршал знал, что этот человек с упрямством безумца пойдет на все, чтобы сохранить в неприкосновенности секрет.

Он!.. Этот упрямец, этот безумец... Турран Два Сердца. Монарх королевства-карлика на самой границе обитаемых земель этого мира.

Именно он, охальник и хохотун, ловелас и пьяница, великий воин и храбрец, прославившийся победами над дикарями-горцами, которых накрывшая континент великая сушь согнала десятилетие назад с насиженных мест и отправила на поиски пищи и воды под стены Клаусо-Остио. Именно тогда он и заработал свое прозвище — стрела дикаря ударила в бочкообразную грудь короля, но сердце того не остановилось, даже будучи пронзенным насквозь. Турран остался жив, и люди, воодушевленные чудом, которое явил им их король, в решительной контратаке рассеяли горцев по равнине, навсегда отбив у них охоту искать счастья вдали от своих родных ущелий. Именно в той достопамятной схватке и отличился отчаянной храбростью некий выходец с востока, был замечен королем и приближен к нему.

Фаворитки короля в доверительной беседе рассказывали Иммарту, что как будто бы и впрямь слышали сдвоенное биение королевского сердца, отдыхая на курчавой груди Туррана после ласк, до которых он был охоч, как хищный живоглот во время гона, и которые щедро дарил всем особам женского пола, что попадали в поле его зрения. Никто не смел отказать королю — и зачастую встречи эти заканчивались неожиданным сюрпризом.

Король Турран Два Сердца был любвеобилен и плодовит. Семя его прочно угнездилося на земле Клаусо-Остио, наплодило бастардов, и поговаривали, что едва ли не половина детишек в городе и прилежащих к нему деревнях столь же волооки и чернявы, как и их монарх. И стоило присмотреться повнимательнее, как становилось ясно, что и половина молодых мужчин, что вторила сейчас боевой пляске своего короля, потрясая оружием и воодушевленно распевая военные песни, были кудрявы и чернобороды.

По словам старожилы за это следовало благодарить папашу нынешнего государя, короля Туррана Неуязвимого, который, вопреки своему прозвищу, пал-таки во время нашествия западных варваров, что случилось четверть века тому назад. Отец теперешнего короля был погребен согласно обычаю в специальном саркофаге в катакомбах фамильного склепа. Сотни и сотни Турранов, похожие один на другого как две капли воды, ложились после смерти в волшебные каменные ящики, а на смену им из ящика, доселе закрытого, через сутки выходил на свет новый король, неизменно оказывавшийся столь же отчаянным похабником, как и его предшественник, и знавший о жизни своего королевства и подданных ровно столько же, сколько знал предыдущий Турран.

Никто не искал этому сколь-нибудь непротиворечивого объяснения. Город Клаусо-Остио, стоящий на северных равнинах от

рождения мира, всегда управлялся одним из Турранов — и никогда не был покинут своими обитателями ни на один день. Полунищий и жалкий в сравнении с ослепительным блеском столиц юга, он оставался оплотом стабильности на всем континенте, продолжая существовать, меж тем как империи расцветали, дряхлели и рассыпались в прах.

Поговаривали, что не всегда Клаусо-Остио удавалось выстоять под натиском могучих сил, стремившихся им завладеть. Не всегда огромные армии разбивались о его стены, словно волны о скалы, и не всегда откатывались за окружавшие равнину горы ни с чем. Разрозненные страницы немногих уцелевших в бесконечной череде вторжений летописей могли поведать лишь крупницы истины. Нашествие Властелинов Неба, когда без малого тысячелетие назад извергающие дым воздушные машины тучей закрыли солнце и луны, закончилось сдачей городских ворот. Еще парой тысяч лет раньше город впустил в кольцо своих стен Пожирателей Плоты, что приплыли на кораблях из человеческой кожи с островов Костяного архипелага и съели три четверти населения континента во время своего триумфального продвижения на север.

Больше никто и никогда не слышал ни о Властелинах Неба, ни о Пожирателях Плоты. Вот они были, в цвете своей силы покорив половину мира, — а потом в одночасье их не стало. Страницы более поздних летописей пестрели лишь сведениями о мелких стычках на границе, редких, хотя и регулярных набегах кочевников-кругосветцев на очередном витке своего бесконечного пути.

Так было до недавнего времени, пока с торговыми караванами, тонкий ручеек которых не иссякал даже в самые тяжелые годы, связывая Клаусо-Остио с прочими обитаемыми землями, не пришло известие об армаде сухопутных кораблей, что катилась на север, наматывая на свои оси судьбы людей и государства. Катилась невесть куда и невесть зачем — но неясными цель и причины были лишь для жителей мира снаружи кольца гор, в центре которого вот уже десять тысячелетий тянул к лунам пики своих башен Клаусо-Остио, вечный город, вотчина бесчисленных поколений королей, что носили испокон века одно и то же имя — Турран.

Захватчики слетались под стены Клаусо-Остио, словно мухи к куску гниющего мяса, и иррациональное желание овладеть этим городом и его главным секретом было сильнее голоса разума.

Клаусо-Остио был городом на границе миров. Давным-давно, во времена, когда пустыня вокруг была плодородной землей, а возможно, что и еще раньше, когда одинокая скала, на которой стоял город, была островом посреди неглубокого моря — Клаусо-Остио был построен

неведомым народом на Перекрестке, в месте, где соприкасаются границами бесчисленные миры. Такие места полны волшебства и легенд.

Поговаривали, что королям, правившим Клаусо-Остио, был ведом секрет путешествия в иные миры. Однако никому и никогда не удавалось принудить ни одного из правителей этого города открыть тайну.

Тираны прошлого, подчинив одну за другой все прочие страны и сделав их частью своих империй, неизменно обращали свой взор к этому легендарному месту. В стремлении распространить собственную власть за пределы этого мира они посылали армию за армией на приступ древних стен Клаусо-Остио.

Мало кому из них удавалось добиться успеха — ведь у них на пути вставал король из рода Турранов.

* * *

Вот и сейчас очередной венценосный детина с разбойничьей рожей, колтуном нечесаных волос и дико встопорщенной бородой поносил почем зря сверхсильного врага и бахвалился перед сонмом своих обожателей, вряд ли отдавая себе отчет в серьезности угрозы.

Хорошо, когда рядом с харизматичными, но крайне недаленовидными государями оказываются трезво мыслящие люди, способные дать верный совет в нужную минуту — или даже взять в свои руки власть, если монарху становится вдруг не по плечу бремя ответственности.

Глубоко посаженные глаза маршала Иммарта разгорелись недобрый огнем в тени под полями мягкой шляпы с пером. С плохо скрываемым отвращением он наблюдал за похвальбой человека, который был его повелителем и которого он собирался предать.

Турран Два Сердца меж тем от души приложился к выкаченному прислужой бочонку с вином. Багровые струи напитка, который король лил себе прямо в глотку, держа бочонок над головой, заливали его бороду и стекали по мускулистому торсу. Казалось, что монарх с головы до ног испачкан кровью врагов. Белые зубы ослепительно сверкали в бороде — король не переставал довольно скалиться.

Народ вокруг ликовал. Солдаты и горожане были в восторге. Захваченные водоворотом общего веселья, они выкрикивали оскорбления в адрес подступающего к стенам города врага и во всеуслышание восхищались государем.

«Глупцы, — подумал маршал Иммарт, — он ведь обрекает вас на смерть. Геройскую мучительную смерть...» Но что толку пытаться им это объяснить?

Простые вояки всегда любят начальников с яйцами, тех, что не чураются встать на привале в один полукруг с простолюдинами, скрестить с ними струи и залить вместе костер. Какой толк от обмотанного золотыми гирляндами высокомерного владыки, слова которого доходят до подданных через жирные уста десятка задолизов? Откуда доверие к ленивому и трусливому монарху, в последний раз коснувшемуся меча во время коронации? Уж лучше сумасшедший авантюрист, который запросто мочится с городской стены на командующего чужой армии, численность которой в десятки раз превосходит его собственную. Да, за такого короля можно умереть!

— Порвем им сраки, а? Этим ублюдкам с юга! — кричал между тем Турран, обращаясь к своим подданным — воинам и простым горожанам. Он потрясал пудовыми кулаками и молотил себя по кладке грудных мышц.

Бочонок с выбитой пробкой давно уже полетел со стены в подставленные снизу руки, и вино текло теперь в глотки простолюдины. Прислуга выкатывала все новые и новые бочки, и над армией Туррана витал ощутимый даже со стены густой винный дух.

— Да-а! — редела толпа в ответ. — Порвем! За короля! За Туррана Два Сердца!

Маршал Иммарт сплюнул сквозь стиснутые зубы и решительно зашагал по крытым переходам стены в направлении королевского дворца.

* * *

Грохоча каблуками по полированному мрамору дворцовых анфилад, маршал Иммарт ворвался в королевские покои, мимоходом отметив, что обычный караул из ражих гвардейцев-алебардистов, таких же черноволосых и чернобородых, как их повелитель, сегодня отсутствует на своем посту у дверей в чертог. Конечно же — все сейчас там, на стенах и площадях. Вместе со своим государем.

Королева стояла у стрельчатого окна, полускрытая кружевной занавесью. При виде ее стройной спины Иммарт почувствовал, как все его существо наполняется нежностью и желанием, одинаково невыносимыми по своей силе.

Он шагнул к королеве и положил ладони ей на плечи, такие хрупкие, такие напряженные. Королева Иммельда вздрогнула всем телом, а потом накрыла его грубые руки бывшего солдата своими тонкими кистями с бледно-золотистой, нежной до прозрачности кожей.

Маршал Иммарт поцеловал каждый из ее пальчиков, один за другим, чувствуя, как они трепещут под его обветренными губами. Потом решительно развернул королеву к себе и впился в ее губы жадным поцелуем. Иммельда страстно ответила на его влагу и жар. «Я никогда не смогу насытиться ею», — подумал он, чувствуя, как вздымается его естество, натягивая бархат узких штанов.

Потом маршал рывком опрокинул королеву на алый шелк простыней необъятного ложа и взял ее, настойчиво и нежно одновременно, глядя в ее льдисто-голубые глаза, полные страсти, страха и подчинения.

Чувствуя, как острые ноготки королевы вспарывают спину, слыша, как она бранится на невесть каком языке и разъяренной кошкой шипит ему в искусанное ухо, как бьется ее тонкое, но сильное тело навстречу его неистовым толчкам, Иммарт ощущал себя как никогда живым и полным уверенности, которой ему так недоставало все годы служения вздорному августейшему болвану. С ревом изливая семя в лоно любимой женщины, маршал понял, что готов закончить то, к чему шел все бесконечные месяцы роковой и преступной связи.

Потом, утратив всякую осторожность в преддверии неминуемой развязки, он брал королеву снова и снова, изумляясь собственной неумоимости и ее изобретательности в ласках. За окнами все более и более пьяными голосами распевала военные марши веселящаяся толпа. Королева ненадолго забывалась дремой в его объятиях, а проснувшись, заглядывала ему в самую душу и доверчиво спрашивала:

— Ты ведь и правда не оставишь меня ему? Я больше не хочу этого. Я ненавижу его — его бороду, лезущую в рот, его хмельное дыхание, его жадные ручищи, его чудовищный орган, которым он норовит выпотрошить меня и пронзить насквозь... Я не хочу этого больше. Не оставляй меня, любовь моя!

— Никогда, — сжимая в гневе и ненависти кулаки, отвечал ей маршал Иммарт, прелюбодей и предатель своего сюзерена. — Теперь ты моя, отныне и навсегда.

Потом он услышал за дверями покоев нетвердые шаги. Кто-то грузный, неуклюжий и очень пьяный топал сапожищами, явно направляясь к королевской спальне. Когда нетрезвый бас развязно затянул скабрезный куплет про бессовестных кошек, перемежая пение утробной отрыжкой и бульканьем льющегося в глотку вина, Иммарт

понял, что миг, к которому он шел уже много месяцев, наконец, настал. Успокаивающе прижав палец к губам испуганно уставившейся на него королевы, собрал в охапку расшвырянные по покою одежды и скользнул за тяжелую портьеру.

Турран Два Сердца ввалился в свою опочивальню, едва не растянувшись во весь немалый рост прямо на пороге. Удержался на ногах, потряс головой и уставился тяжелым взглядом налитых кровью глаз на свою августейшую супругу, едва успевшую прикрыть наготу простыней. Взгляд короля приобрел осмысленное выражение, и Турран, нечленораздельно рыча, устремился к постели, спотыкаясь о мебель и круша расставленные тут и там по покою изящные ширмы и резные этажерки работы заморских мастеров.

— Супруг мой, испей прежде вина, — попыталась было уклониться от неизбежного Иммельда, протягивая Туррану чашу, полную прекрасного вина с северных отрогов Аттарских гор, вина с букетом, полным утонченных оттенков солнца, вина, в которое — Иммарту хорошо было видно сквозь щель между портьерами — королева незаметным движением бросила щепотку некоего снадобья, извлеченного словно бы из ниоткуда.

Король выхватил чашу из рук жены и залпом, словно дешевое пойло, опрокинул ее себе в пасть. Утершись волосатой ручищей, он довольно загоготал и оглушительно рыгнул, после чего ухватил Иммельду за шею и слюняво поцеловал в губы, а затем попытался пропихнуть ей в горло свой огромный красный язык. Королева испуганно вскрикнула и замолотила его кулачками по широченной спине.

Презрев жалкую попытку Иммельды противиться, Турран отшвырнул прочь простыни, в которые стыдливо куталась его законная супруга, и восторженно взвыл, узрев всю прелесть ее нагого тела. Молниеносно избавившись от штанов, монарх прыжком, достойным хищного зверя, вскочил на ложе и немедленно взгромоздился на беззащитную перед его дикой мощью женщину. Его утробное рычание заглушило слабые всхлипы Иммельды, а мускулистые ягодицы, поросшие курчавым волосом, ритмично задвигались вверх-вниз, оттеняя едва видимое под огромной тушей короля бледно-золотое тело несчастной королевы.

Не в силах больше терпеть, маршал Иммарт, по-прежнему голый, как и его властелин, раздвинул портьеры и шагнул вплотную к постели, на которой происходило отвратительное насильственное совокупление. Руки его сжимали рукоять меча. Он был полон решимости.

Поверх волосатого плеча Туррана ему прямо в глаза с мольбой смотрела любимая женщина. Губы Иммельды неслышно шепнули: «Помоги мне!».

Маршал Иммарт, коротко кивнув любимой, занес над головой клинок, и в миг, когда Турран, запрокинув голову, трубно взревел в экстазе, дважды ударил в широченную спину монарха, справа и слева от позвоночника — чтобы наверняка поразить оба его сердца.

Черная кровь хлынула изо рта короля вместе с раскатами смеха, неожиданного для парочки убийц-прелюбодеев. Кровь залила прекрасное золотое тело Иммельды снаружи — одновременно с тем, как семя, бьющимся в конвульсиях Туррана, затопляло всю ее изнутри. В последний раз...

Так, с толчками вытекающих крови и семени, из могучего тела короля Туррана Два Сердца вытекла и жизнь — вся, до последней капли.

Тускнеющий взор его был полон насмешки.

И это больше всего напугало двоих некогда самых близких ему людей.

* * *

Маршал Иммарт вышел на балкон королевского дворца и окинул взглядом замершую в безмолвии толпу горожан.

Бледные пятна лиц расплывались перед его взором. Глаза маршала все еще видели картину — подземелья, освещенные зловещим светом факелов и пробивающегося сквозь трещины в сводах подземного огня, мрачную похоронную процессию из помертвевших лицами вельмож, труп короля, по официальной версии, умершего от перепоя в разгар праздника, закрывшаяся крышка саркофага...

До того момента, когда откроется крышка соседнего саркофага и король, неотличимый от своего безвременно почившего предшественника и обладающий всей его памятью — в том числе и об истинных обстоятельствах кончины, — поднимется из недр каменного гроба, оставалось полдня.

За это время маршалу Иммарту предстояло изменить ход истории, неотвратимо катящейся сейчас к стенам Клаусо-Остии на окованных железом колесах сухопутной армады императора южан.

Вдовствующая королева Иммельда, чье лицо скрывал черный газ траурной фаты, незаметно для окружающих улыбнулась ему, ободряюще сжала пальцы маршала в своей ладони и бесшумно удалилась.

— Король мертв! — крикнул Иммарт людям. — Вы видели, что творится за стенами?! Там — смерть! Она ждет всех нас!

— Что ты предлагаешь? — проорал солдат с торчащими из-под верхней губы зубами. — А?

— Сдаться! Сохранить город и наши жизни! Я предлагаю — жизнь!

— Трус! — неуверенно ответила толпа.

— Я человек, который видит хаос за стенами города, хаос, с которым не справится даже небо! Не учитесь смерти на собственной шкуре! Смерть не является первым шагом к бессмертию — это шаг в вечную тьму! Давайте же умрем от восторгов, вина и жара любимых женщин, а не от топоров и копыт! Давайте...

Часть городской стены исчезла, куски камня с грохотом разлетелись в стороны.

В проем хлынуло войско южан. Золото их лиц и доспехов было покрыто пылью. Охваченные огнем валуны прочертили в небе ослепительные полосы и ударили в дома.

Маршал успел откатиться внутрь комнаты. За окном падали камни, обломки древесины, железо, комья грязи, по прихоти оружия захватчиков взлетевшие в воздух. Иммарт не понимал, что происходит. Он тупо смотрел на это.

Он не успел сдать город...

Словно больной пес он пополз к пыльной полости в стене, туда, где минуту назад был балкон. Дым и крики поднимались в небо. Рот маршала набился гарью.

В городе гуляла смерть — резала, рвала, жарила, обгладывала черепа. Клаусо-Остио истекал кровью.

Прямо под окнами шла настоящая рубка. Меч южанина глубоко врезался в лицо солдата, вошел в глазницу, разрубил скулу. Следующий удар отсек руку, словно в ней не было не единой косточки.

Два других воина мертвого Туррана отступали к винной лавке, вход в которую перегородила раздавленная огромным камнем телега. Длинный меч достал одного из них, и на землю потекла черная кровь. Второго ударили копьём в нагрудник, он споткнулся и упал навзничь. В тот же миг южанин оказался рядом и опустил на него булаву. Раз. Второй. Третий. Удары превратили руки солдата в мешочки с костяной крошкой, оставили глубокую вмятину на груди. Солома под ногами завоевателей быстро становилась красной.

Казалось, что со стороны южан нет даже раненых.

Блестели красные пятна на золоте, кто-то гортанно смеялся в шеренгах врага.

— Вы целы?

Маршал завертел головой, увидел двух потрепанных солдат, пополз к ним.

— Вы целы, маршал?

— Да... да...

Иммарт уже поднимался на колени, когда голова одного из спасителей раскололась надвое. Теплая кровь хлынула на маршала, словно жуткое подаяние небес. Кто-то за спиной несчастного высвободил из рассеченного черепа меч, пнул ногой мертвое тело и шагнул вперед.

В арке стоял капитан южан — красивый молодой человек в пластинчатых доспехах с широким парным мечом.

— Назад, — сказал маршалу коренастый воин, волосы которого слиплись от крови. Тот по-прежнему оставался на четвереньках.

Златолицый капитан поднял над головой меч.

Иммарту казалось, что он внимательно наблюдает за разворачивающимися событиями. Но, видимо, он чего-то не заметил, потому что причина, по которой южанин отшатнулся назад и выронил меч, скрылась от его глаз. Крепыш — единственный его защитник, единственное препятствие между ним и смертью — оставался на месте и был не менее удивлен случившемуся. Капитан рухнул на колени, склонился до самых досок, закашлял и принялся выплевывать осколки зубов.

— Все-таки рассчитывали на гостеприимный прием, а? Так вот он, сука! Какого? Может мало ласки?

Нога короля опустилась на шею южанина и с хрустом сломала ее.

Иммарт, чувствуя, как весь мир тошнотворно кружится и норовит вывернуть его наизнанку, поднялся на четвереньки и попытался отползти прочь от самого страшного из своих кошмаров. Здоровенная лапища поймала его за волосы и без особых усилий волоком потащила невесть куда.

— Ну как, получилось у тебя изменить мир к лучшему, а, предатель? — спрашивал зычный голос откуда-то сверху. Преодолевая дикую боль в скальпе, Иммарт пытался ползти вслед за волочащим его королем, но его руки и ноги скользили на мокрых от крови камнях мостовой. Перед глазами маршала проплывали стыки между каменными плитами, заполненные кровью, словно русла рек. Тонкие ручейки крови собирались в потоки, потоки по желобам водосточков стремились к мрачной громаде донжона, скрываясь в отверстых жерлах в его основании.

Турран проволоком обмякшего предателя сквозь портал разбитых в щепу ворот, потом, шагая по грудам мертвецов, заполнявших все внутреннее пространство башни, потащил его в мрачные подземелья,

тускло освещенные чадающими факелами и прожилками подземного огня. Сквозь эхо шагов короля, гулко отдающееся под сводами подземелья, Иммарту почудился шум льющейся воды.

Хватка короля ослабла, и маршал мешком повалился на сырой пол. Воздух подземелья был полон тяжелого запаха скотобойни. Оглядевшись, Иммарт понял, что ритмичный шум и плеск производили стекавшие сюда — к подножию гигантского кристалла, тускло светящегося изнутри зловещим багровым светом, реки крови. Кровь потоками низвергалась со сводов, заливая все вокруг. Сам маршал был покрыт кровью с головы до ног. Ужас наполнил все его существо — ужас, равного которому ему еще не приходилось испытывать.

Рядом послышался сдавленный животный вскрик, исполненный страха. На каменном полу у самых ног короля, безмолвно взиравшего на чудовищную картину, скорчилось женское тело, покрытое коростой свернувшейся крови. Иммарт с трудом узнал в жалком трясущемся от страха существе гордую королеву Иммельду.

— Ну что, любовнички, — негромко сказал король, но голос его заполнил все пространство огромного подземного зала. — Доигрались? Неужели ты, златокожая сучка, хоть на мгновение могла допустить мысль, что твой маскарад мог обмануть меня — меня, Туррана Вечноживущего?! Неужели ты предполагала, что я, всеведущий, словно бог, не опознаю в тебе родную сестру императора — как его там? Гайракка? Не важно... Твои жалкие попытки отравить меня были очень забавны, дорогая моя супруга. Ты изрядно повеселила меня, и я в награду за доставленное удовольствие позволил тебе безнаказанно развлекаться с этим жалким червем, со змеей, что я пригрел на своей груди — потому что знал, что ты, Иммарт, предашь меня рано или поздно, из-за бабы ли, из зависти или за деньги...

Иммарт не верил своим ушам. Королева смотрела на него с ужасом и отчаянием во взоре.

— Вы оба — лишь частичка моего плана, — продолжал король. Кровь, льющаяся ему на голову, склеивала волосы и бороду в подобие чудовищной маски. С багрового лица зловещими белыми сверкали глаза, а белоснежные зубы, оскаленные в улыбке, казались клыками хищного зверя. — Только и надо было, чтобы ты, златокожая тварь, убедила своего брата привести свое войско к моим стенам, а ты, предатель и трус, попытался сдать город тем, кто не терпит проявлений слабости и карает их исключительно смертью.

— Я живу на свете так долго, что возраст мой равен вечности, — говорил Турран. — Сила моя едва ли меньше, чем сила любого из пантеона божеств этого мира. Но я научился получать удовольствие в этой жизни от простых вещей — от баб, вина и покоя. Те же, кто

нарушают мой покой, те, кто нарушают баланс, подлежат изгнанию за пределы мира. И для этого бездну лет назад я создал дверь, открывающуюся в никуда, распространив слух о тучных землях и горах сокровищ, что сокрыты по ту сторону портала. Благодаря мне мир время от времени очищается от скверны сильных — и сейчас в очередной раз наступил момент для этого.

— Падение города и кровь его защитников, которые все поголовно — мои родичи, активирует портал. Еще несколько капель, и в мире надолго воцарятся порядок. А значит, еще много лет можно будет наслаждаться женщинами и вином, прежде чем очередное ничтожество с непомерными амбициями не возомнит о себе невесту что и не попытается снова испортить мне жизнь. Но я не потерплю этого, не будь я Турран! Турран Вечноживущий, которого не убить ни одним из известных способов, который не рождается, а лишь возрождается в этих саркофагах, созданных, чтобы отвести глаза мнительным глупцам!

Голос короля возвысился до такого предела, что заставил дрожать стены и пол подземелья. Гигантский кристалл вздрогнул, и заключенное в нем багровое пламя начало ритмично пульсировать, разгораться и гаснуть.

— Ну, вот и все, — неожиданно тихо сказал король. — Портал вот-вот отворится. Нужен суший пустяк — еще пара пинт крови моих детей.

С этими словами Турран извлек из ниоткуда злобещий черный клинок и склонился к трясущимся у его ног Иммарту и Иммельде.

— Постой! Постой! — закричал в панике маршал. — Я не рожден на землях Клаусо-Остио, а она и подавно пришла из-за гор! Наша кровь ничего не даст! Пощади!

— Уж не думаете ли вы, что за ту бездну лет, что я живу на этом свете, в мире найдется хоть один человек, в жилах которого не текла бы моя кровь? — Турран расхохотался и по очереди перерезал им глотки: сначала своей королеве, а потом тому, кто был долгие годы его лучшим другом.

Кристалл полыхнул багрянцем и расцвел радужным цветком открывающегося портала, который поглотил и подземелья, и донжон, и замок, и весь город Клаусо-Остио, а вместе с ним — многотысячную армию златокожих пришельцев с юга вместе со всеми их кораблями.

Когда несколько мгновений спустя буйство радуг закончилось, посреди чудесным образом очистившегося от мертвецов города стоял полуголый чернобородый верзила и зычным голосом скликал к себе тех, кому в этот день посчастливилось остаться в живых.

Эоны спустя чернобородый король по имени Турран снова стоял между зубцами надвратной башни своего замка и с презрительной усмешкой на лице наблюдал за приближением очередного врага.

Южный горизонт пылал. Горела земля, горело небо, казалось, даже луны, которых теперь осталось лишь две, тоже объаты пламенем.

Впереди надвигающейся на город сплошной стены пламени вышагивал на голенастых многосуставчатых ногах огнедышащий монстр, в глазных впадинах рогатой головы которого тлели угли из адовых топок. От рева великана закладывало уши, его дыхание поджигало оказавшиеся на его пути деревни.

Армии мертвецов сопровождали его, и не было им числа.

По слухам, он мнил себя богом — а возможно, и на самом деле являлся им.

Туррану Два Сердца было на это решительно наплевать.

Когда самозванный бог приблизился настолько, что в реве стали различимы отдельные слова, Турран прислушался. То, что он услышал, изрядно развеселило его.

— Вы все мои вещи! — орал разгневанный бог, ломая коленями крыши крестьянских домов, рубя локтями столбы черного дыма. — Когда вы ломаетесь, то становитесь моими игрушками!

За ним шли тысячи тысяч мертвых. Дым поднимался столбами, пыл над округой, насыщая воздух тревожным привкусом пепелища.

Турран Два Сердца швырнул вниз со стены горсть мелких камней и обернулся к своим солдатам.

— Что скажите, мои герои?! — крикнул он. — Как вам это?!

Ответом ему был крик, не то воодушевленный и насмешливый, не то неуверенный и надрывный.

Король оскалился, рванул себя за бороду, усмехнулся, снова глянул через парапет.

Он был не так уж и велик, это бог. Нет, не бог — божок с набитыми землей глазами и шипастыми конечностями.

— Как по мне — полная хрень! — поделился король с остатками своей армии. — Чтобы рассчитывать на мокрые штанишки Туррана Два Сердца, надо подпирать головой облака и срать молниями! Вот, что я вам скажу! Вот мои слова! Кто убоится этого теленка и его мертвых овечек? Точно не я! И уж точно не вы, мои непобедимые воины! — В нестройных рядах что-то произошло, маленькое волшебство: солдаты поворачивались, смотрели друг другу в глаза и говорили: «Не мы, точно не мы». А король уже возился с застежкой: — Так что я знаю, как встретить этого Повелителя мертвых! Этого липового



бога! Как и всех подходящих к стенам города с расчехленным оружием! Только так...

Турран Два Сердца спустил штаны и приготовился к встрече.

Владимир Ромахин

Золотые псы



По осени ветер приносил с болот жуткую вонь. Омерзительные миазмы напоминали жителям Чизмеграда о смерти: рано или поздно каждый из них упокоится в бездонном болотном могильнике.

Прихлебывая эль в сторожевой башне, сослуживцы Балажа любили судачить о том, что болото приносит болезни, покровительствует степнякам и полудемонам. Но то лишь были пустые разговоры, чтобы скрасить унылую службу: высокая стена, прожекторы и пулеметы надежно защищали от врагов. Да и зачем бояться-то? «Вышел из болота Чизмеград, — говаривали старейшины-шоршеткалоки, — в него все и вернется!»

— Твой черед, Балаж, — прошамкал Любослав, старый седой стражник. — Сегодня пойдешь в караул с Яковом. Приглядывай за ним! Второй день только служит. И не забудь про пятьдесят медяков! Я уж про должок твой точно не забыл!

Балаж молча слушал Любослава, глядя на свет прожектора, освещающего дорогу из леса в Чизмеград. Молодому стражнику было не до болтовни: дочурка заболела, а за лекарственные травы оседлый степняк-торговец требовал аж серебряный с полтиной! Жене соврал, что поутру купит лекарства, но сейчас в его кисете грустно звенели лишь несколько медяков. Эх, и зачем он вчера в кости полез играть? Да и запивать горечь поражения в трактире было лишним...

Балаж грустно вздохнул. Любослав нараспев перечислял ужасы, что принесет в Чизмеград выдуманная им болотная тварь. Этому жадному козлу нужно было в барды идти! И боится ведь, шельма, ножа и пули, ему лишь бы свободные уши да полная кружка эля. Балаж вспомнил своего отца, ровесника Любослава: настоящий был стражник — не то, что этот болтливый хвостун.

— Ну, хоть дождь вонь болотную заберет, — вместо приветствия пробасил вошедший в комнату Яков. Он пригладил мокрые рыжие волосы, пряча жуткие шрамы на лбу. — Пошли, Балаж. Нечего яйца в тепле как кура отсиживать.

— Две тысячи душ Чизмеграда будут спать спокойно, — хмыкнул Балаж и побрел к выходу из башни.

— Подождите! — окликнул со скамьи Любослав. — Дослушайте про тварь-то!

— Некогда нам, — отмахнулся Яков. — В борделях Шеола баба одна тремя вагинами постояльцев балует, вот это, я тебе скажу, история. Ты таких курв сроду-то не видал, поди?

— Дык до Шеола через лес скопытишься идти, — насупился Любослав, чем вызвал смешки остальных стражников. — А о полудемоне, что дочь трактирщика насильничал, слышали?

Скрипнули дверные петли, а Любослав все продолжал болтать, наполняя кружки элем.

Яркие тросточки в ночной тьме — лучи прожекторов ощупывали пространство вокруг стены. За полверсты от ворот человек в балахоне с интересом наблюдал за этой борьбой первородной тьмы и электрического света. Незнакомец сел на корточки, зачерпнул пальцами землю и с наслаждением облизал их, словно это был мед. После он ухмыльнулся, подставил лицо дождю и что-то пробормотал.

Через мгновение из каждого сарая и конуры Чизмеграда раздался истошный лай. Некоторые собаки пытались сорваться с цепей и сбежать, другие трусливо гадили и жалобно поскуливали.

Встревоженная стая бродячих псов вылезла из подгнившего стога сена и потрусилла в сторону Обозной площади. Туда же шли Яков и Балаж.

А в сторожевой башне продолжалось веселье. Под стук игральных костей бывалый стражник закончил травить байки о твари с болота. Но ужас, который явился в Чизмеград этой ночью, пришел не с болот. Он покинул тьму, чтобы вернуть старые долги.

* * *

— Раньше Любослав деньгами швырялся, будто клад у себя во дворе нашел, — пожаловался Балаж. — А тут пятьдесят медяков зажал, шельма старая.

— Пальцы ему надо переломать, — ответил Яков.

—Что?! Зачем? — Балаж едва не поперхнулся. Из-за шума дождя он сначала подумал, что ослышался.

— Выгнать меня из стражи хочет. — Яков смачно харкнул в лужу. — Слышал я, как он капитану Дьекимовичу твердил, что, дескать, не выйдет из меня стражника.

— Любослав уже зим тридцать служит, ему о чем угодно болтать можно. Они с моим батей, Милошем, упокой Небо его душу, вместе в караул ходили.

Яков остановился и молча поглядел на тощего низкорослого напарника. Балаж сглотнул. Габариты сослуживца пугали: Яков не дотягивал до сажени совсем чуть-чуть, а огромные мускулистые руки больше подходили полудемону, чем человеку.

— О, да ты сын стражника? При нем, значит, тоже в кости играли да элем службу запивали? — задумчиво произнес великан и провел ногтями по бурой щетине.

— Кости — дело святое. — Балаж не отвел взгляда. Его отца давно схоронили в болоте, но при жизни Милош наказывал всегда заступаться за своих. И Якову, который несколько недель назад явился к воротам Чизмеграда, держа в руках почетную грамоту за службу в шеольской полиции, он своих братьев по службе оскорблять не позволит.

— Пили, видимо, тоже всегда?

Балаж промолчал. Несколько секунд они глядели друг другу в глаза, будто готовясь сцепиться. Вот только равной схватки бы не вышло: Балаж едва дотянул до пары аршинов с пядью и в весе уступал Якову пуда четыре.

— Ишь каков! А ты верно не трус? — Великан добродушно улыбнулся и побрел дальше.

Пожав плечами, Балаж догнал Якова. В молчании они прошли мимо трактира «Сопля жабы», откуда в дождливую ночь вывалились пьяная хохочущая компания. Когда Балаж подумал, что разговор окончен, Яков добавил:

— Но пальцы я Любославу все равно сломаю. Знаешь, какой больнее всего ломать?

— Нет.

— Безымянный. Затем указательный, мизинец, большой и средний.

— И откуда ты это выяснил?

— Практиковался часто.

— Брешешь ты, — осмелел Балаж.

— У каждого пальца свой вкус. В мизинце удовольствия мало — короткий больно. Бабам их ломать приятнее, чем мужикам: раздел красавицу, ступню лобызнул, она от удовольствия глазки закатила, а ты хрясь — и выломал ей пару пальчиков. Ох и орут девки, приятно да заливисто, ты бы слышал!

— Аешь не хуже Любослава.

— По-твоему, почему я из Шеола уехал? Всем бабам пальцы попортил, вот и смотался.

— Ох и гляди, Яков, найдется такая, что сама тебе руки-ноги переломает!

— Да ну? И как звать-то ее будут?

— Жена.

Яков расхохотался. В тишине, нарушаемой лишь дождем и голосами из оставленного позади трактира, его смех звучал раскатами грома.

Они свернули на Вересковую улицу. Заполонившие ее одноэтажные хибары не шли ни в какое сравнение с теремами, мимо которых стражники проходили прежде. Люди тут жили бедные: чернорабочие, оседлые степняки и крестьяне. Скучные достопримечательности улицы — двухэтажная рюмочная и бордель.

Балаж чуть отстал от напарника: великан ускорил шаг, напевая под нос какую-то песенку. На пару секунд Балаж потерял Якова из виду. Впрочем, особого значения это не имело: в караулах редко случалось что-то серьезное. Балаж пнул попавшийся под ногу камушек, зашел за угол дома и врезался в спину Якова.

— Достань оружие, — прошептал великан и показал в сторону Обозной площади.

Балаж не помнил, когда в последний раз пользовался саблей. Яков уже выскочил на оправленную улицами площадь. Сабля, которую

он молниеносным движением вытащил из ножен, выписала изящную восьмерку в воздухе. Движения стражника сопровождали стоны девиц из борделя: как-никак, у них был самый разгар трудовой ночи. В тусклом свете газового фонаря Балаж видел, как на саблю падали капли дождя; великан двигался с непостижимой для своих габаритов скоростью.

Но все закончилось так же быстро, как и началось.

Яков остановился, пошатнулся и рухнул на колени. Балаж выхватил оружие и ринулся к сослуживцу. Тогда-то он и увидел, чего так испугался великан: пара десятков налитых кровью глаз смотрели в сторону стражников. Бродячие псы.

Балаж усмехнулся: да-а-а, нашел, кого испугаться, великанище! Но, видит Небо, это было очень странное зрелище.

Словно фигурки, расставленные на военной карте, собаки расселись в разных концах площади. Капли дождя нещадно лупили зверей, но те не двигались с места и заворуженно глядели в одну точку. Балаж рассмеялся: Яков, такой грозный еще с минуту назад, прирос коленями к брусчатке, а честь любого стражника — сабля — выпала из рук.

— А ну, твари шелудивые, уматывайте восвояси! — крикнул Балаж.

Собаки не двигались. Стражник хмыкнул, подошел к одной из животных и рубанул саблей перед ее мордой. Трюк удался: пес вскочил на ноги, тявкнул и нехотя поплелся в сторону площади Совета. Остальные побрели следом. Балаж довольно ухмыльнулся и посмотрел на Якова:

— Баб с тремя вагинами не боишься, а собак испугался?

Тот не ответил. Когда Балаж убрал саблю в ножны, подошел к нему и потряс за плечо, Яков испуганно прошептал:

— Я больше так не буду. Хватит. Хватит!!!

Шепот Якова превратился в крик. Балаж отшатнулся и едва удержал равновесие. Маневр спас его жизнь: громила вскочил и замахал саблей, рубя воображаемых врагов.

Как назло — несколько девиц высунулись из окон борделя и противно захихикали. Ох, а как чернявая-то была хороша! Впрочем, ее почти сразу увлек назад недовольный клиент. Другой обматерил Балажа и в общем-то был прав: кому понравится, когда шлюха выплюнет уд и побежит смотреть в окно?

Как только великан успокоился и убрал оружие в ножны, Балаж схватил его за шкуру и рванул на себя.

— Пошли отсюда, — зашипел он. — Куда вылетел-то, если блохастых боишься?

— Не собак я испугался, — привычным басом ответил Яков. — Ты зенки бы открыл, увидел.

— Что мне собаки? Девки румяные, чтобы на них любоваться?

Яков с легкостью сбросил руку Балажа и гаденько осклабился.

— Повезло тебе, коротышка. Валим по домам, в болото этот караул.

— Не ты здесь командовать будешь!

— Валим, я сказал!

— Свалишь — пойду к Любославу! — расвирипел Балаж. — А уж он доложит капитану и старшине, как те из лекарни выйдут. Попрощаешься с сапогами: капитан Дьекимович тебе хорошего пинка под жопу даст, чтобы ты обратно до Шеола добежал без остановок! Пойду ведь, видит Небо!

— Смотри, родной, ножки отрублю — далеко не уйдешь...

— Простите, панове стражники! — донесся сзади лебезящий голос.

Балаж и Яков обернулись. Испуганного вида горбатый старик в нескольких шагах поодаль умоляюще смотрел на стражников.

— Чего тебе, дед? — спросил Балаж. — Помощь нужна?

Тот закивал. Яков закатил глаза и выругался, но старик не обратил внимания на недовольство стражника.

— Тут лачуга... заброшенная зим двадцать стоит. Там это... ну, плачет кое-кто. Третья ночь вот пошла.

— А чего раньше молчал? — спросил Балаж.

Старик почесал лысину, бестолково помотал головой и затараторил:

— Явился, значит, отшельник какой-то и засел в лачуге. Сначала тишайший был, будто подыхать собрался. Потом как забубнил по ночам! Я и решил заглянуть, живу-то недалеко. А он мне как протянул два золотых! Иди, грит, найди моего сына. Он в Чизмеград либо уже пришел, либо вот-вот наведается, уж больно я по нему истосковался. Конечно, никакого сына я не искал. В трактире гульнул, а остальное бабка отняла, чтобы не пропил. Но бродяга приставучий оказался: застращал меня, мол, сын придет и в болото утащит. Помогите, добрые паны. Уж которую ночь, курва, спать из-за него не могу!

— Золотом отдашь, — Яков сверкнул желтыми зубами. — Не верю я, что бабка все стащила. Небось, всю харю ей размазал за монетки-то?

— Но ведь служба у вас...

— Что — служба? — Яков выпятил грудь и вплотную подошел к старику. — Может, сказать отшельнику, куда золотишко-то ушло?

Дед прижал руки к голове и совсем по-детски всхлипнул. Судя по обуви — гордости и главному «документу» гражданина Чизмеграда

— он был порядочным трудягой и заслуживал право пользоваться благами города.

— Яков, отстань от честного человека! — заговорил Балаж. — Сапоги забойщика! Он свой горб в шахтах заработал. Давай лучше глянем, кто там по ночам хнычет.

Яков промолчал. Стражники последовали за согбенным стариком, который на удивление быстро пересек площадь и юркнул в переплетение нескольких плотно стоящих друг к другу хибар.

— Сболтнешь кому — все пальцы переломая, понял? — зло прошептал Яков.

— А ты погромче на всю Обозную верещи, чтобы каждая шлюха услышала! — Балаж не любил острых словечек, но Яков его раздражал.

Старик ждал возле одного из строений, и с надеждой в глазах глядел на Балажа. Стражник по-доброму улыбнулся и подошел к покосившемуся набок дому: ни окон, ни дверей, даже крыльца нет. Из хибары доносились тяжелые вздохи и невнятное бормотание.

— Заходите, панове стражники! — пролепетал старик. — А я на всякий случай у входа подежурю.

Яков хохотнул. Балаж кивнул ему в ответ, и нырнул в черный провал оконной рамы.

— Стража Чизмеграда! — крикнул он. — Властью, данной старейшинами-шоршеткалоками, приказываю повиноваться и выйти из дома!

Никто не ответил. Балаж поглядел на Якова. С присущим ему весельем великан показал на дверной проем, мол, ты первый. Балаж не стал спорить. Под далекий лай собак стражники обнажили сабли и вошли в дом. Балаж запалил свечной фонарь и шагнул внутрь: на потолке паутина, в углу куча гнилого тряпья. Яков шел следом, его шагам вторил жуткий скрип половиц. В полутьме Балаж наступил в лужу нечистот и чуть не поскользнулся. Куча мусора каскадом нависала над полом; стражник поворошил ее саблём, но увя, ничего интересного.

— Зови деда сюда. Никого тут...

Что-то шершавое и липкое схватило его за шею. Лицо обдало гнилостным дыханием, по щекам ударили брызги слюны. К своему стыду Балаж перепугался и не сообразил рубануть врага саблём, а лишь безвольно захрипел в попытке позвать на помощь.

— Где мой сын? — проскрипел противный голос. — Где?! Когда он придет?

— Отпусти. — Острые сабли Якова коснулись лица нападавшего. Тот помедлил, и клинок оставил кровавую борозду на его щеке.

Балаж почувствовал, что снова может дышать. Он закашлялся, голова закружилась, и, чтобы не упасть, он оперся рукой о стену.

Встревоженный старый горбун заглянул в дом, но стражник отмахнулся, мол, выйди.

— Ну, к-курва, — кашлянул Балаж и повернулся к врагу. — Щас я тебе...

Он замолчал на полуслове, как и Яков, с любопытством разглядывающий незнакомца. А поглядеть было на что.

Из полутьмы на стражников таращились пустые глазницы. Отшельник выглядел жутко: длиннющие руки в стружьях, торчащие ребра, гнойные нарывы на бедрах и лобке. Но больше всего пугали жуткие шрамы вокруг глазниц.

— Сын, — твердил старик. — Он придет? Я скучаю.

Нагой мужчина дрожал от холода. Единственное, что хоть как-то его спасало — стоптанные кожаные сапоги, должно быть, бывшие когда-то форменной обувью стражников.

— Ты и одежду у него спер? — бросил Яков дежурившему у входа деду.

Тот многозначительно цокнул.

— Где мой сын? Куда он ушел? — снова спросил отшельник.

— Заткнись, — просипел Балаж. — За нападение на стражника и непотребный внешний вид... — Он запнулся, откашлялся и продолжил: — Мы отвеем тебя в тюрьму Чизмеграда для дальнейшего разбирательства.

Отшельник вздохнул, опустил голову и издал похожий на рыдание звук. По его щеке скатилась одинокая капля гноя.

— Я не могу, — заканючил он. — Сын скоро придет, мы пойдем на охоту! Наверное, он снова заплачет, когда я убью зайца или лису...

Следующие несколько мгновений впитали в себя слишком много событий. Во-первых, отшельник продолжал говорить, хоть из его рта и вылетело несколько зубов. Во-вторых, Яков не ограничился одним ударом, а продолжил бить упавшего старика ногами. В-третьих, в дом снова заглянул горбатый старик-забойщик, который тут же исчез под матюги Балажа.

— Ну, и где твой сын? — спросил Яков, прижав отшельника ногой к полу. — Где? Пусть явится, спасет папочку.

— Забери тебя болото, да успокойся уже! — крикнул Балаж.

— Он придет, увидите, придет, — прохрипел отшельник, тщетно пытаясь сдвинуть с живота ногу стражника. — И мы пойдем на охо...

На этот раз он не договорил: Яков наклонился и надавил сапогом на ребра. Пока отшельник извивался и натужно хрипел под ногой великана, стражник чуть приподнял брови и расплылся в улыбке.

— Яков, хватит! — сказал Балаж. — Отведем его в тюрьму.

— А какая разница, покалеченного или живого? — бросил через плечо великан. — Или хочешь вместо него лечь?

— Прекрати! Ты же стражник...

Яков обнажил саблю. Балаж не успел среагировать и нелепо замер, когда лезвие почти коснулось его шеи.

— Никто. Никуда. Не пойдет, — отчеканил Яков. — Зови этого горбатого сюда! И саблю мне отдай, быстро!

Балаж подчинился. Ничего, вот повернется напарник спиной...

Горбтому старику заходить в дом очень не хотелось, но Балаж силой затолкал его внутрь. Яков сел на корточки возле отшельника. Бродяга вертел головой по сторонам, разбитые губы настойчиво шептали о сыне.

Яков взял ладонь старика и парой резких движений сломал ему по очереди три пальца. Отшельник взвыл.

— Тише, пан, тише, — произнес Яков со смешинкой в голосе. Бродяга тихонечко заскулил. Яков провел ладонью по остаткам седых волос на его макушке, посмотрел на старого горбуна и добавил: — Зажми ему рот. Живо.

Старик молча исполнил приказ. Яков сел бродяге на живот и коленями прижал его руки к полу. Отшельник захрипел.

— Пожалей его, пан стражник. — Пот лился по лицу старичка, а язык заплетался как от нескольких рюмок самогона. — Зачем с ним проблемы наживать?

— Сам нас позвал, — невинно развел руками Яков и оглянулся на Балажа. — Раз он так легко расстался с двумя монетами, значит, где-то прячет и остальные.

Балаж схватился за голову: ну чем он заслужил такого напарника?! Великан с упоением ломал нетронутые пальцы отшельника. Крик был настолько громким, что Балаж не удивился бы, если за порогом вдруг собралась толпа зевак.

— Дурак! — зашипел Яков. — Я же сказал — зажми рот!

— Он... — горбун поднес к лицу окровавленную ладонь, — он кусается!

— Шын, Шын, Шын, — без остановки твердил отшельник.

— Где золото? — спросил у него Яков. — Обещаю, мы сразу уйдем.

— Шын, шын, шын....

— Где монеты, пан? Последний раз спрашиваю.

— Шын убьет тебя, — рассмеялся бродяга. — Он шильный, он...

Хохот перешел в жуткий крик боли. Балаж почувствовал, как вибрируют барабанные перепонки: он и представить не мог, как громко умеют орать люди.

А Яков давил и давил на жуткие шрамы, на месте которых когда-то были глаза.

Крик старика пробивался сквозь шум дождя и окровавленные ладони горбатого старика. Яков безмятежно улыбнулся и приложил бродягу головой об пол. В секунду тишины между воплями отшельника Балаж показалось, что он слышит чьи-то шаги совсем близко.

— Остановись, — он подбежал к Якову. — Сюда кто-то идет!

Балаж понял, что совершил ошибку, почувствовав, как под ним закрипели трухлявые доски. Он перекатился набок. Боли не было, но голова кружилась так сильно, будто он перебрал в трактире и его вот-вот стошнит. Рот наполнился кровью и какими-то острыми камушками. Спустя мгновение Балаж понял, что это его зубы. Медленно и аккуратно он сплюнул их себе в ладонку. Это оказалось не так просто: рука почему-то дрогнула, и один из зубов юркнул в щель между половицами. Сам не понимая, зачем, Балаж схватил фонарь и посветил туда, где исчез зуб.

— Яков, — дрожащим голосом позвал он. — Яков!

Великан рассказывал горбуну, что означает умение хранить секреты. К своим наставлениям Яков добавлял резкие звуки, изображая хруст сломанных конечностей.

— Яков! — снова крикнул Балаж. — Сюда!

— Не хватило тебе, коротышка?

Громила вразвалочку подошел к сослуживцу. Балаж указал пальцем на щель между половицами. Яков улыбнулся, поднял стражника на ноги и стряхнул с него пыль точно с тряпичной куклы.

— Признаю, что был неправ, когда приказывал идти домой. Давай, и раз, и два...

Они поддели одну из половиц и резко рванули вверх. Доска с хрустом вырвалась из пола, взметнулось облако пыли. Внизу на грязной тряпочке лежала горсть золотых монет. Даже при беглом взгляде было ясно, что их хватит на пару лет безбедной жизни. «Во всяком случае, Якову, — подумал Балаж. — С женой и ребенком трат явно больше будет...»

— Они ведь наши? — с надеждой спросил Балаж у Якова. Ему было горько от того, что в их дуэте он больше не главный.

— Почти. — Громила перестал улыбаться и достал саблю. Балаж отпрыгнул назад и вытащил свою.

— Поверил в себя? — Холод в глазах Якова пугал сильнее, чем острие сабли. — Думаешь, убью тебя?

— П-попробуй.

— В другой раз, — рассмеялся великан.

Яков отрубил голову старому горбуну одним ударом далеко не лучшей чизмеградской сабли. Пожалуй, старику повезло: он умер быстро, это можно назвать милосердием. Когда громила отвернулся,

шальная мысль скользнула в голову Балажа: что если бы он промолчал про золото? Ведь оно могло достаться только ему...

Но когда-то давно отец говорил Балажу, что сослуживцам врать не стоит. «Особенно тем, кто может переломать тебе все пальцы, — подумал Балаж. — Пожалуй, я даже не ударил в грязь лицом. Ну, может, совсем немножко».

— А почему про монетки молчал? — Тон Яков был издевательски-вежливым.

— Шын. — рявкнул отшельник.

— Для шына, значит, берег? — передразнил Яков. — Ничего, мы ему все отдадим. А труп ты спрячь, иначе шын не придет.

— Не придет?

— Ну а кому мертвец в доме понравится? И про нас не болтай, хорошо? Иначе я тебя вместо шына проведу.

Пока отшельник соображал с ответом, Яков поднял его ногу и со всей силы дернул лодыжку вбок. Бродяга закричал, но стражник мыском сапога надавил ему на горло.

— Жди сына, жди, — нараспев сказал он. — А я буду навещать тебя, как худший из кошмаров. И если хочешь, чтоб часто не снился, молчи.

Яков убрал ногу с горла. Отшельник вяло кивнул и громко закашлял. Великан шутиливо отдал честь и показал Балажу на выход. На улице они укрылись за углом, где Яков поделил золото на две одинаковые кучки. Балаж молчал: он был уверен, что сослуживец обманет его. Словно прочитав его мысли, громила усмехнулся:

— Бери и радуйся, коротышка. Славный караул вышел, верно?

— Спасибо, — только и ответил Балаж. — Может, убьем отшельника?

— За него не переживай: во-первых, он слепой, во-вторых, ну кто ему поверит?

— А бабка, которая...

— Монетки у покойного деда свистнула? Ей радоваться надо: не каждый под старость богатеет. Да и куда она нажалуется?

— Ну, вдруг слышала чего...

— Отдай мне золото, если боишься, — хмыкнул Яков, пока Балаж безуспешно пытался впихнуть в набитый кисет еще несколько монет. — Шлепай домой, но о деньгах ни слова. Тогда, может, и проживешь пару лет в счастье.

— А ты куда пойдешь?

— О, мне еще пальцы Любославу переломать надо.

— Хорош брехать, а.

— Ты о собаках-то помалкивай. А то смотри, и о тебе набрешу!

На прощание они крепко пожали друг другу руки. Настолько крепко, что по дороге в бордель Балаж сжимал и разжимал кулак, чтобы унять боль. Стражник до сих пор не верил, что разбогател, но звон монет в кисете победным маршем разливался в душе. Теперь он и лекарства дочке купит, и долг Любославу отдаст. Но первым делом — чернявая девица из борделя. Все-таки ночка была не из легких, да и грех такой приработок не отметить!

Об отшельнике и убитом старике Балаж не думал. Слепому бродяге золото не нужно, а дед, видит Небо, сам свою гибель нашел.

Когда Балаж подошел к борделю, из окна как по волшебству высунулась чернявая курва.

— Куда путь держишь, пан стражник? — улыбнулась она.

Балаж почувствовал приятное тепло внизу живота, стер с лица кровь мокрой от дождя ладонью и улыбнулся:

— Выпить есть?

— Для доброго пана не только выпить найдется.

— Тогда к тебе.

Девица подмигнула, провела кончиком языка по губам и наклонилась так, что Балаж почти разглядел ее грудь под светлой ночной сорочкой.

— Налью зля, — мелодично сказала она. — Устроит?

— Плесни ракии, — бросил Балаж и дернул ручку двери. — И бутылку не убирай!

* * *

За спиной раздалось чье-то покашливание. Балаж сжал эфес сабли и оглянулся: площадь была пуста. Небо вдали порозовело, и первые лучи солнца пролились на Чизмеград. Стражник отстраненно подумал, что скоро степняк выйдет торговать своей лекарственной травой. Сколько он там просил, серебряный с полтиной? Балаж улыбнулся: да будет так. Теперь он сможет купить себе все, что захочет. А если жена о чем-то догадается — пусть уходит. Не понеси она тогда, не было бы никакой свадьбы. Эх, а ведь он был так молод...

Балаж закрыл за собой дверь.

Силуэт в темном балахоне отделился от стены и двинулся в сторону покинутой стражниками хибары. После стольких лет ожидания каждый миг до встречи с отцом тянулся нестерпимо долго.

Наконец, человек в балахоне вошел в ветхий покосившийся дом.

И, видит Небо, зрелище его не порадовало.

— Вставай, заberi тебя болото! Я старшине сказала, что ты через полчаса явишься!

— Вставай, вставай, вставай!

Два голоса: один писклявый, недовольный и уставший. Другой — шепелявый и надоедливый. Первый — жены, второй — дочки. Эх, а давеча она лежала молча, но, видать, травки степняка помогли.

Балаж что-то промычал и поднялся с кровати. Перед глазами пронеслись обрывки вчерашней ночи: дождь, собаки, слепой отшельник, мертвый дед, бордель, ракия. Глаза резал свет, к горлу подкатывала тошнота, но Балаж улыбнулся: чернявая позволяла такое, отчего жена сразу бы сбежала в Гнилов лес.

— Помогли дочке травы? — прохрипел он.

— Помогли! — выпалила жена.

— Помогли! Помогли! Помогли! — запищала дочь.

Нужно уходить...

Жена продолжала отчитывать, пока он одевался. И на бровях приполз, и бабой пах, и наблевал в коридоре! Всего этого Балаж почти не помнил, зато точно знал, что зарыл приработок на заднем двореке.

— Жрать, надо полагать, нечего? — спросил он.

— А ты хоть раз трезвый с караула приди, тогда и накормлю! Вы что там, бочки зля сторожите?

— Заткнись.

— Чееееего?

— Заткнись, — холодно повторил Балаж. — Одну ночь не виделись, а к тупости успела прибавиться глухота.

— Да ты...

Балаж вплотную подошел к жене. Теперь он чувствовал себя как великан Яков, возвышаясь над низкой тоненькой женщиной. Дочь, слава Небу, затихла в углу.

— Перечить вздумаешь — пойдешь на болото жить. Забыла, чей дом, курва деревенская?

Жена молча сунула ему стакан воды и кусок ржаного хлеба. Балаж выпил, поел, потрепал дочурку за волосы и спросил:

— Кто вызывает? Любослав? У меня выходной.

— Живодраг Радонич! Знаешь такого?

— Старшина?! Так они ж с капитаном с болотнянкой слегли...

— Болото принесло хворь, болото и унесло... Убили ночью Любослава рядом с какой-то хибарой на Обозной.

Балаж пошатнулся, и едва не промахнулся задом мимо табурета. В уголках глаз жены появились озорные искорки.

— Иди-иди, хороший муж. Смотри, отделает тебя Радонич, к нему в жены пойду, у него уж давно матушка преставилась, тяжело одному-то — без бабы в доме.

Весь последующий день Балаж хотел забыть как кошмарный сон. Вечером он пил в «Сопле жабы», но хмель не приносил облегчения. Труп Любослава вновь появлялся перед глазами...

За время службы Балаж вдоволь нагляделся на покойников — то зарежут кого в драке, то казнят на площади Совета, то степняки к стене набегут...

Но это был совсем иной случай.

Любослав лежал у входа в хибару и так широко раскрыл рот, что Балаж поневоле подумал, будто стражник умер от удивления. Интересно, покойного больше изумил вырванный кадык или воткнутые в лоб собачьи зубы? Может, переломанные пальцы на руках? Или нож, торчащий из груди?

Старшина отвел к Дьекимовичу, и тот убил все утро на допрос, но Балаж упорно твердил, что ничего не видел и не слышал. Старый горбун никого не интересовал, как и труп отшельника, найденный за полверсты от хибары. Бродяге повезло меньше, чем Любославу: собаки просто разорвали его на части — даже хоронить нечего. Дьекимович с подручными осмотрели всю улочку до Обозной площади, и двинулись на поиски Якова. В «Сопле жабы» его не нашли: со слов трактирщика, ночью он собрал вещи и покинул заведение.

Балажа ни в чем не заподозрили, и капитан отправил его на законный выходной. Стражник проспал весь день и под вечер побрел в «Соплю жабы». После нескольких кружек эля в его голову полезли мысли о шагах, которые он слышал неподалеку от хибары. Может, они принадлежали тому же, кого так испугался Яков? Но что могло так сильно встревожить великана? И за каким болотом Любослав решил навестить отшельника?

Балаж жестом попросил плеснуть ему новую стопку. Ракия не дала ответов на вопросы, и стражник нетвердой походкой двинулся в сторону дома. Со временем он немного не рассчитал: улицы опустели, и на пути ему встретились лишь пара сослуживцев, валяющийся в грязи пьяница и огромный пес. Возможно, будь Балаж трезвее, то обратил бы на животину внимание, а так...

Дом был уже близко, когда собака сбила его с ног; Балаж матюгнулся и выхватил сапожный нож. Удар вышел приличным: пес взвизгнул, легонечко тяпнул за руку и тут же упал мертвый. Из арки, ведущей в двор-колодец неподалеку, показались еще несколько тощих псин.

— Подходите, блохастые, — закричал Балаж. — Не боюсь я вас, я вам не Яков!

— А зря, — за спиной раздался густой бас великана. — Беги, если хочешь жить.

— Да что ты мелешь-то? — развернулся к нему Балаж. — И где ты весь день пропадал?

Яков молча показал пальцем в сторону арки. Балаж обернулся.

Тонкая фигура в черном балахоне выплыла из арки и направилась к стражникам. За ней следовали новые и новые псы. Балаж попятился, рукоять ножа вмиг стала скользкой от пота, оружие брякнулось на мостовую.

— Беги! — нечеловеческим голосом заорал Яков.

И Балаж побежал.

Когда псы сбили его с ног, он кричал, звал на помощь и плакал, но рычание озлобленных зверей заглушало эти жалкие звуки. Боль заполнила тело: десятки зубов вонзались, рвали, тянули...

А потом сильные руки Якова занесли его в дом; громыхнул засов на двери..

— Никто не услышит, — сквозь вопли жены Балаж кое-как расслышал голос великана. — И никто не поможет.

«Так все дело в золоте? — подумал Балаж. — Я не отдам! Всю жизнь прожил в нужде — заслужил! И плевать на всех, кто из-за этого погиб».

Балаж невольно поймал взгляд стоящего за окном человека в балахоне и смог сделать лишь одну вещь: намочить штаны.

Сквозь стекло на Балажа смотрел его собственный отец, пан Милош. Спустя миг тварь стала Любославом, затем — слепым отшельником. Остановившись на облике Милоша, тварь постучала в окошко. Когда крик Балажа достиг самого Неба, фигура в балахоне превратилась в него: трусливого невысокого человека, так долго грезившего о богатстве.

Но разве все мечты приносят счастье?

* * *

Кадык Якова перекатывался по бычьей шее, пока он жадно допивал третий подряд стакан воды. Балаж робко сел на кровать. Жена в обнимку с дочкой тряслись у печки.

— Зря мы в ту хибару сунулись. — Яков поставил стакан на стол, плюхнулся на табуретку и скривился от боли: псы добрались и до него. — Но все равно, на роду у тебя написано, что нет тебе спокойного житья.

Балаж промолчал. Житья? Разве что существования: мечтать, чтобы зимой с голоду не сдохнуть да наскребать медяков на кружку эля. А потом, не ровен час, умереть от пули степняка или разбойничьего ножа. А может, погибнуть как отец? Напиться до бесчувствия, упасть на льду, потерять сознание и попасть под повозку торговцев? Те даже его тело не убрали!

— Нет жизни в этом городе, — ответил Балаж. — Может, в Шеоле она есть? Ты ведь служил там, зачем явился-то?

Яков вымученно улыбнулся. Лоскуты кожи свисали с прокусанной руки; алые капли падали на дырявую от времени скатерть.

— Сроду там не был. Я убил какого-то парнишку, что из Шеола в Чизмеград топал. Свезло мне: грамота полицейская у него за пазухой была. Меня и не Яков кличут-то.

— А как?

— Не важно. Тварь, что на улице прячется, всех нас в болото утащит. Эх, и почему мы деру не дали, как только я ее на площади увидел?

— Ее? Так это баба что ли?

— Сестрица моя. Младшенькая. Вот только ни тебе, ни мне, ее не одолеть. Она даже не в нашем мире теперь обитает.

Жена Балажа начала молиться, дочка непонимающе вертела головой по сторонам и без устали вытирала бегущие по щекам слезы. Балаж прикрикнул на них, на что Яков рассмеялся:

— Не трать силы, коротышка, наорешься еще. В чужой дом сестре все равно не войти. Не умеют колдуны этого, хоть отчего-то Небо людей сберегло. Хотя странно: собаками повелевать может, сквозь городские стены как-то шмыгнула...

— Зачем она вообще пришла?

— За живыми, что ее предали.

— Я не...

В дверь постучались. Тихо и робко, словно потерявшийся ребенок.

— Собаки — ее глаза — тебя нашли, — обреченно продолжил Яков. — Теперь сестрица не отстанет. Когда поймает, сделай как

Любослав: ударь себя ножом в сердце. Поверь, коротышка, так всяко лучше будет.

— Причем здесь я?! В золоте дело что ли? И зачем ей Любослав был нужен?

Яков поправил волосы, спрятав жуткие шрамы на лбу. Несколько мгновений он собирался с ответом и, наконец, произнес:

— Отшельник, которого мы встретили — мой отец.

— Что?! Так это тебя он ждал?

— Дождлся, получается, доброго сына. Ох и любил о нас с сестрицей-то, раз обменял на звонкую монету! Так что его деньги принадлежали мне по праву.

— Как можно изуверствовать над собственным отцом? Убей и все, к чему пальцы ломать, глазницы продавливать?

— Эти минуты были лучшими в моей жизни.

— Видит Небо, нельзя так...

— Не торопись языком молотъ, ведь это ты должен был оказаться на моем месте. Помнишь, когда мы в караул пошли, ты отца своего упомянул, Милоша? Он третьим-то и был.

— Третьим? Да у него ни братьев, ни сестер не было!

В дверь снова постучались. Голоса в доме тут же стихли. Тварь с минуту подождала, что-то пробормотала и зашаркала прочь. Балаж почувствовал, как по лицу стекают градины пота. Яков сосредоточенно разглядывал собственные ладони. Под звук уходящих шагов Балаж тихо спросил:

— А если ей часть монет вернуть? Может, отстанет тогда?

— Не золото ей нужно, а твоя жизнь, — усмехнулся Яков. — Да и моя, пожалуй, пригодится. Бежать надо на рассвете, а пока дай вздремнуть хоть часик.

— Ну уж нет!

Балаж сунул руку под кровать и нащупал саблю. С трудом освободив ее из ножен, он кое-как встал и направил кончик на Якова. Тот миролюбиво поднял руки и устало произнес:

— Не мастер я байки как Любослав рассказывать.

— Ну, это сложнее, чем пальцы старикам ломать. — Когда я услышал имя твоего отца, то понял, что мы братья.

— Какие еще братья? Я — никто для тебя и твоей ведьмы-сестры!

— Нас не связывает глупость кровного родства. Есть нечто большее: мы оба приговорены к смерти. Поэтому я не сбежал утром, а остался, чтобы спасти твою жизнь. Ну что, готов слушать? Балаж кивнул. Когда Яков заговорил, он тихо помолился. Вот только Небу, как и всегда, вряд ли было дело до живущих под ним людей.

Той зимой в Чизмеграде свирепствовал голод. Старейшины-шоршеткалоки заперлись в Крепости Совета, не желая выслушивать жалобы. Народ взбунтовался, но старейшины — не будь дураками — запаслись патронами; бастионный пояс ошетинился пулеметами. Десятки оголодавших горожан скосила меткая очередь.

Одной ночью трое стражников несли дозор в башне. Когда к воротам подошел карлик, его подняли на смех. «Откуда тебя, уродец, принесло?» Тот лишь ехидно улыбнулся и предложил служивым эль да солонину. Служивые с радостью впустили его внутрь. Не положено, но пить и есть ой как хотелось!

Пока стражники пировали, карлик рассказывал, как пережить зиму. Мол, Небо отвернулось от города, и он явился на помощь. Стражники вновь рассмеялись: ну принесла же нелегкая шутя!

Но карлик и не думал шутить. С суровым видом он что-то прошептал, и между его пальцев появилась золотая монетка. Служивые переглянулись: одна такая монетка — их жалование за целую зиму!

— Продолжать? — спросил карлик.

— А не боишься, что денюжку-то отымем? — пророкотал Казимеж, самый крупный и злой из стражников. — Драпай лучше, пока не поздно.

— Зачем бежать, если главная опасность — ты сам? — Недомерок отсалютовал мужчинам кружкой эля.

Казимеж замахнулся для удара, но по щелчку пальцев карлика его рука плетью упала на стол. Второй рукой стражник принялся себя душить.

Карлик неспешно разлил эль по кружкам, ленно взмахнул рукой и «освободил» Казимежа. Невидимая хватка разжалась, и стражник молча отпил из протянутой кружки.

— Ну что, панове, успокоились?

Трое мужчин молча кивнули.

Тогда-то карлик и поведал о величественном безымянном городе на краю земли. Его ворота находятся в мире людей, а сам он сокрыт от человеческих глаз пологом непроницаемой тьмы. Тьмы, которой когда-то принадлежал весь мир.

Колдуны, что живут в том городе, еще помнят время, когда нога человека еще не ступала на эти земли. Никто из них не скажет, почему

в царстве нелюдей появились человеческие поселения. И никто не поведает, что за твари каждое мгновение пытаются прорваться сквозь полог тьмы и вернуть то, что по праву принадлежит им.

— Колдуны вообще неразговорчивы. — Карлик почесал нос. — И бесплодны. Когда-то все было иначе, но чем больше сил они тратят на возвращение первородных демонов, тем сильнее изнашивают собственные тела.

— Даже если ты не брешешь, — заговорил второй стражник, Любослав. — Чего им надо-то? Демонов каких высвободить? Но ведь они — ошибка Неба!

— Высвободить, — эхом отозвался карлик. — Вот только ошибка не они, а вы, светоходящие. И повезло вам, что колдуны бессмертны лишь в своей обители. Но знайте: когда-нибудь истинные властелины земли сметут человеческие города, а небо вновь станет черным.

— Срать я хотел на них огромную кучу, — съязвил отец Балажа, Милош. — Мы с голоду раньше сдохнем, чем твои колдуны и демоны сюда полезут.

— Здраво рассуждаешь, пан, — улыбнулся карлик. — Пусть не на этом веку, но все станет как прежде. А сейчас выбор за вами: жить в достатке или гнать меня куда подальше. Но я всегда найду тех, кто согласится.

— На что? — спросил Казимеж.

— Колдуново семя пустое, колдуньино чрево мертво, а знания передавать надо: даже бессмертные стареют. Я заплачу за двух детишек столько, что сможете пировать до конца дней.

— Проваливай, недомерок! — вскочил Казимеж. — Тебе в жизни никто детей не даст.

— Погоди, — осадил сослуживца Любослав, — сколько заплатишь?

Карлик взмахнул рукой, и горсть золота рассыпалась по комнате. Стражники упали на колени и принялись собирать монеты под жуткий смех гостя. И в то же мгновение золото исчезло из туго набитых кисетов.

— В следующий раз не пропадет, — колдун поднялся с места, — но дети должны уйти со мной по доброй воле. И собственной, и родительской. Надумаете — зовите.

— Погоди. — Милош стыдливо смотрел себе под ноги. — Я отдам сына, но понадобится больше дня.

— Я спешу. Сегодня или никогда.

Стражники заспорили наперебой, но карлик растворился в воздухе, будто его и не было. Только пустая кружка эля и нетронутый кусок солонины остались на столе, напоминая о том, что все происходит взаправду.

Весь вечер мужчины спорили. Любослав детей не имел, а жена Милоша увезла мальчика в Шеол: по слухам, там правили людоеды, но даже они оказались милосерднее шоршеткалоков, ибо отцы города не бросили шеолян голодать. Оставался Казимеж — дома стражника ждали сын и дочка. После долгих уговоров он согласился продать девчонку: нагуляла ее жена, когда Казимеж к любовнице жить уходил. Но отдать сына стражник наотрез отказался.

По дороге домой Милош и Любослав последний раз попробовали уговорить сослуживца, но Казимеж был непреклонен. Друзья пожали руки, и решили дать карлику от ворот поворот. Когда Казимеж исчез в своей хибаре, Милош и Любослав позвали колдуна. Он выслушал их план, но детей против воли брать отказался. Стражники пообещали все уладить.

В дверь постучали. Казимеж открыл безо всякой опаски. Драться с великаном было опасно, но другого выхода не было. Милош ударил сослуживца камнем по лбу, и, пока великан непонимающе смотрел на товарища, Любослав схватил его сына. Казимеж, сдаваясь, поднял руки. Его жена закричала, но Милош повалил ее на землю и сжал руками шею: колдун сказал, что хватит согласия и одного из родителей. Казимеж молча наблюдал за расправой: сталь у горла мальчишки обездвиживала не хуже заклятий карлика.

Маленький сын Казимежа порывался помочь матери, и нож Любослава оставил несколько глубоких порезов на лбу мальчишки. Ребенок заплакал. Казимеж упал на колени и попросил забрать дочь, которая пряталась под кроватью.

Жаркие уговоры продолжались до тех пор, пока недовольный карлик не крикнул, что уходит. Тогда Любослав сломал мальчишке несколько пальцев и вновь порезал лоб. Карлик продолжать торопить стражников, и Милош поклялся, что либо они озолотятся, либо убьют ребенка.

Любослав раздраженно прокричал, что спрашивает согласия у Казимежа в последний раз. Великан опустил глаза и кивнул.

Милош вытащил девчонку из-под кровати. Зареванная малышка увидела труп матери: она была смышенной малой, прикинула — что к чему, да и согласилась на предложение карлика. Мальчик умолял отца не отдавать его, но тот был непреклонен.

Когда дети подошли к карлику, Казимеж схватил саблю и бросился, чтобы рубануть. Карлик улыбнулся, щелкнул пальцами и исчез, обнимая малышей. На стражников посыпалось золото; несчастный Казимеж заорал так, будто его режут.

Подобрав с пола монеты, Милош и Любослав подошли к товарищу. Они перевернули его на спину и ужаснулись: Казимеж выколол себе глаза. Ослепленный гигант не стал выслушивать их

извинения и отказался брать золото. Любослав и Милош переглянулись, пожали плечами и убрались восвояси, все же оставив товарищу его долю. Они знали, что останутся безнаказанными: в голодный год искать пропавших детей никто не станет.

Спустя долгие недели отошальный и грязный Казимеж пришел к дому Любослава: он просил пищи и крова. Стражник согласился приглядывать за искалеченным товарищем, а тот сделался затворником. Так продолжалось долгие годы, и лишь на старости лет слепой и немощный Казимеж решил вдруг найти сына. О падчерице он никогда и не думал.

Но та не забывала его ни на минуту. Она помнила, как звала его отцом, и как мечтала, что он полюбит ее как родную. Она помнила, как получала тумачи, когда ее сводного брата нахваляли и кормили до отвала.

И пока друзья растрачивали золото, девчушка на другом конце света обучалась темной безумной волшбе. Каждый день, проваливаясь в сон, она клялась вернуться и отомстить каждому, кто превратил ее жизнь в бесконечные страдания и боль.

Спустя годы она уже не была человеком. Но все так же клялась, что вернется в Чизмеград.

Ее ненависти хватит на каждого, ибо никто не достоин прощения!

* * *

— Брехня! — закричал Балаж. — Откуда ты знаешь, что именно так оно и было?

— Я видел это, — прошептал великан. — Он показал.

Балаж закрыл лицо руками. Нет, отец бы его не отдал! А может.... Нет, вранье! Вся эта история не укладывалась в голове: трое стражников нажили состояние, а батька даже не сказал, где спрятал свою долю?!

— Думаю, сестра огорчилась, что я первым помучил отца.

Балаж вздрогнул, услышав смех Якова. Но великан уже продолжал:

— Она стала колдуньей, а у меня таланта к волшбе не нашлось: разве что фокусы умею показывать. Меня сделали рабом, и я сбегал так часто, как мог. За это мне ломали пальцы, издевались, насиловали... Но вот я убежал. Правда, кто же знал, что она придет следом?

— Заткнись, — сквозь зубы прошипел Балаж. — Лучше скажи, чем я виноват? Я твоего отца и пальцем не трогал!

— А она чем виновата? А я чем виноват? — Яков пожал плечами. — Она знает, что ты должен был уйти с нами. Ты не мучился как мы, и она хочет, чтобы ты заплатил этот должок сполна...

Вскрик Балажа заглушил звук разлетевшегося вдребезги стекла: через окно в дом прыгнул первый из псов. Стражник взмахнул саблей, и разрубил голову собаки пополам.

— Ты говорил сестре сюда нет ходу! — закричал Балаж. Комната плыла перед глазами, голова кружилась. «Наверное, я потерял слишком много крови, — подумал он».

— Ей нельзя, а псам можно, — голос Якова звучал будто издалека. — Подслушивала, сука.

— Зачем?

— Чтoб ты знал, за что подохнешь.

— Шелудивым меня в болото не увести! — Балаж подошел к окну и осторожно высунулся на улицу и тут же понял, как сильно заблуждался.

Всю улицу заполнили разномастные псы; на улице стояла звенящая тишина, слышно было, как когти привороженных зверей отбивают дробь по брусчатке. Вдали послышались голоса знакомых стражников. Балаж позвал на помощь, но сослуживцы не отозвались.

— Никто не увидит, никто не поможет, — как заведенный бубнил Яков.

Десятки псов в едином порыве бросились к дому. Балаж ткнул саблей первую собаку, вторую, третью... Он уворачивался, бил, снова бил, но псов было слишком много.

Сабля выпала из ослабевшей руки стражника, животные повалили его на пол. Зубы вцепились в щеку, ноги, живот.... Балаж шипел, рычал и извивался, чувствуя, как с каждой секундой жизнь покидает тело. Когда укусы неожиданно прекратились, он открыл глаза и подумал, что умер.

Но Балаж все еще был в своем доме. Яков лежал совсем близко: окровавленный и с перегрызенным горлом. Собаки послушно сидели и безразлично ждали новых команд своей повелительницы.

— Она пойдет по доброй воле, — Балаж едва мог различить голос жены. — Ты... Ты ведь заплатишь за нее?

— Да.

Балаж захрипел, услышав глухой, будто из-под земли, голос. Изо рта хлынула кровь, и зарождающийся крик превратился в кашель. Стражник попробовал встать, но боль словно прибила тело к полу.

— Папа...

Вновь этот шепелявый родной голосок.

— Доченька, — прохрипел Балаж.

— Я люблю тебя.

По небритым щекам текли слезы. Привычный мир застелила красная пелена, а разрывающая нутро боль накатила с новой силой.

— Ты хочешь ее отпустить?

Снова этот жуткий голос. Молчать. Не отвечать. Умереть, но... Он ведь ни в чем не виноват, верно?

— Нет, — прошептал Балаж.

— Достаточно согласия одного из родителей. — Колдунья ухмыльнулась и, взяв девочку за руку, неспешно побрела к выходу.

Скрипнули несмазанные петли, дверь ударила по косяку... Первая из сотен монет упала на пол.

— Не уходи, — Стражник кое-как перекатился на бок. — Оставь ее...

Но колдунья уже была на другом краю света.

* * *

Каждый вечер, оставаясь в одиночестве, Балаж вспоминал события давно минувших дней. Ныне он уже пребывал в возрасте, когда мужчина перестает интересоваться борделями, играми и всем тем, о чем мечтает каждый молодой человек. Много лет назад, оправившись после исчезновения дочки, он уволился из стражи и переехал в самый далекий город, который только смог найти.

Но города тьмы, о котором твердил Яков, он так и не нашел.

Конечно, после той ночи в Чизмеграде Балажа засыпали вопросами. Когда он отказался отвечать, его отправили на допрос в крепость Совета. Балаж высыпал на стол старейшин пригоршню золотых монет; шоршеткалоки переглянулись и подписали для выезда из города все необходимые бумаги.

С женой Балаж толком не поговорил: на следующее день после пропажи дочери она собрала вещи и укатила в Шеол. Жена не обманула мужа, и перед отъездом поровну разделила добычу.

Неподалеку от города Балаж нашел болото, где хоронили преступников и самых бедных граждан. Старый гробовщик подтвердил, что здесь похоронили разорванного собаками великана. Балаж поблагодарил старика и молча высыпал в болото горсть выкопанных с заднего двора монет.

Больше в Чизмеграде его ничто не держало.

До старости лет Балаж прожил в далеком-далеком городке у моря и гор. Из окон его дома открывался вид на порт; он часто спрашивал у путешественников, знают ли они что-нибудь о безымянном граде тьмы. Большинство из них либо качали головами, либо под кружку медовухи рассказывали всякие небылицы.

Старая с каждой зимой, Балаж все чаще думал, придет ли дочь по его душу? Убьет ли она его, как когда-то сестра Якова поступила со своим отцом? Иногда Балаж размышлял, почему тварь оставила его в живых, и все чаще приходил к выводу, что именно так выглядит самая изощренная пытка. Жизнь, потерявшая смысл.

Теплый осенний дождь поливал улицы, пока Балаж неспешно возвращался с прогулки.

Дорогу к дому преградила стая собак; Балаж сжал трость и усмехнулся: даже будь на ее месте револьвер, это не поможет. Один из псов зарычал и вальяжной походкой хищника направился к беззащитному старику.

Но внимание Балажа было приковано не к псу.

В отблесках уличного фонаря он разглядел застывшую вдали фигуру в темном балахоне.

— Дочь, — у Балажа упало где-то под сердцем. — Окажи честь — убей. Но о прощении я молить не буду.

Одним прыжком пес повалил старика на землю. Балаж вскрикнул, трость покатила по мостовой, собачья морда противно коснулась лица, и... Мягкий язык облизал его щеку. Балаж заплакал. Вместе с каплями дождя на лицо приземлились несколько золотых монет. Собака потеряла к старику интерес и поплелась по своим делам. Фигура в балахоне исчезла. Последнюю честь — смерть — дочь ему не оказала.

Наутро Балаж скушал приготовленную служанкой рыбу, откупорил дорогую бутылку вина и долго любовался на доверху набитый золотом сундук. Днем он вздремнул, а вечером принял нескольких важных гостей. Один из них приехал из-за моря и без умолку болтал о сожженных северных городах, пропавших кораблях и странной болезни, от которой люди превращаются в тварей, жрущих себе подобных...

Балаж с улыбкой выслушал гостя. Грустить он не собирался: как-никак, не ему потом жить в этом мире. В мире, где людям не было места.

Мария Гинзбург

Я — ночной мверзь

To my shero

*Пре́йратс просто распахивает
в ночь свою дверь и ждет, что еще войдет
в нее. Вся сложность способа Пре́йратса в
том, что если ему не понравится
явившийся в гости зверь, то трудно,
очень, о ч е н ь трудно закрыть дверь
снова.*

Тэд Уильямс
«Трон из костей дракона»



Курт Торглер сидел на плечах у папы и крепко сжимал в руках веревочку красного воздушного шарика. Шарик тянул за собой руку в небо, но несильно, а ровно настолько, чтобы Курт помнил, что шарик — замечательный красный

шарик! — у него есть. Вокруг была весна, и улыбающиеся люди шли колонной. Они несли транспаранты, на которых было что-то написано, но Курт еще не умел читать. Но это ничуть не омрачало его счастья. Однако другой, взрослый Курт внутри маленького мальчика засомневался. Он бывал на демонстрациях, и они никогда не проходили так мирно кроме одной, закончившейся столь же странно, как и внезапно. И этот взрослый Курт все испортил. Небо потемнело. Из переулка выскочили полицейские и, размахивая дубинками, врзались в толпу. Папа побежал, Курта затрясло. Опасаясь упасть, он ухватился обеими руками за шею отца. Что-то скользнуло по его запястью. Курт поднял глаза. Красный шарик, стремительный и свободный, уносился в небо. Когда Курт посмотрел на него, он чуть качнулся и помахал хвостиком-веревочкой, точно прощаясь и благодаря. И Курт даже не расстроился. «Да, — подумал он. — Пусть летит. Он же для этого предназначен».

Папу в этот момент сбили с ног, и Курт полетел тоже — но не вверх, а вперед. Он ударился о стенку дома и два гвоздя, торчащие из нее, впились ему в лоб между глаз. Гвозди превратились в крохотные острые сверла и вгрызлись прямо в кость.

* * *

Шарфюрер Торглер открыл глаза. На столе горели два зеленых огонька. Свет от них, падавший ему на лоб, и разбудил его. Это были некродатчики, вставленные в глазницы черепа ангела. Канцелярия концентрационных лагерей особого назначения вызывала шарфюрера. Он скривился. Некросканирование всегда доставляло Торглеру неописуемые мучения. И вот в очередной раз нужно было войти в пространство Убертотен. Торглер посмотрел на часы: была половина третьего ночи. Шарфюрер протянул руку, достал из кармана висевшего на стуле мундира бронзовый ключ с личным кодом доступа и привычным движением вставил ключ в висок. Мгновение посидел, собираясь с духом.

А потом повернул — как и положено по инструкции, три с половиной раза.

* * *

Смерч грязно-алого цвета, несущий костяную пыль, подхватил Торглера и потащил к черному квадрату портала Канцелярии Убертотен. Дежурный в окне нетерпеливо качнул черными рогами, сердясь на то, что Торглер откликнулся не сразу.

— Я пришел получить запрос, — не своим, ржавым и свистящим голосом произнес Торглер.

Прах скрипел на зубах, но не было никакой возможности его сплюнуть.

— Нам нужен ангел, — ответил представитель Водана и притопнул копытом. — Да поупитаннее. Он пойдет как жертва. Доставка к portalу через пятнадцать минут.

Дежурный захлопнул черную створку, и шарфюрер Торглер вывалился обратно в реальность. И вовремя — пространство Убертотен уже начало врезаться в его тело с нежностью мясницкого ножа, выкручивать суставы и жечь глаза. Торглер качнулся вперед. Он свалился с кровати, упал на колени, разрывая ногтями несвежую рубашку на груди — тщетная попытка выпустить жар Убертотен, от которого спекается костный мозг. Шарфюрер сунул руку под кровать, достал оттуда бутылку коньяка и сделал пару жадных глотков прямо из горлышка. Коньяк смыл тошнотворный привкус набившейся в рот пыли. В глазах Торглера прояснилось. Но он все еще слышал низкий рокот ветра, гуляющего над пространствами Убертотен, рокот, от которого тело, кажется, сейчас развалится на мелкие кусочки. Торглер дотянулся до стола рукой, взял стакан, наполнил его и залпом выпил. Все-таки хлестать коньяк из горла — это непорядок. Еще раз прислушался: рокот раздавался, но совсем не в его голове. Он доносился из-за закрытого окна.

* * *

За ночь снег подтаял, хотя еще днем мороз стоял такой, что стальные щиты на бункерах сделались хрупкими, как стекло. В воздухе разливалось нездоровое тепло. Но не это было самым странным. Ночную тьму пронизывало зеленоватое сияние. Его нити переплетались в воздухе, как чернильные разводы в чашке с водой. Опутывали бараки, вышки и крематорий. Источником сияния было ослепительно-зеленое зарево на юге. Это от него, между прочим, и шел неумолчный грохот, который Торглер слышал в своей комнате даже при закрытых окнах. На открытом воздухе грохот стал не громче, а

словно бы гуще. Он пробирал тело до костей и был слишком очевидным родственником роко́та Убертотен. Дела на Южном фронте шли из рук вон плохо уже последние месяца два, и не надо было обладать обширным опытом Торглера, чтобы догадаться — сегодня *дела пойдут плохо* уже в самом концлагере Меллерн. Шарфюрер понял это, едва вышел на улицу и увидел зеленые нити в воздухе. Торглер свернул было к portalу. Он знал, что покинет Меллерн когда придет время его покинуть — и вот оно пришло. Но в его душе зашевелился давно знакомый червячок. Торглер подумал о директиве, полученной из канцелярии. Им там, в Берлине, нужен ангел для жертвоприношения. Да поупитаннее...

Торглер еще раз взглянул на огромный зеленый смерч, на черные силуэты военных дирижаблей, суевившихся вокруг него. Смерч неумолимо приближался. Дирижабли вспыхивали, как маленькие летающие факелы, и падали вниз, во тьму. Торглер остановился и некоторое время наблюдал, пытаясь прикинуть скорость движения смерча. По всему выходило, что он как раз успеет выполнить последнюю директиву и убраться из Меллерна. Довольно насвистывая, Торглер направился к пятому корпусу. Он терпеть не мог несделанных дел и был рад, придя к компромиссу с самим собой. Торглер месил ногами подтаявший снег.

«Картина фюрера, подумал он, вспоминая свой сон, — вот где я был».

После внутренней войны с ангелами, блестяще выигранной благодаря гению Гитлера, фюрер отошел от дел. Он уступил бразды правления Отцу Водану, а сам занялся рисованием картин. Как он объяснил нации в своей прощальной речи, ему всегда этого очень хотелось, да раньше все руки не доходили. Но теперь, когда он оставляет страну в самых надежных на свете руках, он спокоен за будущее Германии. А полгода назад Гитлер тихо скончался в своем любимом Волчьем логове на руках у безутешной жены. Торглеры, отец и сын, встретились на выставке картин фюрера через месяц после похорон, на которых рыдала вся Германия. Курт не особенно разбирался в живописи, но настроения картин не почувствовал бы разве что ангел.

С работ последнего рейхсканцлера на зрителей смотрел, светло прощаясь, тот мир, с которым люди расстались навсегда. Тот мир, каким он мог бы стать, но так и остался в нерожденном миге. У картины, названной «Первомайская демонстрация», Торглеры задержались надолго — им нужно было обсудить кое-что непредназначенное для чужих ушей, а картина висела в закутке, куда заходили немногие. Эрнст Торглер работал в департаменте Геббельса и знал о происходящем в мире гораздо больше того, о чем говорилось в

новостях. Курт во время разговора поглядывал на картину и поэтому так хорошо запомнил мальчика на ней: крепкий бутуз лет пяти сидел на плечах у отца; малыш держал веревочку красного воздушного шара и счастливо улыбался.

«Сон в руку, что называется», подумал Курт и ускорил шаг.

У двери в пятый корпус стояли двое часовых. Они были абсолютно одинаковыми — одни и те же грязные рыжие завитки, выбивающиеся из-под фуражек, одинаковые курносые носы и пустой взгляд выпученных голубых глаз. Это были уже бойцы нового поколения. «Пупсы» — так их с ненавистью, завистью и презрением называли люди, появившиеся на свет по старинке, а не раскупоренные из бутылей. Проблема была в том, что «настоящих» людей становилось все меньше, а пупсов — все больше. Массовое производство пупсов наладили года за три до того, как жизнь на Земле изменилась бесповоротно и навсегда.

Торглер их терпеть не мог. Разделение новых людей проходило, в том числе, и по росту. Пупсы из низших каст, трудолюбивые как муравьи и примерно в той же степени разумные, были не выше полутора метров, тогда как полубоги-альфа имели строго установленный рост в два метра (плюс-минус пара сантиметров). Торглер же был мужчиной хоть и крепким, но невысоким. Его родители были людьми среднего роста, да и юность, проведенная в советском концлагере, не могла не сказаться. И каждый раз, когда пупсы видели Торглера, носившего знаки отличия «альфы», но при этом бывшего всего на голову выше их — он прямо чувствовал, как с хрустом и скрипом проворачиваются шестеренки в их неповоротливых мозгах.

Пупсов не учили думать — их учили следовать приказам и правилам. И когда два правила конфликтовали друг с другом, пупсы мучились невероятно. Была еще одна причина, по которой Торглер ненавидел пупсов — по крайней мере тех, что работали в концлагерях особого назначения. Отец Водан одобрил производство воинов, поставленное на поток, и добавил немного своей магии в бутылки с зародышами. Из-под фуражек пупсов выглядывали не только грязные волосы, но и небольшие рожки тускло-стального цвета. Пупсам не нужно было вставлять в голову громоздкий ключ для некросканирования; они всегда были на связи. Канцелярия могла отдавать им приказы непосредственно, в любой момент. Торглер подозревал так же, что путешествия по пространству Убертотен пупсы переносят гораздо легче, чем он. И, возможно, даже испытывают при этом удовольствие.

— Откройте дверь, — приказал Торглер.

Часовые выполнили приказ. Тяжелая стальная дверь с грубо намалеванными на ней рунами Отца Водана, которые и удерживали обитателей пятого корпуса за ней, с приглушенным лязгом отъехала в сторону. Торглер вошел. Сталь снова задребезжала за его спиной — часовые закрывали дверь. Торглер вдохнул привычную смесь запахов — прокисшая баланда, сырая кожа и нечеловеческий, резкий запах ангелов. Он улыбнулся.

Когда-то с этим запахом он связывал все самое ужасное, что только есть на свете, а теперь это был один из его самых любимых запахов.

Запах отчаяния, боли и страха тех, чьи крылья однажды затмили Солнце — так много их спускалось с небес.

В тот день Торглер не стоял вместе с остальными под разверзшимися небесами и не смотрел, как ангелы падают из-за облаков словно дождь грязного конфетти. Пакт Гитлера-Сталина выдернул Торглера из промерзлой тундры, в которой он провел последние два года. Курт возвращался в Берлин в комфортабельном купейном вагоне. Он спал, разомлев от необычной сытости и тепла, а главное — от непривычно приятных мыслей. Отец обещал встретить его прямо на вокзале. Теперь все будет хорошо. Эрнст пообещал найти сыну какую-нибудь работу. «Сейчас в Великом Рейхе много работы, — сказал он в письме, — и как раз по твоему профилю, милый Курт». Торглер умел только драться на баррикадах и копать могилы. Для лесоповала он был еще слишком молод, но тогда он не задумался над словами отца. Он спал под мерное постукивание колес, а ангелы летели вниз и кружились, словно огромные осенние листья, уже бурые и тронутые разложением.

Торглер проснулся в тот момент, когда поезд пошел под откос. Курт оказался среди обезумевших от страха людей. Пассажиры металась в огне среди искореженных стальных вагонов. Серые тени налетали подобно урагану, хватали и рвали людей на куски. И запах маслянистых, словно бы уже гниющих тел ангелов Торглер запомнил навсегда.

Уже потом отец по секрету сказал ему, что медиумы Анненербе ошибись, когда составляли заклинание. Они хотели вызвать Отца Водана — его помощь пришлось бы очень кстати в предстоящей войне. Но вместо Отца Водана с небес обрушились ангелы. Не сияющие благостью и кротостью посланники небес, а кровожадные, свирепые и жестокие от отчаяния твари. Церковь встала на сторону ангелов, приняв их за долгожданных вестников Царствия Небесного. Многие истинно верующие католики сражались в гражданской войне вместе с ангелами против людей.

Вера сторела вместе с теми, кто верил, вместе с городами, выжженными ангельским пламенем дотла. После не оставалось даже руин. Торглер попал на Восточный фронт. Он видел, как проклятые человекообразные вороны отрывали куски мяса от трупов своими грязными, заляпанными кровью пальцами. Видел много перепончатых крыльев, на которых человеческой кровью были нанесены магические руны. И запах, да, запах... Первые выпускники Репродукционных Центров, которых фюрер готовил к походу на Запад и Восток, почти все погибли в сражениях с крылатыми тварями. Тогда и состоялась демонстрация, которую называли «Берлинским усомнением». Единственная демонстрация из всех, в которых участвовал Курт, которая закончилась спокойно и мирно. Эрнст Торглер объяснил потом сыну, что Гитлер дал разрешение тем медиумам, кого еще не успели сжечь, провести новый ритуал. И Отец Водан, наконец, пришел и умиротворил всех.

Легенды людей, над которыми смеялись ангелы, ошиблись и здесь. Отец Водан явился в облике не могучего воина, но огромного черного козла. Отец Водан привел с собой не эйнхериев, как ожидалось, но свой Легион Юных. Порядок в Германии был восстановлен. Ангелов осталось немного. Все они теперь находились в концлагерях особого назначения, где над крылатыми пришельцами ставили различные опыты. Мир и спокойствие недолго царили на измученной Земле. Оказалось, что вместе с Отцом Воданом в мир пришли и другие боги.

Боги, которые последний раз были здесь так давно, что люди уже не помнили их имен. В Ватикан, например, явился огненный столб и назвался архангелом Гавриилом. Папа римский сделал правильный выбор. Десять лет архангел Гавриил устами каждого каноника католической церкви склонял итальянцев отомстить немцам за безвинно павших ангелов. За страшное кощунство, что Германия позволила себе — вызвать дьявола и поклоняться ему, убивая посланников небес во славу сатаны. «Неужели вы не знаете, люди, кто приходит в облике черного козла?» — спрашивал архангел Гавриил риторически. И люди снова надели черные рубашки — но на этот раз Гавриил начертал на них защитные знаки.

Эта война была самой стремительной из всех, что доводилось видеть Курту. Закладка новых пупсов шла полным ходом и во время войны с ангелами. Многие Репродукционные Центры удалось сохранить, да и в годы передышки было создано много новых. Но даже это не помогло. Линия фронта, несмотря на героизм и отвагу пупсов, двигалась на север со скоростью тетивы спущенного лука.

Курт медленно пошел по коридору. В двери каждой камеры имелось окошко, через которое можно было заглянуть внутрь. В другое

время шарфюрер шел бы от камеры к камере, как любитель и знаток вина обходит свой погреб от бочки к бочке. Выбор, который предстоял Торглеру, был не из простых. Рекомендация дежурного представителя Отца Водана — «ангела поупитаннее» казалась насмешкой. Но Торглер понимал, что на излишне худосочную жертву боги могут и обидеться. Однако Торглер торопился. Еще по дороге он решил, что отправит в канцелярию заключенного номер ИП-9765\9. Курт знал, что этого крупного темно-серого ангела из двадцатой камеры зовут Рюкке. Рюкке, разумеется, не был упитанным, но выглядел крепче других. Его соседка Реме, недавно переведенная из Освенцима ангелица, была даже в лучшей физической форме, чем Рюкке. Быть может, для жертвоприношения требовалась особь именно мужского пола? Дежурный представитель Отца Водана не уточнил. Курт все-таки хотел выполнить свое последнее задание точно и аккуратно, и поэтому он открыл дверь двадцатой камеры.

Зазвенела цепь. Как и было положено по уставу, заключенный поднялся на ноги при виде офицера СС. Торглер критически осмотрел сухопарое тело, иссеченное шрамами, и вздохнул. Отстегнул от кольца в стене серебряную цепь. Вторым концом она крепилась к серебряному же ошейнику Рюкке. Сплошное разорение с этими ангелами; но только серебро мешало им пользоваться своими жуткими чарами. Ангел в ошейнике был безвредным, как младенец.

«А ведь скоро никто уже не будет понимать этого сравнения», мрачно подумал Торглер, выводя Рюкке во двор.

Пока они шли по коридору, их провожало отвратительное шипение и уханье — ангелы прощались со своим сородичем.

«Совсем распустились», подумал Торглер рассеянно, но рывкать на заключенных не стал.

Ему было уже все равно. Да и для ангелов это были последние часы в плену. А это всегда будоражит — Курт знал по себе. Какой смысл наводить порядок, если солдаты Специальной дивизии Ватикана, подкрепленные зеленым смерчем, придут в Меллерн максимум через час. И спасители распахнут двери темниц, и напоят изможденных узников куриным бульоном... Курт невесело усмехнулся в такт своим мыслям.

Часовые рефлекторно встали по стойке смирно, когда Курт вывел Рюкке из барака. Торглер презрительно скривился. В Рюкке было не меньше двух метров пятнадцати сантиметров росту. Каждый раз, когда пупсы сталкивались с этим ангелом, в их мозгах происходил конфликт приказов ничуть не меньший, чем когда они видели Курта.

Рюкке внимательно разглядывал небо, зеленые всполохи на нем и в особенности огромную колонну смерча, которая уже казалась совсем близкой. Торглер и Рюкке двигались через заснеженный двор

по направлению к portalу. Он представлял собой овал, нарисованный черной краской на стене третьего корпуса. По кромке овала непрерывно сновали серебристые змейки. Это был один из типов некробатарей, еще один подарок Отца Водана. Выбор точки, в которую предстояло переместиться, осуществлялся при помощи специального агрегата размером с платяной шкаф. Он являлся сложной комбинацией шестеренок, пружин и вовсе непонятных механизмов. По инструкции калибратор портала должен был защищать от снега и ветра шкаф из пуленепробиваемого стекла. Но в данный момент над механизмом стыдливо трепыхался на ветру лишь навес из брезента. После того, как стеклянный шкаф исчез и сменился этой дерюгой, Торглер стал всегда носить с собой все вещи и документы, которые могли бы понадобиться ему, задумай он немедленно покинуть Меллерн.

— Не повезло тебе, — внезапно пробормотал Торглер с искренним сожалением в голосе.

Офицеры редко разговаривали с заключенными. В основном это был короткий обмен репликами: «Ты крылатая вонючая свинья! Повтори! — Я крылатая вонючая свинья!». Но Рюкке услышал в голосе шарфюрера совершенно незнакомые нотки. Не понимать, что для лагеря Меллерн скоро все закончится, Торглер не мог. Близость смерти делает с людьми интересные вещи. Иногда, как и сейчас, люди становятся болтливыми. Уж не собирался ли шарфюрер извиниться?

Ангел перевел на Курта вопросительный взгляд.

— Они уже близко, — сказал Торглер, кивнув в сторону смерча. — Они спасут всех остальных твоих родичей. Ты будешь последним заключенным, погибшим в Меллерне. Всех остальных они освободят. Но запрос поступил, и я должен был выполнить его, — педантично добавил он. — Тебе, наверное, интересно, почему я выбрал именно тебя. Ну, во-первых, я должен был выбрать хоть кого-нибудь, а во-вторых, тебя удостоили высокой чести — тебя принесут в жертву во время священного ритуала.

Пасть Рюкке распахнулась, продемонстрировав множество мелких, как иголки, острых зубов. Раздался такой звук, с каким пила вгрызается в промерзший ствол дерева. Курт вздрогнул — слишком много неприятных воспоминаний у него было связано с этим звуком. И тут он с большим удивлением понял, что это было.

Ангел смеялся.

Торглер пришел в ярость.

— Проиграть сражение — это не значит проиграть войну, — сказал он сухо. — Мы просто сворачиваем линию фронта, вот и все. Легионы бутилированного воданюгенда отбросят и уничтожат врага! Благодаря магии Отца нашего Водана мы научились обходить стадию

взросления, из раскупоренной бутылки — прямо в бой! Это не люди, это живые винтовки! Наши ребята в Пеенемюнде уже приготовили оружие возмездия! Это такая огромная бомба, что ее понесут два дирижабля!

Рюкке расхохотался так, что был вынужден упереться рукой в стену четвертого корпуса, мимо которого они как раз проходили. Смех сменился кашлем — мучительным и сухим. Те ангелы, что выживали после опытов, умирали от туберкулеза. Сырой климат Земли был не для них. Торглер и сам чувствовал, что его тирада прозвучала неубедительно и жалко. Он не верил в то, что говорил.

«А вот отец тоже не верит, подумал Курт с завистью, — но когда он говорит то же самое, заслушаешься!»

Рюкке справился с кашлем. Курт уже хотел дернуть ангела за цепь, чтобы идти дальше, как тот произнес на своем хрипящем и щелкающем языке:

— Неизреченного не смог остановить даже его брат, что ему ваши бутилированные живые винтовки... Хастур не может вернуться домой. Так же и как мы. Он думает, что Шаб-Ниггурат виновата в этом. Он думает, что это Шаб-Ниггурат призвала его сюда. Он идет к ней, чтобы заставить вернуть себя обратно... Хастур никогда не интересовался Землей. Она тесна для него. И чтобы Хастур заступился за нас, ночных мверзей... ох-ох-ох!

Рюкке снова расхохотался и закончил сквозь смех:

— Да ему все равно, кого жрать! И это жертвоприношение...

— Хастур — это архангел Гавриил? Так он тоже из Награнека? — спросил Курт.

Рюкке от удивления даже перестал смеяться своим булькающим смехом. Рюкке двинулся дальше, едва не потащив Курта на цепи за собой.

— Заключение, я задал тебе вопрос, — резко произнес Курт.

Рюкке посмотрел на него своими большими глазами цвета застоявшегося гноя. Обычно ангелы скрывали свои лица магией, и безликие враги приводили людей в ужас. Но сейчас Рюкке был не в силах натянуть на себя магическую маску и Курт, пожалуй, жалел об этом. Эстетического удовольствия лица ангелов не вызывали. Совсем наоборот.

— Я не знаю, как Хастур сейчас называет себя, герр шарфюрер, — ответил Рюкке по-немецки. — Но это он ведет то войско, что приближается к нам. Видите этот зеленый смерч? Это Хастур и есть. Но он не из Нгранека. Нгранек — это не мир, а просто гора, на которой мы живем... жили.

— Откуда же он? — спросил Курт, догнав заключенного и уравнив с ним свой шаг.

Рюкке пожал плечами.

— Может, с Юггота, а может, еще откуда, — сказал он. — А откуда вы знаете наш язык, герр шарфюрер?

— Сначала фюрер думал, что вы — загримированный десант русских, — рассеянно ответил Торглер. — Они еще безумнее, чем вы, от них всякого можно ожидать... Меня послали переводчиком на Восточный фронт, потому что русский я знаю. А пришлось вместо этого выучить ваш язык. Я спрашивал твоих родичей, откуда они, и все говорили, — Курт перешел на язык ангелов: — «Нгранек, долина Ленг, господин офицер. Где живем? В подземных лабиринтах, господин офицер». В протоколах мы писали, конечно, «Москва», но...

«Так вот почему он заговорил со мной», сообразил Рюкке.

Страх неотвратимой скорой смерти не был единственной причиной странного поведения шарфюрера. Никто из людей никогда не разговаривал с ангелами, равно и как ангелы не пытались сказать что-то людям. Торглеру же, как выяснилось, доводилось беседовать с ангелами — поэтому ему не казалось это чем-то странным или недостойным.

Курт вдруг резко дернул за цепь. Рюкке упал. Из-за угла здания вылетела машина начальника лагеря. В окне машины мелькнуло его перекошенное лицо — судя по всему, он кричал шоферу: «Быстрее, скотина! Быстрее!». Из-под колес машины взметнулась волна снега и грязи, обдав ангела с ног до головы. Курт проводил машину взглядом.

«Вот и все. В канцелярии нас уже списали», подумал Торглер.

Он снова глянул на небо. Зеленый столб смерча был уже так близко, что можно было разглядеть отдельные завитки в его растрепанной короне. Рюкке тем временем, отряхиваясь, поднялся с колен. Человек и ангел двинулись дальше.

— А почему тебя веселит жертвоприношение? — спросил Торглер, снова переходя на свой родной язык. — Неужели ты так устал от жизни?

— Ну что вы, герр шарфюрер, — ответил Рюкке. — Любая жизнь лучше смерти. Просто жертвоприношение им, вашим жрецам, не поможет. Почему Шаб-Ниггурат так отчаянно сопротивляется Хастуру?

— Ты называешь Шаб-Ниггуратом Отца Водана? — уточнил Курт.

— Она, скорее, Мать... — ответил Рюкке. — Шаб-Ниггурат так яростно бьется с войсками Хастура, потому что знает — она не может вернуть домой ни его, ни себя. А когда Хастур поймет это, он убьет ее. Это не Шаб-Ниггурат призвала сюда Хастура и нас, ночных мверзей. Это сделали ваши жрецы.

— Аненербе, — пробормотал Курт.

— У них в руках есть, видимо, пара мощных артефактов... но обращаются они с ними, как ребенок с гранатой, — продолжал Рюкке. — Они подобны хозяину дома, который распаивает дверь и втаскивает за шиворот первого подвернувшегося под руку прохожего. Сначала они втащили нас. Когда они открыли эту дверь второй раз, они хотели вышвырнуть нас обратно. Мы были бы весьма рады этому, герр шарфюрер... Но эта вертушка работает только на вход. Так Шаб-Ниггурат оказалась здесь. Видимо, ваши жрецы открывали эту дверь еще несколько раз — ведь Хастур как-то попал сюда. И теперь хотят снова открыть ее — моей кровью. Я даже не знаю, кто окажется у вас в гостях после этого. И лично я рад, что я этого уже не узнаю.

Разговаривая так, они дошли до портала.

Курт зацепил звено цепи за специально для этих целей предусмотренный крюк, вделанный в стену здания рядом с порталом. Раньше полагалось вставить личный ключ в скважину в стеклянном шкафу. Но теперь портал мог открыть каждый, и этот бардак очень раздражал Курта. Торглер передвигал рычажки и сдвигал стрелки. При этом сверялся с какой-то бумажкой, которую вынул из кармана. Закружились шестеренки, заскрежетали цепи. На дороге, огибавшей концлагерь Меллерн, затарахтело, раздалось истерические выкрики. Торглер нахмурился, не отвлекаясь от процесса. Мимо холма, на котором стоял Меллерн, уже бежала отступающая армия. У него оставалось минут десять, чтобы убраться отсюда.

После настройки необходимо было подождать несколько минут, пока портал придет в состояние готовности.

— Хочешь сигарету? — спросил Курт.

Рюкке поднял на него глаза:

— Да.

Торглер сунул ему в рот сигарету, поднес горящую спичку и зажег от этой же спички свою. Они молча курили. Рюкке понимал, что это конец. По выходу из портала жрецы людей, скорее всего, сразу бы оглушили его инъекцией волшебного эликсира. Здесь очень любили делать разнообразные инъекции. Но чего Рюкке не понимал — как человек, который знал столь многое и оказался не таким круглым идиотом, как часовые около пятого корпуса, мог по-прежнему скрупулезно исполнять безумные приказы. Торглер докурил и бросил окурки на снег. Рюкке же курил медленно, растягивая оставшиеся у него мгновения.

Курт внезапно дернул за цепь, пригибая голову ангела к себе. От неожиданности Рюкке выронил сигарету. Курт наматывал цепь на руку, заставляя ангела сгибаться все сильнее. Когда лицо ангела оказалось прямо напротив его лица, Торглер достал из кармана ключ, приподнялся на цыпочки и открыл им серебряные скобы, сжимавшие

крылья Рюкке. Тот громко выдохнул. Крылья ангела расправились. Окровавленные скобы отлетели в слякоть. В глазах Рюкке на мгновение вспыхнул так хорошо знакомый Торглеру желтый огонь. Но именно в этот момент ангел обнаружил, что ствол табельного «Вальтера» упирается ему между глаз.

— Без нервов, без нервов, — тоном опытного дрессировщика сказал Курт.

Держа одной рукой пистолет, а другой открывая ошейник на ангеле, Торглер жалел только о том, что у него нет третьей руки — зажать себе нос. Вонял ангел неимоверно.

Ошейник, лязгнув, упал в размякший снег. Торглер проворно отступил назад, по-прежнему держа ангела на мушке. От движения зазвенела цепь, которую он намотал на руку.

— Лети, — сказал Курт. — Тебе же для этого нужны крылья.

Рюкке не шелохнулся. Только обтрепанный край его кожистого крыла дрожал под ветром.

— Герр шарфюрер желает поупражняться в стрельбе по летающим мишеням? — осведомился Рюкке. — А как же запрос из канцелярии? Им нужен...

— Лети, идиот! — повторил Торглер. — Охранников на вышках уже нет, они драпанули сразу за начальством!

И тогда Рюкке понял:

— Ты тоже бежишь.

— Ну конечно, — сказал Торглер. — Я готов драться за фюрера, народ и родину. Но мой фюрер мертв. Немцев больше нет — одни бутилированные живые винтовки, а моей родиной правит демон. Я не буду служить одному демону в борьбе против другого!

— И ты знал... — начал Рюкке и осекся, потому что Торглер нетерпеливо помахал рукой с пистолетом.

В лицо Курту полетела холодная осклизлая крошка. Одним мощным движением ангел поднялся в воздух и исчез во тьме. По поверхности портала уже бежали серые зигзаги — можно было производить переброску. Ночная тьма съеживалась серой тряпочкой. Но вместо солнечного света концлагерь Меллерн накрывало зеленое сияние. И оно становилось все ярче.

Торглер сбросил цепь с руки. Из-за раскрытой дуги ошейника на своем дальнем конце она походила на дохлую змею с распахнутой пастью. Торглер шагнул в портал — на всякий случай спиной вперед.

Повернуться спиной к свободному ангелу он просто не мог.

* * *

Часовые твердо знали, что делать, если они увидят ангела. Стрелять. Но не увидели его, хотя смотрели на захлестываемый зеленым сиянием лагерь во все глаза — и со все возрастающим смутным беспокойством. Они ждали приказа, но так и не дождались его.

Часовые не знали, что в начальника концлагеря был вживлен амулет, благодаря которому канцелярия Убертотен всегда могла узнать, где он находится. И когда начальник покинул лагерь, Меллерн просто списали с баланса.

Рюкке упал на пупсов сверху. Он даже не стал применять мрачно известную магию ангелов. По затылкам бутилированных близнецов со свистом прошла серебряная цепь. Серебряные челюсти ошейника раскрошили затылок одного из близнецов.

* * *

И для некросканирования, и для переброски через порталы использовался один и тот же источник энергии — неукротимая ярость неживого пространства Убертотен, ненависть упорядоченного Хаоса к хаотическому порядку Жизни. Но путешествия через порталы всегда нравились Курту гораздо больше некросканирования. Когда Курт входил в портал, он словно бы оказывался реке из теплого шелка, которая медленно несла его.

Услышав голос, он внутренне весь сжался. Канцелярия не получила свою жертву, и теперь нашла его! Но ведь они должны были махнуть рукой на лагерь Меллерн после того, как его начальник бежал!

Тут Курт узнал свистящий акцент и испытал невыразимое облегчение. Разумеется, ангелы тоже могли найти в Убертотен кого угодно. А уж тем более ангелы, чью магическую силу больше не сдерживал серебряный ошейник.

«Желтая звезда», — сообщил Рюкке.

«Я так и знал, что во всем виноваты евреи!», в сердцах воскликнул Курт.

И снова ржавая пила с натугой впилась в мерзлую древесину. Торглер непроизвольно закрыл уши руками.

«И как же все, что я ненавижу, смогло собраться в одном существе?», в бессильной ярости подумал он.

Отсмеявшись, Рюкке сказал:

«Нет. Золотой.. гм... в общем, он похож на золотое зерно, в сечение которого положен шестиугольник, — ангел тщательно подбирал слова. — Это — Сияющая звезда Хастура. Если что-нибудь и может вернуть его домой, то только этот артефакт. Звезда Хастура точно на Земле — слуги Нирлатхотепа принесли ее сюда очень давно. Но вот где она... Найдите ее, если хотите избавить Землю от Хастура».

Голос его слабел — Торглер удалялся от ангела.

«А Шаб-Ниггурат?, — крикнул Куртт изо всех сил. — Как избавиться от Шаб-Ниггурата?»

«Не знаю, — честно признался Рюкке. — Попробуй найти пнакотические манускрипты... хотя бы их фрагменты тут должны быть!».

Курт понял, что сейчас ангел перестанет его слышать, и прокричал:

«Спасибо, ангел Рюкке! Прощай!».

В ответ Рюкке произнес с силой, хоть и чуть насмешливо:

«Я — ночной мверзь!»

* * *

Ужас холодными струйками стекал по стенам, заполнял бункер, выдавливал из него теплое дыхание мверзей, просачивался внутрь, опутывал мысли ледяной паутиной. Рюкке лежал рядом с Ремме и думал о том, что кровь второго часового, которой он писал руны на крыше бункера, под конец уже начала сворачиваться. Вязь заклинаний должна была отвести глаза Хастура от бункера, заглушить в его ушах биение сорока двух сердец и не дать ему ощутить пульсацию сорока двух жизней. А если Хастур все же заметит их — из-за некачественно написанных рун? После того, как Хастур замечал кого-нибудь, от этого кого-нибудь оставалась лишь высосанная оболочка, сухая и легкая.

— А из него вышел бы неплохой мверзь, — задумчиво произнесла Ремме. — Помнишь, как тот художник, как его...

Рюкке был только рад отвлечься от мрачных мыслей. Он сразу сообразил, о ком говорит Ремме.

— Нет, не вышел бы, — усмехнулся Рюкке. — Для этого он слишком любит порядок.

— Да, — вздохнула Ремме. — Такова его раса.

* * *

Курт Торглер сидел на веранде гасиенды и уплетал бобы с тушенкой. За оградой кричала в сумерках птица, названия которой он не знал, но не сомневался, что расцветка ее перьев такая же болезненно-яркая, как и у джунглей вокруг. Координаты этой гасиенды и передал ему отец, когда Торглеры стояли под картиной фюрера в тихом закутке выставочного зала, и красный шарик парил в нарисованном небе.

— Сияющая звезда Хастура, — задумчиво повторил Эрнст Торглер.

— Да, — ответил Курт, жуя. — Мы должны найти ее.

Эрнст Торглер поднял на сына бесконечно усталый взгляд человека, который успел поработать и на Тельмана, и на Геббельса.

— Должны? — тихо переспросил он.

— Да, — энергично кивнул Курт. — Ты же сам видишь, эти твари, выползшие неизвестно откуда... Они стали кошмаром людей всей Земли. Ну вот, мы с тобой сбежали. Но нельзя же убегать вечно, папа. Даже здесь, в Аргентине, уже начинается то же самое. Кецалькоатль этот...

Он посмотрел на отца. Эрнст увидел перед собой того мальчишку, который дрался на баррикадах, свидетельствовал на Лейпцигском процессе и долбил в мерзлой земле могилы для своих товарищей по советскому концлагерю.

— Эти боги стали нашим кошмаром, — повторил Курт. — Но это неправильно. Мы, люди, должны стать их кошмаром!

Эрнст Торглер вздохнул.

— Когда у тебя будет сын, — сказал он с грустной улыбкой. — Никогда не занимайся при нем революционной деятельностью.

Курт смутился. Некоторое время над верандой плыли лишь колечки дыма, которые пускал Эрнст из своей трубки.

— А он неплохой парень, дядя ангела, — вспомнив что-то, заметил Курт.

И добавил с досадой:

— Если бы он еще и не вонял!

Юрий Погуляй Плохой Йорр



Немой умер так же, как и жил — молча. Стрела дикаря, прячущегося где-то в круговерти метели, пробила Избранному горло.

Вух — хрррр. Звуки смерти. Полет тяжелой стрелы и агония угрюмого Немого. Йорр Смертоносец наблюдал за ней, спрятавшись за обледенелым валуном. Громила Ластер, шестифутовый монстр Его Величества, закрылся щитом у соседнего камня, шагах в двадцати западнее.

Немой несколько секунд стоял, неуклюже пытаясь достать стрелу и хрипя, словно загнанный мерин, а потом безмолвно рухнул лицом на камни.

На спину поверженного воителя падал снег. Скоро он перестанет таять.

Смерть Немого означала, что Йорр и Ластер последние Избранные в этих гребаных горах. А значит, король должен быть доволен. Он, шлепок ячьего помета, *обязан* быть доволен. Потому что это было осознанное предательство. Когда всколыхнулась провинция и на городских площадях вздернули старейшин — в форт у перевала, где с парадной миссией оказались Избранные Дракона, стоило отправить подмогу. Сотня клинков в помощь, да приказ атаковать — и мятеж бы в ближайшем городке закончился. А там один за другим под сапогами бронированных героев одумались б и остальные.

В груди заболело, заекало. Йорр стиснул зубы от бессильной ярости, легонько стукнулся затылком о валун.

Венценосный предатель бросил своих Избранных, словно и не отбирал их по всей стране. Восемнадцать героев королевства. Ходячие истории ячьего солдатского успеха! Но, мать, сложно вдохновлять испуганный гарнизон байками о былых подвигах, когда вокруг форта горят леса, а среди поднявшихся супротив короля крестьян появляются хорошо вооруженные наемники да татуированные северяне из Норлана.

Король приказал стоять до последнего и ворота не открывать. Так что Избранные с напускным гордым и уверенным видом ходили на стенах, солдаты гарнизона кисло думали о конце земного пути, а «дикие гуси» внизу строили требушеты.

Время неторопливо шло, вязкое от чада горящих сосновых боров.

Когда голубь притащил весть, что короля сожгли на костре (как водится — на главной площади столицы) и власть переменялась — герои мертвого владыки решили, что ждали достаточно. Оставив гарнизон, они вышли из форта и кровавой бороной вспахали сброд ополченцев. Разметали конями сонных норланцев, втоптав полутолых дикарей в землю. Торжественный прорыв немного завяз в схватке с бронированными наемниками, но, потеряв троих Избранных, отряд все-таки пробился сквозь лагерь осаждающих и ушел в горы.

— Сука, — прохрипел Йорр, чувствуя каждое слово воспаленным горлом. Собрал колючую слюну и плюнул. Лоб горел, в ушах звенело. — Ячье говно.

Белые стрелы с голубыми нитями полетели в Избранных в первый же день. Одинаковое оперенье значило, что за ними пошел всего один северянин. Всего лишь *один гребаный норланец*,

отстреливающий непобедимых героев Его Величества, как каких-то оленей.

Все, кто ушли ловить ублюдка — не вернулись. Поначалу Йорр думал, что доблестные братья просто сбежали, воспользовавшись непрекращающимися буранами на перевалах. Но на вторую ночь их путешествия из темноты одна за другой прилетели пять отрезанных голов. Все, как на подбор. Гарр Медведь, Ростер Богодельник, Скарт Выпивоха и братья Трехпалые. Безглазые, безъязыкие головы с обглоданными щеками.

От второй погони дикарь ушел. А потом еще и косматую башку Смелого подкинул: Первый Меч королевства отбился от отряда в метел.

Так, после смерти Немого, их только двое. Йорр потер горящий лоб. Утром Кровавый Глаз остался в засаде, надеясь убить стрелка. Они пытались убедить взбешенного воина бросить глупую затею, но тот не послушал. Герой Харагоры, возглавивший четыре года назад прорыв в осажденную крепость, добровольно ушел в белое безмолвие, чтобы остановить норланца. Его голову, Йорр был уверен, северянин пришлет ночью.

Он закашлялся. В груди с каждым днем болело все сильнее. Даже спать приходилось полусидя. Дурной знак.

Йорр с неприязнью посмотрел на Ластера.

Тот стоял чуть поодаль, привалившись плечом к огромному камню так, чтобы отгородиться от невидимого стрелка. Лезвие широкого меча одноглазый гигант положил на массивный наплечник. За спиной Ластера торчало древко штандарта с королевским гербом. Дракон возвышался над головой Избранного.

Знак короля-предателя. Такой же был у Немого. И чем он ему помог?

Валун, за которым прятался Ластер Непробиваемый, таял в небытии пурги и облаков. Гребаные горы. Гребаный снег. Гребаное все!

Ветер с воем швырнул за шиворот еще одну горсть снега, и Йорр с шипением поднялся на ноги. Тяжелый плащ, подбитый промерзшим мехом, тянул к земле сильнее, чем вороненая кольчуга и зимние одежды под ней.

Йорр пригнулся и, пошатываясь, добрался до соратника. Спрятался позади гиганта и перевел дух.

— Я никого не вижу, — сказал Ластер и повернулся. Шарф, закрывающий почти все лицо Избранного, да и повязка на глазу — обледенели. Кожа побелела, ресницы покрылись инеем. Но могучий голос по-прежнему легко пробивался сквозь вой ветра.

Йорр промолчал. Он прислонился к валуну, чувствуя, как дрожат от слабости ноги. Все что угодно за теплую комнату и мягкую кровать. Все что угодно. И бочку горячего эля. Обязательно горячего!

— Завтра должны добраться до долины, — не дождался ответа Непробиваемый.

Смертоносец фыркнул насмешливо, но тем и ограничился.

— Уныние убивает быстрее стрелы, — понял намек Ластер.

— Расскажи это Немому, — буркнул Йорр. У него в груди дрожала непонятная струна, звук расходился по жилам, отдавался в костях. Все тело звенело.

Непробиваемый промолчал. Белый мех сброшенного капюшона играл с ветром, темные волосы покрывались инеем. Йорру вдруг захотелось натянуть капюшон на голову приятелю, потому что от этого зрелища ему самому стало холоднее.

— Не хорони нас раньше времени, — сказал Ластер. — Это не так-то просто — похоронить Непробиваемого.

Смертоносец прикрыл веки, сдерживаясь от едкого комментария. Он знал, что у них обоих нет шансов. Либо замерзнут тут, в горах, либо их подстрелит та северная мразь, либо, самое обидное, их возьмут в долине и повесят из-за штандарта Непробиваемого.

В груди заворочался кашель, рванулся наружу, и Йорр согнулся в конвульсиях. Посмотрел на рукавицу в страхе увидеть капли крови. Чисто. От сердца чуть отлегло, и он повеселел. Больше всего на свете Смертоносец боялся болезней. А это так, ерунда. Простыл. Ячий ветер, гребаный холод. Ничего страшного.

Ластер терпеливо ждал, а Йорр переводил дух и думал, почему в итоге выжили только они? Почему из восемнадцати Избранных, брошенных на произвол судьбы на окраине королевства, больше всего протянули Немой и Ластер, которые так и не сняли штандарты. В момент, когда преданные правителем герои с руганью отламывали с панцирей древки и втапывали символ черного дракона в грязь — эти двое остались в стороне. Но и не мешали. Вот только злобного Шэра, попытавшегося срубить штандарт Ластера, без слов заколол Немой. Буднично, без эмоций. Так, как умел убивать только он.

За ушедшего к Гнилому Богу ублюдка никто не заступился. Характер у Шэра был тот еще. Йорр и сам несколько раз хотел выпустить южному насекомому холеные кишки, но сдерживался. Поднявший руку на Избранного — кровный враг Избранных. Сколько дней прошло с того момента? Сейчас Йорру казалось, будто минута целая жизнь после того, как они ушли в горы. А на самом деле...

Так, трое погибли у форта. Пятнадцать. Смертоносный облизнул пересохшие губы, молясь, чтобы Ластер дал ему отдохнуть еще немного.

Да, пятнадцать. Потом Шэр, у той тропы. Потом стрела нашла Ларса Щекотунчика. Тринадцать. Потом ушли те пятеро. На вторую ночь их головы вернулись в лагерь. Кончился Смелый. Семь. На следующий день северянин забрал Буревестника — шесть, позавчера прикончил Радужного — пять. Вчера пристрелил Невидимку — четыре. Проклятье! Выходит, шесть дней идут?!

Надо было остаться в гарнизоне. Кто, кстати, предложил уходить через горы? Не покойный ли Шэр?

Йорру показалось это смешным, и он хихикнул, а спустя миг вновь закашлялся. Почувствовал на себе взгляд Ластера.

— Нам надо идти, Йорр, — сказал товарищ.

— Зачем?

— Он убивает раз в день, Йорр, — улыбнулся Ластер. — Неужели ты не заметил? Если мы завтра, а то и сегодня спустимся в долину — ему конец. Здесь его стихия, а там...

Смертоносец коротко кивнул, отлепился от камня.

— Он больше не выстрелит, — Непробиваемый первый вышел из укрытия. Широкое лезвие по-прежнему лежало на наплечнике.

— Ненавижу, мать их, северян, — вместе со словами наружу вырвался жутковатый сип. Йорр замолк, прокашлялся.

— Как-то раз мы были в рейде с Трехпалыми, в краях дикарей, — проговорил Ластер, — после их налета на одну деревеньку король дал приказ, и мы с двумя десятками клинков прочесали несколько пещер.

Йорр не хотел слушать продолжение. Эту историю Ластер рассказывал регулярно.

— Нашли их логово, вырезали ублюдков, а в соседней пещере шесть мычащих свертков. Опоенные, безглазые, безязыкие. У троих уже ни рук, ни ног, а все еще живые. Спящее мясо. А на вертеле, на ячьем говне, ляжка жарилась. У меня весь мир перевернулся, когда я это увидел, — Ластер странно посмотрел на Йорра. — Весь мир. Идем.

Метель взревела, толкнула Непробиваемого в спину. Йорру вдруг захотелось, чтобы его сдуло к Гнилому Богу с такими рассказами. Почему-то мысль получить стрелу стала теплее, чем перспектива накормить северянина.

Смертоносец вышел из-под защиты валуна. Меж лопаток зачесалось, будто кто-то наметил там точку для стрелы. Ластер шел первым и маячил гребаным штандартом мертвого короля.

Гаупец.

А еще ублюдок, из-за которого Йорр чувствовал себя предателем. Себя, а не отправившегося к Гнилому Богу Дракона. Потому что содрал штандарт ради мнимой безопасности. Там, в долине, за герб убитого владыки теперь повесят на ближайшем дереве. Вместе со всеми, кто путешествовал рядом. Но из-за гордыни Ластера Йорр и знамена предал, и все одно повстречается с плетеной вдовой.

Надо перерезать ему горло, когда они уйдут с этих поганых гор. Не раньше. Один Смертоносец до долины не доберется. Так что пока соседство с ходячей вывеской «Хэй, я верный раб дохлого куска ячьего помета» нужно потерпеть.

Через полсотни шагов его опять скрутил кашель. Он едва не рухнул на камни, но рядом оказался Непробиваемый и придерживал товарища, пока легкие Йорра скручивало от боли.

Шесть лет назад, во время битвы у Эррстауна, Йорр Смертоносец полдня один удерживал обозную дорогу. После костоправы насчитали на теле Избранного больше сотни ран. Он чудом не кончился тогда, но до последнего улыбался.

А этот проклятый кашель...

* * *

Небеса чуть приподнялись над промерзшим плато, но вокруг по-прежнему бурлило белое море. Облака смешивались со снегом, цеплялись стылыми пальцами за зубья скал. Йорр отметил это лишь краешком измученного сознания и ни на миг не обрадовался переменам. Хотя это значило, что вскоре они выйдут на долгий и утомительный спуск, во время которого неохотно начнет возвращаться забытое уже тепло. Йорр еле переставлял одеревеневшие ноги. Уши давно заложило, ноздри смерзлись. Горло и грудь раздирала боль. Он почти не чувствовал пальцев на ногах, но еще шел.

В голове стучал какой-то детский стишок. *Разик дваик вырву глазик. Выву глазик разик дваик.* Шаг — *разик*, два — *дваик*. *Выву* — нога подвернулась, *глазик* — остановился, отдышался.

Ластер держался чуть позади. Йорр слышал его шаги и то, как срываються вниз полчища мелких камешков.

Светлое пятно солнца сместилось к закату. А это значило только одно.

Он убивает раз в день, Йорр

Завтра ублюдок застрелит кого-то из них двоих. Либо Ластера, либо Йорра. Сказки о путешествии в долину и сказочном возвращении

не будет. Смертоносец вдруг улыбнулся, ощутив, что мысли о благословенной стреле его согревают. *Вздох* — и тепло. И нет боли.

Неужели именно так люди перестают бояться смерти?

Йорр на миг закрыл глаза. Всего на секунду. Но мир потемнел, пошатнулся. Смертоносец понял, что падает.

И рассмеялся теплomu мраку.

Когда очнулся — в висках пульсировала боль, глаза болели, все тело ломало так, что хотелось вывернуться наизнанку. Йорр простонал, разлепил веки и уставился на свод пещеры с пляшущими тенями. Кожа на лице, совсем мокрая от растаявших соплей и снега, горела огнем. Рядом потрескивала жиром лампадка. И никакого ветра! Святая сталь, как же хорошо без ветра!

Воин с трудом сел, чувствуя боль во всем теле. Пальцы на ногах просто выворачивало. Он обнаружил, что практически раздет. Лишь исподнее, да теплый плащ — как одеяло. Ластер снял его с трупа Невидимки и держал в дорожном мешке сухим.

— Ты как? — спросил осунувшийся товарищ. Избранный сидел рядом. Его глаз будто провалился в череп и потух. В черных волосах, собранных в хвост, сребрилась седина.

— Где мы?

— В пещере. Тут тепло. Было непросто затащить тебя сюда.

Йорр мигнул, осознавая слова товарища.

— Ты потерял сознание на переходе, — пояснил Ластер.

Йорр понял, что все могло закончиться тихо и спокойно. Что он уже мог быть нигде и никогда, без шанса попасть в руки разъяренной толпы, без шанса получить в спину стрелу дикаря, без шанса оказаться на виселице новых властей. Смерть без позора — как бы это было здорово.

— Подежуришь? Сможешь? — проговорил Ластер, дождался кивка и лег на расстеленный плащ. Из-за лампадок воздух в пещере заметно прогрелся. Йорру не было так тепло уже несколько дней.

В груди бурлило и клокотало, губы распухли и болели. Живот крутило. В пещере воняло мокрой шерстью и давно немытым телом. Йорр сглотнул, чувствуя, как дерет горло, сел поудобнее.

Что если бы упал Ластер, потащил бы Йорр его тело в пещеру?

Он убивает раз в день, Йорр

Пересохшие губы треснули от слабой улыбки. Ну да, сейчас нужно держаться товарищей, невзирая на то, бросили они штандарт или нет. А завтра можно подставить под стрелу обессилевшего попутчика. Ты такой же, как и я, Ластер. Такой же, как и я.

Если Непробиваемый прав, кто поручится, что дикарь не изменит своим «традициям»?

Потому что этот ублюдок мог перестрелять их в первый же день. Потому что он из тех, кто жрет еще живых людей.

Йорра затошнило, и он несколько минут боролся с дурнотой, а когда отпустило — с трудом встал на ноги и, шатаясь как пьяный, побрел в угол пещеры — справить нужду. Каждый шаг пронзал тело болью. Пальцы ног совсем плохи, как бы ни пришлось их резать. Йорр неожиданно для себя понял, что того героя, каким он был, больше нет. Хотя бы из-за тех мыслей, что посетили его сегодня. Из-за всех тех гребаных мыслей.

Ему всегда хотелось быть хорошим человеком. Но при этом остаться собой. До недавних пор он считал, что это возможно.

А потом прозрел...

И Ластер со своим штандартом такой же. Вроде бы благородный, честный, но по сути... Завтра он бросит Йорра на переходе и уйдет вниз, в долину. Это бесспорно. Но как только Смертоносца пронзит стрела дикаря — Непробиваемый снимет штандарт. Потому что ему стыдно показать свое истинное лицо. Потому что он хочет казаться лучше. А все люди одинаковы. Просто... Главное ведь не то, что ты мыслишь, а то, что ты делаешь, ведь так? Что ты *делаешь*, когда тебя *не видят*.

Йорр уперся рукой в мокрые камни, перевел сиплое дыхание, чувствуя, как болезненно екает сердце. Услышал шорох и застыл. Справа от него посыпался снег... Только сейчас Избранный понял, что стоит у одного из занесенных метелью выходов из пещеры, и кто-то оттуда, снаружи, тихонько буравит в снег отверстие.

Йорр затаил дыхание, бросил взгляд на спящего Ластера. Проклятье. Это что, шуршащий в снегу северянин принес голову Кровавого Глаза? Сердце забилося с надеждой. Если этот дикарь настолько безумен, что захочет сунуть трофей прямо в пещеру, а не бросит его у выхода — то...

Из нутра поднялась волна кашля, и Смертоносец едва не взвыл от боли. Заткнул рот, скорчился. Резь в груди стала невыносимой, но дарованный Гнилым Богом шанс нельзя потерять покашливанием.

Внутри что-то словно лопнуло от напряжения, но позыв ушел. Йорр привалился к стене. До меча, оставшегося в глубине пещеры, нужно сделать почти десять шагов. Но Смертоносец не в том состоянии, чтобы бежать за оружием. Впрочем, зачем? Пусть проклятый ублюдок сделает свое дело. Очистит совесть Йорра и избавит обоих Избранных от бессмысленных мучений.

В белом лазу проявилось черное пятно. Расширилось. Охотник по ту сторону изучал освещенную пещеру, а Йорр старался не упасть.

Виски сдавило, взгляд поплыл. А вдруг этот каннибал лишь защитник своего народа, а не озверевший людоед? Вдруг даже он лучше Йорра. Это ведь совсем несложно.

Дыра стала еще больше. Давай, засранец, смелее. Заждались уже.

Йорр, морщась от боли, наклонился, коснулся слабыми пальцами лежащего у стены камня. Прикрыл глаз, чувствуя непроходящий комок в воспаленном горле. В груди зародился кашель, но Смертоносец сдержал и его. Внутри булькнуло, хлюпнуло, будто порвалось что-то еще. А, к Гнилому Богу это!

Дикарь забрался внутрь. Крадучись сделал два шага в сторону лампадки и замер. Вонючее животное в шкурах. Грязное, отсыревшее зверье. От вони северянина у Йорра заслезились глаза. С пояса ублюдка свисала голова Кровавого Глаза.

Ластер всхрипнул, и Смертоносец перевел на него взгляд. Они много раз спасали жизни друг другу. Защищали спины, подставляли плечо — как и следовало Избранным. Даже сегодня благородный подонок умудрился вытащить Йорра из объятий Гнилого. Волочил бессознательное тело по камням, по льду. Искал укрытие, чтобы в нем могли поместиться двое.

Йорру стало совсем мерзко. Вдруг Ластер и впрямь герой? Мудрые люди говорят — не суди других по себе. Вот что если Непробиваемый ни разу не испытывал сомнений, ни разу не думал о плохих вещах? Что если он, Смертоносец, на самом деле просто дурной человек, тщательно скрывавший правду о себе как от окружающих, так и от себя самого?!

Йорр зло ощерился собственным мыслям. Тело вдруг налилось забытой силой. Дикарь даже не успел вскрикнуть, когда Смертоносец обрушил камень ему на затылок. Норланец упал, а Избранный навалился сверху и в исступлении колотил по черепу северянина, пока стук не сменился чавканьем.

Из дыры пробуренной стрелком тянуло холодом. Йорр пошатнулся, сплюнул, и отправился заделывать проход.

Позади него бездвижно лежал охотник за Избранными Дракона. Хороший, наверное, для кого-то человек.

* * *

— Спасибо, — сказал утром Ластер. Они сидели на окоченевшем трупe норланца, готовясь к выходу. Йорр, опершись на рукоять меча,

сжимал-разжимал пальцы ног, чувствуя, как по всему телу проходят волны боли. — Ловко ты его.

На слова товарища он лишь кивнул. Затем поднял голову и посмотрел соратнику в тусклый глаз.

— У тебя никогда не бывало такого, что ты думаешь об одном, а делаешь совсем другое? — неожиданно спросил Смертоносец.

Непробиваемый мигнул, изумленно приподнял косматую бровь:

— Это как?

Йорр хмыкнул, помрачнел еще больше и буркнул:

— Не бери в голову.

Они вышли, когда солнце едва поднялось над горами, раскрасив снежники и ледники в причудливые цвета. Смертоносец хромал, то и дело заходясь в кашле. Ластер шел рядом, придерживая товарища.

После одного из особо выматывающих приступов, Йорр увидел на своей рукавице, которой закрывал рот, капельки крови и быстро стер их, украдкой проверив, не заметил ли товарищ. Слава стали, Непробиваемый гордо смотрел вниз, в долину. Там раскинулся мир, в котором у них, Избранных Дракона, не осталось друзей. Выдохнув, Смертоносец сделал еще один наполненный болью шаг.

Хотя больше всего ему хотелось сесть на камни и отдохнуть под лучами уже теплого солнца. Снежные языки остались далеко позади и выше. Холод оставил Избранных в покое.

— Хочешь присесть? — вдруг спросил Ластер.

Йорр коротко мотнул головой, отказываясь.

К вечеру они закончили долгий и утомительный спуск, оказавшись в небольшой сосновой роще. Ослабший Смертоносец присел на поваленное бревно и понял, что больше не может встать. Виновато посмотрел на соратника, который с понимающей улыбкой побрел собирать хворост для костра.

Йорра колотил озноб, на лбу выступила холодная испарина. Приступы кашля атаковали его все чаще. Ожидая товарища, он лег на землю, скрючившись в позе зародыша. Все тело горело, болело, крутило. Слабость и муки выбросили из головы лишние мысли. Впервые за последние дни Смертоносец не ел себя поедом. Он просто лежал, чувствуя, как угасает его прежде могучее тело.

Вскоре вернулся Ластер. Заботливо развел костер, подтащил Йорра поближе к теплу, укутал его в свой плащ и полез в дорожную сумку в поисках вяленого мяса. Слушая потрескивание сучьев в огне, ощущая на своем лице жар пламени, Смертоносец задремал.

Разбудил его хруст веток. Ластер вскинул голову, прислушиваясь. Затем поднялся на ноги, выхватив клинок.

Йорр зашевелился, пытаясь сесть. Но болезнь уже сделала свое дело. Смертоносец ворочался, как раненый тюлень, неспособный встать. Сипя проклятья, кашляя кровью, он тратил все силы на борьбу с собой, но смог лишь чуть приподняться на локтях.

Из леса вышли люди. Черные силуэты окружили лагерь Избранных, посреди которого стоял готовый к бою Ластер, а за спиной его по-прежнему торчал штандарт Дракона. Вот и все, с облегчением и без страха подумал Йорр. Вот и все.

— Слава Дракону, — вдруг проговорил кто-то.

— Слава Дракону! — звонко ответил Ластер.

Из темноты на свет выходили солдаты короля. Оборванные, грязные, измученные, с лихорадочным блеском в глазах. Но каждый нес с собой знак сверженного правителя. У кого-то герб красовался на примотанных к плечам дощечках, у кого-то дракон скалился с замызганной перекидки. Один из воинов нес потрепанное, обгоревшее по краям знамя.

— Вот уж никак не ожидали увидеть здесь воина короля, — сказал кто-то из незнакомцев. — А этот кто? И почему на нем нет знака короны?!

Йорр понял, что говорят о нем.

Ластер опустил взгляд и холодно улыбнулся. В его потемневшем взгляде Смертоносец отчетливо прочел свой приговор. Конечно, они никогда не были друзьями. У Избранных Дракона вообще не может быть друзей. Их просто объединяли штандарты короля и его враги. И теперь, когда Непробиваемый вышел к своим, а не попался в лапы мятежникам, ему не нужно больше терпеть соратника-предателя. Соратника-дезертира.

Йорр устало откинулся на спину и закрыл глаза. В груди больно kloкотало, во рту стоял отчетливый привкус металла и крови. Но ему было легко. Он разгадал истинную личину Ластера, проступившую в тяжелом взгляде. Непробиваемый ничем не отличался от Смертоносца. Все люди одинаковы.

— Это верный воин Дракона, — вдруг проговорил Ластер. — Избранный Йорр Смертоносец. Человек, до последнего сражавшийся за своего короля. Истовый враг врагов его величества!

Губы Йорра дрогнули:

— Сука...

Но тут на измученную и изумленную душу неожиданно опустилось теплое и пушистое одеяло. Йорру хотелось открыть глаза и посмотреть на проклятого Ластера. Хотелось встать, и от непонятной обиды дать в зубы этому «правильному» ублюдку.

Но вместо этого он расслабленно вздохнул и умер.

Почему-то счастливым.

Андрей Миллер

Wilde Jagd



I

Нет, вот уж уволь: в амулеты всякие я не верю, ни на грош ломаный. Обжегся уже один раз. Ересь это все, лживое колдунство богомерзкое. Дал мне один школяр ладанку: в ней, дескать, записка с заклинанием могучим. Мол, убережет оно меня что от стали, что от пули. Ну и чего? Насадил меня рыцарь на копье, аки букашку на булавку. Месяц помирал в лазарете, ладно бабы полковые выходили — вот им помолюсь. А друг мой, Ганс, тот вовсе чудак-человек. Верил в амулеты проклятушие всею душой. Полез на стену с цацкой святой на шее вместо доспеха. Голову я его отыскал,

остальное — эх... одну голову и схоронил. Аккурат с год назад дело было...

Месяц назад банда наемников выступала в поход под грохот барабанов, при развернутых знаменах, с лихой строевой песней. Теперь, после череды тяжелых боев, что осталось от того прекрасного отряда? Половина полегла в землю вместо семян, а остальные — почти все ранены: вот вам и цена победы, славу которой пожинали блистательные рыцари. Те, кто брезговал коснуться залитой кровью земли, всегда оставаясь на коне.

А они, солдаты, месили худыми сапогами грязь, проваливаясь в нее — кто по щиколотку, а кто и по колено. Полковой капеллан осуждал их за грабеж окрестных деревень: ему-то легко было судить. Он ел досыта, прямо со стола герцога, а провианта в солдатском обозе не хватало еще в начале похода. После первых боев — вовсе не осталось ни крошки. И куда тут денешься?

Война кормит войну, по-другому не заведено. Дитмар, Мирослав и Эрвин это успели усвоить превосходно — хоть им еще и четырнадцать лет не исполнилось. На войне волей-неволей соображаешь быстро.

У солдатского костра все слушали речи старого Йохана. Удивительно, как до сих пор тянул он лямку в строю: с виду — дряхлый старик, но держался стойко и алебардой рубил наравне с молодыми. Вечно отваживал он прочих ландскнехтов от всяких суеверий: Йохан на войне провел уже не один десяток лет и успел лишиться веры что в черта, что в Бога. Мальчикам, конечно, пока трудно было его понять. Потому и слушать старика им не нравилось.

Йохан все говорил что-то. Сгорбленная, иссушенная фигура с жидкими седыми волосами и крючковатым носом: сам похож на черта, если уж так рассудить... Дитмар, Мирослав и Эрвин у костра не задержались. Они пошли вглубь деревеньки, возле которой обосновались остатки отряда.

— Пойдем, хоть развлечемся... а то тут одна тоска.

Эрвину было дурно, очень дурно. Уже вторую неделю страдал он от раны, случайно полученной в бою: пусть мальчишки в строю не стояли, лишь поднося порох и собирая трофеи, но шальная пуля юноше досталась. Плохая рана. Она загноилась, и полковой лекарь тут мало чем мог помочь. Пока Эрвин еще оставался на ногах, но становилось ему с каждым днем все хуже и хуже.

От пуль часто так бывает: они хуже стали, и это уж каждый объяснял по-разному. Одни болтали, что свинец, из коего пули отливают — сам по себе ядовит: как отравленную стрелу получить, только еще и не вытащишь. Другие считали, что пороховое оружие —

от самого Сатаны: благословляет он аркебузира черной силой своей и всякого, кто пулей поражен, проклинает. А городской врач, выучившийся в университете, рассказывал на эту тему что-то больно мудреное. Эрвин его внимательно слушал, да так ничего и не понял.

Дитмар и Мирослав очень хотели хоть как-то его развлечь. Все трое прекрасно понимали, что мальчик может скоро умереть: на войне они давно лишились детской иллюзии о том, что смерть где-то далеко. Рядом она, и моргнуть не успеешь! Но друзья старались не предаваться унынию. Эрвин старался больше всех.

— Что они празднуют, интересно?

Действительно: в центре деревни шли совершенно неуместные в разгар войны гуляния. Чему местным радоваться-то в такой час? Мальчикам было невдомек, что именно потому деревенские и затеяли праздник: устали они бояться и горевать, до смерти устали. Никакого иного повода происходящему не имелось.

Не только детям празднование посреди ужасов войны казалось странным. Одетый в тряпье старик с изъеденным оспой лицом зло бранил веселое гулянье:

— Помолились бы лучше за свои души грешные! Не войско вражеское явится за ними, а сам Косарь, и Дикую Охоту приведет он с собою! Вон, гляньте: и эти приперлися нам на погибель...

Он махнул рукой в сторону лагеря наемников. Известное поверье: дескать, полюбит Косарь банду ландскнехтов за то, что убивают да грабят они пуще прочих — и пойдет за обозом, поведет за собой призрачных всадников. Сам, якобы, вовсе невидимый: только клинок блестит в ночи, как полумесяц. Вжик — и срезал людей, что колосся, утащил их души в свой обоз.

— Умалишенный... — буркнул себе под нос Мирослав.

Мальчики в эти рассказы про призраков особенно не верили. На деревенских-то с городскими война накатывала только время от времени, как морской прилив: а вот сыновья полка полноправно бороздили этот кровавый океан. И знали о нем гораздо больше. Не видали они в военных походах никакого Косаря, и его Дикой Охоты не видали тоже. На войне было много страшного, да только все ужасы эти — от людей.

Впрочем, и совсем не верить не получалось. В какой-то мере вера на войне защищала: неважно, в Бога верить, в черта или в Косаря с эскадроном призрачных рейтаров. Так что не совсем прав был старый Йохан, призывая от всякой веры отказываться. Если глядеть на все, что творилось вокруг, взором чистого разума — так ведь недолго тронуться.

— Да ну его, Мир... пошли уже на праздник. Чего застыл? Пошли, говорю!

Они побрели по деревенской улочке дальше, поддерживая пошатывающегося Эрвина. Там, на небольшой площади, весело переливались звуки лютен, звучало нестройное многоголосье. Парни с девушками пустились в лихой пляс, да и плотно сложенное мужичье не отставало, увлекая за собою нескладных старых жен. Простонародные кавалеры обходились без куртуазных обычаев: они надевали на головы избранницам венки из полевых цветов, и тем скрепляли союз — на этот вечер, по крайней мере. Что уж там дальше станется, едва ли кто-то гадал.

А над деревней полыхал закат. По всему небу Всевышний расплескал яркие цвета, небрежно намалевав разводы кистями, которые обмакнул в краски разных оттенков красного и оранжевого. Казалось, что это вовсе и не закат — а просто небо все в огне, словно павший город. Будто и Небесные чертоги взяла штурмом какая-то армия. Может быть, Косарь со своей Дикой Охотой?

В мальчиках нетрудно было узнать военных — всякому с первого взгляда понятно, что не деревенские. И по яркой одежде, и по коротким клинкам на поясах, да и по общему виду. Но на их появление никто внимания не обратил.

Зато самих юных солдат это веселье с пряным привкусом помешательства захватило мгновенно. Наверное, уж очень хотелось как-то забыться. Лица, вихрем проносящиеся мимо в незамысловатом крестьянском танце, явно отдавали безумием. Выражения их напоминали страшные гравюры в городских книгах: смех искажал черты совершенно неестественно, улыбки вытягивались криво. Голоса сливались в шум вовсе не деревенского праздника, а шабаша на Лысой Горе.

Дитмар тут же пустился танцевать. Его подхватила какая-то веселая девчонка в цветастом сарафане: мальчик тому сопротивляться и не думал, что совсем неудивительно.

— Эка он лихо, ты глянь-поглянь! — искренне рассмеялся Эрвин, на мгновение забыв о своей ране.

— Ну! Авось, и нам с тобой чего... ну... это...

Мирослав слов толком не подобрал, но Эрвин и так прекрасно понял, о чем его друг говорит. Ребята много чего из взрослой жизни успели попробовать, оказавшись в полку. А вот с девушками-то пока не вышло. Что мальчишек вполне естественным образом огорчало, особенно учитывая четкое ощущение, что до завтра-то можно и не дожить.

Так что очень, очень хотелось все успеть поскорее. А то поздно будет.

Мирослав помог Эрвину присесть возле изгороди. Тот нынче в танцоры явно не годился, а потому настали у его друга душевные

терзания. Вроде бы и самому Мирославу охота было поскорее влиться в водоворот танца: но и Эрвина одного бросать тут — как-то не товарищески.

Эрвин быстро прочитал эту мысль на растерянном лице друга.

— Да ладно тебе. Иди, веселись! Я не пропаду тут. Честное слово.

Мирославу неловко было сразу согласиться на такое предложение, но Эрвин настаивал. В конце концов едва ли не пинком погнал он своего друга в тигель всеобщего веселья. А сам устроился поудобнее — так, чтобы рана не слишком болела, и принялся наблюдать.

Больше наблюдал за закатом, чем за веселящимися людьми. В небе, охваченном огнем, виделось нечто куда более завораживающее. Пугающе красивое. Что-то такое, помнится, чувствовал мальчик, тогда еще церковный служка, в родном городе — подле огромного собора. Тот, вонзающийся в небо острыми шпильями, грозящий сверху жуткими фигурами горгулий, был устрашающе величественен.

Но собор был создан людьми: небо, творение Господа, превзойти он никак не мог. Откуда-то издалека доносился гром.

II

Лагерь в поле, ясное дело, не годился на полноценную замену королевскому дворцу — но его все равно пытались сделать соответствующим статусу августейшей особы. В центре ставили роскошно украшенные шатры, внутри них — такую же мебель, как в столице. И даже путь к монаршему шатру устилали коврами, укладывая их прямо на траву.

Рыцари в прекрасных доспехах, красочных гербовых сюрко, с искусной работы нашьемными фигурами, выстроились в идеальном порядке.

— Король идет! — гаркнул фельдмаршал.

Отборные воины вытянулись по струнке, звякнув латами. В их гербовых цветах преобладали красные, желтые, оранжевые цвета: теми же красками было нынче окрашено и закатное небо. Будто полыхало.

Король шел вдоль строя. Спешившись, он своим воинам едва до груди доставал: высочайший титул носил нынче подросток. Иоахим II принял титул от погибшего на поле боя отца каких-то полгода назад — и при дворе поговаривали, что стоило бы тому случиться хотя бы года на три-четыре позже.

Но это лишь поначалу поговаривали. Сейчас никто уже не сомневался: юный король — настоящий государь. Унаследовавший от отца все самое лучшее и успевший развить потребные великой роли качества.

— Мой государь, я клянусь вам: это не сказки. Все, о чем рассказывал, я видел собственными глазами: так же ясно и четко, как сейчас вижу вас. И готов в том поклясться честью своего рода.

Рыцарь шагал рядом с королем, сильно согнувшись: он старался шептать юному монарху на ухо, а сам-то ростом вышел на полголовы выше любого солдата.

— Я не обвинял вас по лжи, сир.

— И я не счел ваших слов обвинением! Просто желаю... убедить вас. Войско, встреченное за бродом, не было вражеской армией. Я способен отличить людей от призраков: в конце концов, когда ты протыкаешь человека — из него льется кровь, и он умирает. Но всадника, что ранил вашего друга, я сам пронзил трижды! Без толку, мой государь.

Иоахим вздохнул и на ходу перекрестился, подняв взор к небесам.

— Значит, одно остается признать: вот кара за все грехи, совершенные на этой войне. Как и говорят предания: явился Косарь, почуяв реки крови. Жаль, что отец не учил меня воевать с призраками.

— Никого из нас этому не учили, государь.

Юный король не направился к своему шатру. Он свернул в сторону — к совсем другой палатке, возле которой сутились лекари с запачканными кровью руками и фартуками.

Там, под матерчатыми сводами, страдал от ран Фридрих — самый юный из рыцарей короля Иоахима. Его ровесник, друг детства: почти что брат, если бы можно было так сказать монарху. Увы, нельзя. Короли могут не все — это детям что угодно простительно.

— Оставьте нас, — велел Иоахим, и никто не промедлил с исполнением его воли.

Фридриху едва достало сил повернуть голову. За последние полгода они с королем почти не успели повзрослеть в обычном понимании этого слова, но все равно сильно изменились. И это совершенно не казалось удивительным.

Раньше-то оба были обычными детьми: пусть один королевского рода, другой — одного из самых знатных в государстве. Они беззаботно играли во дворе, дурачились и шлодили так же, как любые другие мальчишки. Подолгу мечтали о чем-то, сидя на парапете крепостной стены. Злили мудрых учителей непослушанием и слушали сказки старых нянек, затаив дыхание. Все пытались дотянуться до

военных трофеев отцов, слишком высоко подвешенных в торжественных залах.

Дотянулись.

Иоахим лично посвятил Фридриха в рыцари, едва надев корону: пусть по обычаю полагалось тому еще пару лет проходить в оруженосцах, а то и больше. Но король рассудил просто: это раньше они были обычными друзьями. Но теперь их детство окончилось.

— Не смей умирать, — строго сказал Иоахим другу, насупившись.

Фридрих попытался рассмеяться, но не сумел: помешала боль. Только скривился.

— Вам, государь, власть на земле дана от Бога. С ним и потолкуйте, попросите за меня...

— Не богохульствуй! Господь решает, как ему угодно. А я приказываю тебе от собственного имени: не умирай! Ты же... ты же мой друг. И мне никак одному. Особенно теперь...

Суровость с лица Иоахима ушла. Оно дрогнуло, исказилось. Король едва сумел сдержать слезы — он понимал, что Фридрих исполнить его приказ бессилен. И все равно это повеление было повторено:

— Я, как король, приказываю своему рыцарю выжить. И не смей ослушаться.

Мальчишке-королю хотелось верить, что он вправе отдавать такой приказ. Он ведь монарх! Почему он не может?

Фридрих силился внятно ответить, но закашлялся, изо рта пошла кровь. Иоахим помог ему, поддерживая голову. Мальчишка-рыцарь стоял на самом пороге смерти, это очевидно: его настойчиво звали с той стороны, и осталось совсем мало времени на прощание.

— В том-то и дело, Иоахим... — он вдруг назвал короля по имени, чего не делал уже ровно полгода. — Что мы больше не дети, так ведь? Ты король, а я твой рыцарь. Именно это рыцари и делают, правда? Они умирают за своих королей. Нас всегда так учили.

Нечего тут было возразить.

III

Эрвин заприметил ее довольно скоро, когда устал смотреть в пылающее небо. Взгляд теперь скользил по деталям, обрамляющим сцену посреди деревни. Кто-то уже, захмелев, валялся в грязи. Парочки обжимались поодаль, не особо стараясь скрываться. Кто-то бранил сатанинскую, по его мнению, пляску — да только и сам оторваться от нее не мог.

Действительно, тяжелое зрелище: отвратительное своей притягательностью. Неуместный пир посреди войны да бессмысленная попытка в безумии сохранить остатки разума. Этих людей было жалко.

И только одна отличалась от всех. Черноволосая женщина с такими большими ярко-голубыми глазами, что издалека Эрвин поначалу приметил в ней именно эту деталь — а уж после все прочие достоинства. Никто с ней не танцевал. Женщина скромно сидела поодаль, прислонившись плечом к какому-то сараю, и взирала на происходящее без особенных эмоций на прекрасном лице.

Именно женщина, не девушка. Положим, она и не годилась Эрвину в матери, но все же была гораздо старше него. И, пожалуй — самой красивой из всех, кого сын полка здесь видел. А может быть и из всех, кого он встречал когда-либо.

Мучившая мальчишку рана не позволяла забыть о скорой смерти, избежать которой он почти не надеялся — если уж быть честным с самим собой, а не бахвалиться перед товарищами. Не лучший ли момент, чтобы совершать безумные поступки — на которые иначе не решился бы?

Тем более что под руку подвернулся венок из душистых трав и цветов: кто-то нацепил его на торчащую из забора палку, да так и забыл. Эрвин с трудом поднялся: боль не давала покоя, но кое-как идти он еще был в силах.

— Я... ну... это...

Слов толком не нашлось, но мелко дрожащие руки кое-как протянули венок. Незнакомка охотно его приняла.

— Просто... ну... с вами никто не танцует.

— Они меня не замечают, Эрвин.

То, что на столь красивую женщину никто здесь не обращал внимания, поразило мальчишку: он даже не заметил — знакомка откуда-то знает его имя. Сама она назвалась, опередив вопрос Эрвина.

— Берта.

— Берта... красивое имя.

Эрвин pokrивил душой, конечно: имя было самое простое, крестьянское. Скольких Берт он уже успел встретить за время своих скитаний? Но это не имело никакого значения: все, что было связано с этой женщиной, становилось таким же прекрасным, как ее бледное лицо.

Настал миг растерянности — а что же дальше говорить, что делать? Эрвин сам неосторожно завел речь о танцах, но какой из него нынче танцор, с гноящейся раной от оставшейся в теле пули... Мальчик мало представления имел о том, как вообще следует общаться

с женщинами: устройство аркебузы он точно знал лучше. Красота Берты нагоняла то самое беспомощное оцепенение, которое всякому мужчине знакомо — по крайней мере, из воспоминаний юности.

Снова раздался раскат грома: уже куда более близкие, чем прежде. Берта на мгновение отвлеклась от Эрвина, подняв небесного цвета глаза кверху. Ее красиво изогнутые губы почти неслышно прошептали:

— Ты необычный мальчик, Эрвин.

— Правда?..

Не стоило так переспрашивать, это Эрвин сразу понял. Прозвучало слабо, неуверенно, по-детски. Но сказанного не воротишь, слово — что мушкетная пуля: вылетело так вылетело.

— Ну... я на лезть времени не трачу. Ты отважный. Ты бесстрашно пошел под пули и так же подошел ко мне. Это дорого стоит. Вы трое... ты, Дитмар и Мирослав... вы могли бы стать великим людьми, я вижу это. Жаль, что не судьба, правда?..

А вот это прозвучало пугающе. И вовсе не потому, что женщина знала куда больше, чем Эрвин рассказал — да он и вообще слова промолвить о себе пока не успел. Собственная судьба тоже не страшила: Эрвин успел смириться со смертью. Но что значит — «не судьба», для его друзей? Неужели?.. Нет, вот это было ужасно. Невыносимо ужасно. Страх и отчаяние ясно отразились на мальчишеском лице.

— Почему?..

— Ты плохо слушал у костра и в деревне? Косарь идет сюда. А этот праздник... Они приветствуют Косаря, сами того не осознавая. Дикая Охота скачет, и копыта ее коней звучат в небесах громом.

Берта потянула Эрвина за руку, и он послушно опустился на сырую землю рядом с ней.

— Вы все погибнете этой ночью, Эрвин, — страшные слова прозвучали с вкрадчивой мягкостью; женщина коснулась его щеки. — Это уже решено.

Как? Не может быть. То есть, может — смерть всегда дышит в спину, и мальчишки привыкли к ней. Но невозможно, чтобы это было предначертано. Не бывает такого, чего нельзя было бы изменить! Хотя бы для его друзей.

— Я не хочу.

— Ты не хочешь умирать?

— Я не хочу, чтобы они умирали.

Ладонь Берты соскользнула со щеки на шею, проследовала на затылок, тонкие пальцы ласково зарылись в волосы. Другая ее ладонь коснулась лица Эрвина. Это было очень приятное ощущение —

возможно, лучшее, что мальчик когда-либо испытывал. Уж точно близкое к тому, чего ему больше всего хотелось.

Почему он охотно верил этой женщине? Может, потому что она явно знала о нем и его друзьях то, чего знать никак не могла. А может, Эрвин просто успел одной ногой шагнуть куда-то на другую сторону — и теперь видел вещи совершенно не так, как его друзья, беззаботно плясавшие неподалеку. Наверняка не слышащие грома из-под копыт войска Косаря. Не глядящие в эти необыкновенные синие глаза.

— Если ты действительно хочешь спасти своих друзей, Эрвин...

Губы Берты почти коснулись его уха, голос шелестел изумительно нежно.

— ...то ты догадываешься, какова цена? Если попрощался с собственной жизнью, не мешкай. А коли боишься за душу, вспомни слова своего Господа: нет больше той любви, чем если... сам знаешь, как там дальше говорится.

Эрвин помнил эти слова, разумеется. И уже превосходно понимал, о какой именно сделке идет речь. Почему-то совсем не испытывая страха — только сомнения.

— Жертва имеет смысл, не сомневайся. Ты не просто так заметил меня, когда не замечали другие. Все устроено немного сложнее, чем в той книге, которую читает ваш капеллан.

Что более убеждало: эти доводы или мягкость ее рук, мелодичность голоса, легко ощутимый на столь ничтожном расстоянии запах волос?

— Это не будет больно, Эрвин. Даже совсем, совсем наоборот... гораздо лучше, чем ты думаешь. Я обещаю.

Уж этому мальчик точно рад был поверить. Ничего отвечать ему не хотелось — и осознанно решать тоже. Хотелось, прикрыв веки, наощупь найти ее губы своими: Эрвин весьма точно представил, как это могло бы произойти. Граница между миром земным и Тем Светом для него уже истончилась, почти стерлась: таким же прозрачным становился рубеж между желанием что-то сделать и действием.

Да он уже и действовал. Не то сам целовал Берту, не то отвечал на ее поцелуй — все одно, впервые в жизни, клонящейся к закату так рано, ощущал подобное. Прикасался к ее груди, прикрытой шерстяной тканью крестьянского платья. Когда Берта отстранилась и взяла его за руку, поведя за собой — Эрвин, конечно, ничуть не сопротивлялся.

IV

— Она соврала! Она ведьма!..

Дитмар кричал это в лицо Мирославу, схватив его за грудки, изо всех сил тормоша. А тот не хотел спорить. Спор, чем бы ни увенчался, бессилён был что-то изменить.

Не вернулась бы жизнь обратно в тело Эрвина, покинувшего этот мир с блаженной улыбкой — какой не было на его лице, наверное, с начала войны. Не удалось бы и выбросить из головы слова незнакомки, зачем-то поведавшей друзьям, чему послужит смерть мальчика.

Это такая издевка? Или женщина правда хотела донести то, что Дитмар с Мирославом должны узнать — и запомнить навсегда? Берта: так она назвалась. Мальчишки выросли на севере, а потому не знали, что в южных землях королевства так кличут саму Холду. Ту, что связана с Дикой Охотой и ее мрачным предводителем.

— Прекрати. Не время спорить. Надо спастись.

Спастись и впрямь настало самое время. Дитмар сам был уже готов броситься бежать, но его удерживало желание вынести отсюда тело друга. Мирославу хотелось того же, но холодный синий взгляд полуобнаженной женщины ясно говорил: нет, не получится. Она не позволит. И тягаться с ней мальчишкам, конечно, не под силу.

Кто знает, чем бы это кончилось, не выгнали Мирослав товарища на улицу силой. Ложь или нет, но для давно обреченного Эрвина теперь уж точно все было кончено — а эти двое еще твердо намеривались выжить.

Картина, что разворачивалась перед глазами, пугала стократ сильнее любой из битв, которые друзья успели повидать. Впрочем, разве это сражение? Вид темных фигур, спускающихся с неба на полуйстлевших конях, не оставлял сомнений: тягаться с ними невозможно. Еще недавно небеса пылали закатом, а теперь в них бушевал самый настоящий огонь — такой неистовый, каким представляют себе само пламя Ада. Неужели Ад может быть на небесах? Все одно: огонь этот спускался к земле, тянулся извивающимися языками к соломенным крышам. И они вспыхивали одна за другой.

А посреди призрачного войска, что смяло деревенскую толпу и скакало теперь к лагерю ландскнехтов, странным образом клубилась тьма: будто лишь здесь огонь был бессилён разогнать черный туман. В этой дьявольской черноте блеснул изогнутый клинок, высоко поднятый на древке.

Разбегающиеся люди не могли рассчитывать на спасение. Одних охватывало пламя с небес — будто корова слизывала языком. Других топтали неупокоившиеся мертвые кони — не иначе духи тех лошадей, что умирали на ландскнехтских пиках. И огромный клинок в форме

полумесяца, тянущийся из тьмы, раз за разом совершал широкие взмахи.

В военном лагере били барабаны, звучали голоса командиров: Мирослав и Дитмар понимали, что там строится в боевой порядок войско. Их боевые товарищи собирались драться — возможно, даже осознавая бессмысленность сопротивления. Достоинство уважения, но сыновья полка не собирались разделять их судьбу. Они бежали прочь.

И мальчишкам ни один из всадников Дикой Охоты не причинял вреда. Они не интересовали самого Косаря, несущиеся навстречу лошади проходили сквозь тела юных солдат — хотя всех прочих на пути сметали. Даже льющийся с небес огонь не обжигал кожу.

Бегом! По деревенской улице, через раскисшее поле, до кромки темного леса — не оглядываясь назад. Там не на что уже было смотреть.

Косарь собирал свое — души несчастных, которым просто не повезло встретиться с его войском. Лишь один человек остался позади согласно сознательному своему решению. Даже сейчас, совсем еще ничего не соображая от страха и потрясения, Дитмар и Мирослав знали: это они должны запомнить. Об этом им рассказали не напрасно.

V

Год Господень с тех страшных дней сменился три дюжины раз. Война давно закончилась — противники просто обессилели, никто не добился в итоге победы. Но теперь новым мальчишкам, поколению послевоенному, этого не рассказывали. Говорили только о бывших подвигах. По крайней мере, здесь — в землях Иоахима II. Но и во вражеском королевстве все наверняка обстояло так же.

Отступил и Косарь со своим призрачным войском: поднялся на коне в бушующие небеса, и погасло их пламя. Темные силы взяли свое. Господь, что в годы войны с отвращением отвернулся от паствы, снова явил свою благую любовь. Жизнь мало-помалу наладилась.

Отстроили разоренные деревни, засеяли сожженные поля, заселили вырезанные замки. Вернувшиеся с войны к женам — своим или чужим, зачали потомство и вырастили его. Тяжким трудом и истовыми молитвами подданные Иоахима II восстановили почти все то, что сами же бессмысленно погубили. В этом видели естественный процесс, какой-то круг жизни — будто после зимы настает весна, а за ней лето.

Конечно, лето не будет вечным, рано или поздно снова выпадет снег. Появится новый враг или соберется с силами старый. Случится новая война... но пока не время об этом думать.

Столичная площадь после заката делалась безлюдной — а сегодня ночь выдалась холодной, и все попрятались по домам раньше обычного. Медленно спускались с неба колючие зернышки: первые снежинки, слишком ранние.

Они пришли сюда втроем, даже без охраны. Жены и дети давно спали, спал весь огромный город — только стражники стойко держались в ночном дозоре. Безлюдность пришлось очень кстати: личные воспоминания не любят посторонних глаз и ушей. А этот памятник, вроде бы восхваляющий подвиги всего великого войска — от лучших рыцарей до вкусивших несладкой солдатской доли... с ним все было не так просто.

На помпезном постаменте, поднимающем ввысь величественные фигуры абстрактных Рыцаря и Ландскнехта — двух столпов выдуманной победы в бессмысленной бойне, не высекали никаких имен. Здесь подразумевался народом каждый из погибших. Любой, наверное, называл какие-то дорогие именно ему имена, глядя на этот монумент.

А те трое, кто памятник задумал, вспоминали два имени: Фридрих и Эрвин.

Король Иоахим II, великий орденский магистр Дитмар фон Берлинагер и фельдмаршал Мирослав — который отказался от предложенного титула, считая себя военным вождем простых солдат. Этой ночью стояли они перед памятником — пережившие войну, в отличие от своих друзей.

Мужчины, уже давно прошедшие свой пик и начинающие ощущать холодное дыхание старости. Бронзовые плащи монументальных фигур навеки застыли, расправленные невидимым ветром — а плащи лучших людей королевства вздрагивали от настоящих его порывов.

Все эти годы Иоахим II прожил с горьким осознанием: часть его самого умерла в походном шатре вместе с единственным настоящим другом. Но другая часть сделалась великим королем, быть может, именно благодаря этому. Что до Дитмара и Мирослава, то они старались пореже думать о жертве Эрвина. Совершенно бесплодно старались — ибо все равно вспоминали ту деревеньку каждый день. Пусть и хоть на мгновение.

Молчание затянулось. Мирослав, так на всю жизнь и оставшийся чуждым такту да изысканным манерам, первым решился разорвать его.

— Фридриха я не видал, а вот Эрвин все ж таки вышел непохожим. Сам-то он... ты помнишь, Дитмар? Ростом бы мал да тщедушен. А тут — глянь! Грудь, как у коня!

Король промолчал. Он ценил Мирослава за верность и отвагу, а на речи его — всегда дерзкие и часто неуместные, давным-давно привык не обращать внимания. Такому человеку дозволено. Зато Дитмар фон Берлинагер молчать не стал.

— Пустое. Мы все тогда были малы, и Эрвин тоже... мальчишки, что взять? Но по-другому чуть на это взглянешь и думаешь: а не хватит во всем королевстве бронзы, чтобы отлить наших друзей в полный рост.

— Красивые слова, магистр. В вас, спустя столько лет, все-таки раскрылся талант оратора?

— Что вы, мой государь! — Дитмар усмехнулся в густую седеющую бороду. — Я эти слова не сам выдумал. Слыхал где-то... уж и не вспомню. Пойдемте в замок: холодно ведь, зима на пороге... которое число нынче?

— Почти то же, что тогда. — Король невольно поморщился.

— Не знаю, как вы — мой государь,... а лично я Косаря больше не боюсь. Однако в замок действительно пора: не в наши годы подолгу стоять на ветру.

Сергей Чернов

Последнее испытание

Ведь наша любовь — это пушки...

Редьярд Киплинг



Рев сотрясал своды. Летучие мыши черными стрелами носились в узком пространстве пещеры. Они секли лицо кожистыми крыльями, хлестали плоть, точно сотни летающих кнутиков. Чир прикрыл голову руками, факел выпал, зашипев в луже под ногами; он мчался наугад. Тьма обволокла его опасным одеялом, в котором как иглы — острые осколки камня. Чудовище за спиной бушевало в предсмертной агонии. Усыпанный шипами хвост молотил по стенам, дробил сундуки. Сверху посыпались камни, но Чир уже ощущал порывы свежего ветра, видел свет впереди. Юноша был слаб, опустошен. Не было сил произнести

простейшую формулу — разогнать тьму или отпугнуть этих тварей, рвущих его одежду... Рев! Рев вонзался в череп стальными иглами.

Вдруг наступила тишина. Какой-то миг... А после — шум низвергающихся глыб.

Но Чир успел вырваться в царство дневного света. Что-то оглушительно ухнуло позади. Чир повалился в сухую траву.

Высокая фигура в длинном черно-красном плаще...

Маг протянул руку. На бледном лице старика промелькнула улыбка.

* * *

Сквозняки замка Ор гладили ядовито-желтый мех ковров. Ворон в позолоченной клетке уныло разглядывал мозаичный пол комнаты.

Юный ученик был поглощен собой. Все силы тела он бросил на заживление ран. *Больно! Все еще кровоточат. Никогда еще я не дрался с этим... Последнее испытание. Он сказал, последнее. О боги, я и не знал, что все будет так тяжело! Последнее... Теперь я должен стать Магом. Почему старик медлит?*

— Не торопись. Тот, кто торопится, погибает первым.

Чир вздрогнул. Старый Маг стоял перед его кроватью.

— Ты нетерпелив, — сказал Маг. Голос у него был хриплым и, в то же время, необычайно приятным. — Сколько сопливых юнцов я повидал! И все они были так же нетерпеливы. Да... может, поэтому-то их уже нет в живых.

— О чем вы? — Чир попытался встать, но острая боль заставила позабыть об этом. — И разве вы сами не были молодым?

— Ты лезешь не в свое дело. Воздержись. Посмотри на себя — постель в крови. Ты не можешь залечить раны. Ты не стараешься! Твои мысли заняты другим. Возьми, это поможет.

Он протянул прозрачную склянку с бледно-розовой жидкостью. Руки Мага пахли прелыми листьями.

— Что это?

— Кровь Змея. Я соскреб ее с твоей одежды и смешал с соком лакерского дерева. Выпей, и смерть от старости не коснется тебя.

— Вечная молодость?!

Старик разразился скрипучим смехом:

— Посмотри на мое лицо, разве его можно назвать молодым?

Лицо Мага было испещрено морщинами. Седая борода белым водопадом ниспадала на грудь.

— Пей, — голос Мага прозвучал по-отечески мягко. — Ты заслужил это... сопливый юнец.

Чир поднес склянку к губам. На мгновение его кольнуло сомнение. *Их уже нет. Кого? Тех, кто был до меня?* Поколебавшись, он опрокинул содержимое склянки и, прикрыв глаза, сглотнул.

Поначаду он не ощутил ничего нового, словно выпил обычную воду. И вкус: вкус воды и капли вина. Или не вина. Что-то горькое... Он чувствовал все ту же боль в ранах; чувствовал, как сквозняк лизал их холодным языком. Но затем... В висках застучала кровь. Он пытался дышать... но не мог! В легких разгоралось жжение. Перед глазами поплыли круги. Рот был открыт. Пальцы драли кожу на шее, точно, разорвав себе глотку, он смог бы сделать вдох. Всего один вдох... Всего один...

Старый Маг стоял у изголовья массивной кровати. Сквозняк разметал полы его плаща, и красные молнии на его черном фоне казались живыми — изменялись, двигались. Он наслаждался! Наслаждался предсмертными муками ученика.

Ветер распахнул окно. В комнату ворвался шум листьев и сладкий запах белых цветов, что росли под самыми стенами. Четырехугольное пятно света упало на мозаичный пол. Где-то далеко, за лесом, согнулась горбом яркая радуга.

Неожиданно Чир стал дышать. Воздух со сдавленным хрипом проходил через горло.

Лицо Мага скривилось. Он сжал зубы.

— Что ж, — выдавил он. — Даже яд не смог тебя побороть. Если ты хочешь стать Магом, ты им станешь. Дождись, когда взойдет красная луна.

Хлопнула дверь, каблуки сапог застучали по полу. Старый ворон встрепенулся, забил крыльями в своей позолоченной клетке.

В разбитый удушьем разум медленно возвращались мысли. *Так вот какую молодость ты хотел мне подарить! За что?!* Он попытался промолвить заклятье, которое защитит его, но усталость закрыла Чиру глаза. Он провалился в глубокий, как дно магического колодца, сон.

* * *

Тревога била в груди погребальным колоколом. *За что? Почему?* Прошло три дня, а он все лежал, прикованный к постели. Раныгноились. Он шептал лечебные формулы, но все было тщетно. Должно

быть, слюна и кровь Змея содержали яд. Или летучие мыши... Они не походили на обычных. Ни одно существо не стало бы жить по соседству со Змеем. Выходит, они помогали ему. А когда Змей был убит, они не метались, обезумев; нет! — они атаквали, метили в лицо, драли кожу... Не важно! Главное — боль, загнивающие раны. Временами Чир впадал в забытие — и он боялся этого. Он боялся, что, пока разум блуждает во тьме, кто-то вонзит нож в его открытую грудь или посыплет тело красным порошком, от которого кожа начнет тлеть, покрываться струпами; или засунет ему в рот плотоядного жука, и тот будет медленно, день за днем, пожирать его изнутри... Кто-то? Он знал кто. Он помнил его лицо до единой морщины. Десять проведенных вместе лет, казалось, связали их. Чир любил его, он знал всегда: в случае опасности мудрый Маг придет на помощь, ведь Чир — его ученик. И тем глубже был страх. Тем острее была тревога.

За что? Маг сам выбрал его учеником. Он нашел Чира в бесконечном лабиринте базара Девяти Караванов, его — маленького бродягу, выросшего в грязных закоулках каменного ада; его — начинающего воришку. И теперь над Чиром нависла угроза...

Ворон лениво каркнул. Чир застонал.

Комната была убрана древними коврами. Со стен глядели доблестные воины, грациозные девы, величественные львы и вычурные единороги; там вставали замки, здесь шумели леса, пенилось море. Пыль щекотала Чиру ноздри; окруженный коврами, он был один, если не считать старую птицу. Безжизненные лица вызывали печаль: он словно под прицелом их глаз — в самом центре комнаты, прикованный к постели. Кроме птичьей клетки и массивного ложа только камин, и все — вокруг пустота, заполненная призраками. Темные витражи на окнах превращали день в полумрак, ночь — в кромешную тьму. Чир шептал заклатья, чтобы видеть во тьме. Он делал это каждую ночь. Он знал, *что* может таиться во тьме замка Ор.

Он боялся — все сказано в этих словах.

Чир создал магического охранника — купол, любая опасность в пределах которого должна была проявиться. Но так ли хорош этот «охранник»? Ведь враг (как непривычно называть его так!) намного сильнее Чира.

Маг приносил еду.

Чир презрительно отворачивался.

Борода старика взъерошивалась улыбкой. Так много было в ней: гордость и злоба, хитрая насмешка и ртутное безразличие. А иногда он вел себя так, будто ничего и не было. Старался заговорить, спрашивал о здоровье. Для Чира это было самым страшным из испытаний. В горле вставал ком, глаза влажнели, в груди сочилась рана. И у раны этой было имя — Предательство. Чир не верил. Он не мог простить.

Дни медленно тянулись за днями. Каждое утро в комнату входил Маг, ставил поднос с едой на кровать и исчезал. Чир сбрасывал поднос на пол. Бульон разливался серой лужей по пестрой мозаике, хлеб и мясо казались в нем маленькими островками... Силы покидали Чира, голод сверлил изнутри. *К чему упорствовать, если конец будет один? К тому же, магия не обнаруживает отравы в еде... Маг кормит ворона хлебным мякишем, пропитанным телячьей кровью... Если бы я мог проверить еду на птице!..* Чир сдался. Он с нетерпением ждал, когда Маг принесет поднос.

Должно быть, в еде что-то было. Чем иначе объяснить, что болезнь не уходит? Но «охранник» не чувствовал угрозу в воде и хлебе, куске вяленого мяса и дымящийся жидкости с запахом куриного бульона. Как быть? Есть два пути: умереть от истощения и болезни, или позволить медленно убивать себя. Через пару дней «охранник» сработал. Чир коснулся хлеба, и тут же перед глазами вспыхнули разноцветные круги. В ушах зашумело. Чир зашвырнул хлеб в дальний угол, а утром следующего дня увидел, что рядом с хлебом лежит парадохлых мышей.

Все не так просто. Вряд ли он пойдет на обычное отравление, зная, что я этого жду. Он что-то замышляет. Старик хочет, чтоб я думал, будто могу отразить любой его удар. Нужно быть начеку.

Однажды Маг принес вместе с едой столовый нож. Пока Маг разжигал огонь в камине, Чир, корчась от боли, спрятал его под подушки. Уходя, старик сделал вид, что ничего не заметил. Но юноша знал, как хитра эта бестия.

Прошло уже больше месяца. Раны затянулись. Боль стала слабее. Чир думал, что может встать, но опасался усугубить свое состояние. Наверное, содержание яда уменьшилось или чары ослабли. Возможно, молодой организм стал привыкать... Чир наблюдал за вороном. По своему опыту юноша знал, как много отравляющих веществ существует в природе и производится в алхимических кубках. Вполне вероятно применение яда «под человека», с учетом роста, веса, характера. Думать, что подобное вещество будет действовать и на птицу — глупо... Но все же. Ворон становится все более дряхлым. Возраст? Сколько ему лет? Сотня? Больше?

Через пару дней Маг вновь попытался отравить Чира. Теперь яд был в бульоне. Как и в прошлый раз перед взором вспыхнули огненные круги, в ушах загудело.

«А что если сделать вид, будто я принял отраву... —Эту идею трудно было назвать гениальной, но он зажегся ею. — Избавиться от жидкости... Вылить на пол? Нет, он быстро меня раскусит. Он думает, я не могу встать. Вылить в окно!»

Чир слабо представлял, что может дать ему этот обман. Но страстное желание уколоть ненавистного человека — убийцу и предателя — затуманило разум, вело за собой, как болотные огни глупого путника.

Для начала — подняться...

Ступни коснулись холодного, липкого пола, на котором еще лежали остатки брошенной пищи. Жирные мухи с мерзким жужжаньем поднялись в воздух. Чир встал. Голова закружилась. Пол стал уползать из-под ног. Ковры вздыбились буграми, люди на них раздулись и стали заваливаться на бок.

Головокружение вскоре прошло. *Нужно нести миску.* Он поднял ее... Шаг — ноги чуть было не подкосились. Еще один — теперь увереннее. Четыре — Чир добрался до окна, потянул на себя створку. Солнечный свет резанул по глазам. Чир зажмурился, прикрылся рукой. Миска выскользнула... Чир услышал, как она глухо ударилась о землю — там, за окном.

Привыкнув к свету, Чир посмотрел вниз.

Белоснежные цветы, что росли под окнами, почернели. Они источали запах горелой плоти. Вместо белых бутонов на тонких шеях качались обугленные овалы, похожие на крошечные черепа.

Так вот что растет под стенами замка! Чир знал эти цветы. Он знал, *что делают они с человеком...* Кровожадный старик!

Чир поплотнее закрыл окно.

Выходит, трава была не в еде, а в воздухе. А как же Маг? Должно быть —противоядие... Бульон ошпарил их —цветы теперь не опасны.

На следующий день Чир уже чувствовал себя лучше. Он ощущал, как возвращаются силы.

Утром Маг вновь принес пищу. На губах его играла улыбка.

«Что же ты замышляешь? — думал Чир. — Какую ловушку готовишь?»

* * *

Прошла пара дней. Мышцы вновь сделались упруги. Голова — ясна, как после долгого отдыха. Но страх не исчез. Он таился в темных углах.

Когда Маг приносил еду, юноша притворялся больным. Зачем? Он вынашивал планы! Он думал, как превратить замок Ор в груды камней, а мерзкого старика в дымящийся пепел. Но он не знал,

являются ли эти мысли тайной для Мага. Чир экранировал мозг. Но как же невыносимо не ведать силу врага! Чир учился у него, но, может быть, Маг показывал ему самые легкие вещи?

За темными окнами день за днем хлестал дождь. Кривыми саблями полыхали молнии. Осень. Промозглая осень Королевства Турах. Голые деревья кренились под натиском ветра. Ковер из янтарных листьев покрылся грязью. Еще пару недель, и начнет падать снег.

Заклинание, которым Чир хотел воспользоваться, называлось «Сжатие». Оно расплющивало предметы, на которые направлялось. Это не самое сильное заклятье, но оно затрачивает мало энергии. В этом — плюс.

Но «Сжатие» требовало крови. Юноше было жаль, но, скорее всего, ему придется свернуть ворону шею. Старый ворон... В их положении было что-то общее. Они были узниками. Один — в позолоченной клетке, другой — в замке своего учителя. Чиру было искренне жаль: в птичьих жилах текла старая кровь, а чем старше кровь, тем ценнее ее свойства.

Во время произнесения формулы Чир должен оказаться снаружи. Это нетрудно сделать — дверь в его комнату не заперта. Он мог выйти в любую минуту. Да что там выйти! Он мог сбежать. Он чувствовал, что *ничто не держит его*. Но... он горел жаждой мщения. Он не хотел сдаваться. *Выходит, полжизни потрачено зря... Меня обманули. Обманули! Я не стал Магом, я еле остался жив... Кто-то должен ответить мне... Кто-то должен понести наказание!*

Одежда? Закутаться в простыни, а тепло поддерживать заклятьем.

Единственное, что сдерживало юношу — возможный ответный удар. Он будет чудовищен, нет сомнений. Предсмертная магия... А если старик знает, что замышляет Чир, он приготовится к атаке. Он может отвести удар, перенаправить его. Но без риска нет мести. Без опасности нет сладости победы.

И еще...

Он помнил, как был счастлив, изучая азы магии, как трепетало сердце, когда он постигал Неведомое, и рука старика вела через открытия и тайны; как седой Маг излучал добрую улыбку, когда перед Чиром открывался Великий Путь. И легким жаром был полон замок Ор, у стен тихо шелестели деревья, а каждый угол, каждый закоулок был изучен; все повороты запечатлелись в душе...

Но нужно действовать.

Была ночь. Чир вынул из-под подушек нож, подошел к позолоченной клетке. Ворон щелкнул клювом и стал переминаться с ноги на ногу; когти скребли по костяному полу.

Что-то заставило юношу насторожиться. Под окном заржала лошадь. Чир приоткрыл створки и осторожно выглянул наружу. Внизу на белом коне сидел Маг. Плащ его развевался — красные молнии неестественно блестели. На седой голове — широкая шляпа с синим пером. Рядом пританцовывал гнедой жеребец без седока. Дождь недавно закончился, с крыш изредка падали капли.

— Брось это, сопливый юнец! — крикнул Маг. — Игра окончена. Спускайся ко мне, одежда за дверью. Пришло время наконец-то стать Магом. Помнишь, что я говорил? Взгляни на небо.

Чир поднял взгляд. Из-за облаков выплывала красная луна — медный диск, изъеденный оспинами.

* * *

Они ехали по голому ночному лесу. Лошадиные копыта увязали в грязи.

— Я знал, что ты выдержишь, — говорил Маг вкрадчиво-тихим голосом. — Подозрения, желчь злобы, страх... Поверь, когда-то я тоже чувствовал это. Последнее испытание! Да, последнее... Можно сразить сотню чудовищ, но проиграть битву с самим собой. Однажды я видел, как молодой козленок заметил стаю волков и из любопытства побежал к ним. Волки разбежались, испугавшись его дерзости... Но ты не таков! Ты сомневался. Ты просчитывал и видел, что я сильнее, но твое желание бороться победило. Это урок: чтобы расти, ты должен *перешагнуть через человека внутри себя*... Ты силен. Сильнее тех, кто был до тебя. Ты станешь Магом, я уверен. Боюсь, если бы красная луна взошла днем позже, меня бы уже не было в живых. Да-да! Ты не слабее! Я научил всему... Знаешь, какой сегодня день? День Силы! Луна и Солнце равны. Два раза в год открывается канал, и поток энергии бьет из недр земных...

Над их головами пролетела сова.

«Правду ли он говорит? — думал Чир. — Уж слишком просты, слишком слащавы его слова. Не следует доверяться».

На боку висел меч, и в случае чего... К тому же магия... если старик прав ...

— Ты и сейчас сомневаешься, я это вижу. — Маг смотрел ему в глаза. — У тебя много вопросов.

Ночной лес был страшен. Издалека доносилось рычание хищников. Много легенд ходило о тварях, что водятся в этом лесу. Голые деревья походили на исполинские трупы. Тонкие ветки тянулись

к одежде, старались схватить, выдернуть из седла. Время от времени кони тревожно ржали.

— Те, кто были до меня, кто они? — наконец спросил Чир.

— О-хо-хо! Более глупого вопроса я не мог представить! Ты не должен думать об этом. Их имена? У них нет имен. Они не заслужили. Они проиграли, сдались... Они не стали Магами, но уже перестали быть людьми. Подобные существа подлежат уничтожению. Ты их видел... и ты их убивал.

—Что?! — Ладони юноши крепко сжали поводья.

— Думаю, одного из них ты помнишь. Он был ловок и селен, но не прошел последнего испытания. Он испугался... Увидел, что дверь не заперта, и сбежал. Ведь легче всего было сбежать. Сила не прощает таких, как он. Его кровь переполнилась Частицами. Он начал менять форму. Змей, которого ты убил...

Чир потерял дар речи. Он ведь сам мог сбежать! И что тогда? Что бы с ним стало?

Лес полон звуков: шум ветра, треск сучьев, уханье сов, заунывный волчий вой... Они ехали молча. Какофония ночи, какофония тьмы окутывала их — Мага и его ученика. В небе блестели звезды, как бриллианты на черном шелке. Красная луна медленно ползла, освещая мир неярким светом. Тропинка, по которой они следовали, стала расширяться. Копыта застучали по гранитным плитам. По обе стороны стали появляться белые, как кость, статуи: трехглавые лучники, крылатые змеи, полулюди-полуптицы...

— Где мы?

— Всему свое время.

И вновь — только шум ночного леса.

Чир чувствовал, как внутри у него что-то поднимается и опадает, поднимается и опадает, точно морская волна.

—Я знаю, что ты хочешь спросить... Да! Там был яд. Но я не обманул ... просто, кое-что утаил. Так было нужно. В склянке была кровь, сок лакерского дерева и яд... Если бы ты был недостоин — яд умертвил бы тебя. Кровь Змея. В ней много Частиц. Они будут изменять тебя. За сотню лет постареешь на год. Чутье обострится, сила — возрастет. От этого вся боль.

Чир хотел спросить о «цветах», что росли под окном, но ощутил какую-то слабость. Веки наливались свинцом.

— Значит, я все-таки стану Магом, — вяло сказал он. — Как это будет?

— Ты увидишь. Нужно подождать.

И вновь — молчание и слабость, какофония ночи и стук копыт по плитам.

«Я стану Магом, — думал Чир. — Я верил тебе. Я правильно делал, что верил тебе...»

Лес расступился. Из тьмы выросли белые камни, будто огромная стена встала на их пути. Чир различил вход. Он был очерчен золотым узором: тонкие светящиеся линии сплетали силуэты летящих сов. Что это? Знак мудрости или...

Маг спрыгнул на землю.

— Это оно — то самое место. Бурлит Силой, бурлит мощью! Здесь *это* случится. С минуты на минуту откроются Врата. Ты поймешь — о, да! — ты поймешь, что мир, который ты знал, лишь бледная тень настоящего бытия. Тебе откроется многое... Ты должен найти в себе силы *понять это*.

Чир спешился. Усталость все еще одолевала его, но слова старика заставили насторожиться. Рука коснулась пояса.

—Нет! — крикнул Маг.

Чир вздрогнул.

— Меч должен быть при тебе, — сказал Маг спокойней.

— Меня ждет опасность?

— Не знаю. И никто не знает. Сила капризна. Там может быть все что угодно...

Чир решительно направился в дрожащую тьму, окруженную золотыми совами. На мгновение он ощутил холод, будто обрушилась зимняя стужа... всего на мгновение. Потом окатило жаркой волной. На коже выступил пот, одежда сделалась необычайно грубой, точно древесная кора. Но Чир сделал шаг, и все пропало. Он ничего не видел, но чувствовал необычайный запах: аромат неподдающихся описанию благовоний. Какая-то странная уверенность толкала Чира вперед. Он шел, не боясь упасть, не боясь наткнуться на стену. Он двигался во тьме, которая пульсировала подобно гигантскому сердцу. Наконец, он заметил слабое сияние. По мере движения оно становилось сильнее. То мерцали стены и пол, состоящие из каменных плит... Вернее, древние руны, что были вырезаны на них. Чир ощутил, как Сила бьет из этих рун — шевелились волосы, трепетал плащ под струями магических потоков. Чир слышал шаги — за ним следовал Маг.

Сиянье рвалось из камня, как голубь из клетки. От него все делалось изумрудно-зеленым — ладони, одежда... Заболели глаза. Юноша щурился. Свет невыносим... Но ноги не могут остановиться... И эта усталость. Будто тело стало тяжелым, как те статуи у входа...

Впереди, в полу, виднелся черный провал.

Голос старика:

— Ты, сам того не ведая, каждый день, каждое мгновение делал выбор: быть тебе никчемной тварью, нареченной «человеком», или

коснуться высших знаний, коснуться Силы, рождающей Магов. Есть Винтики, и есть Механизмы. Из зерен рождался твой выбор... день за днем, день за днем... Проснись, Чир, проснись... Все что было до этого — лишь сон. Проснись... разомкни веки, вдохни полной грудью. Все что было — лишь сон... Проснись...

Веки сомкнулись... Чир был готов упасть на дышащие жаром магии камни. Он был готов рассыпаться, растаять, обернуться в пыль. Он ощутил, что Мир, вся Вселенная, пришел в движение, эфир огненным ветром закрутил хоровод вокруг него, вокруг него одного.

— Проснись, Чир, проснись. Ты был нечист и наг, наивен и гауп. Сейчас ты — лишь пепел... Восстань же Ясный Феникс! Восстань... Восстань!..

Чир погружался в *Ничто*. Он не ощущал ни времени, ни мира вокруг. Лишь голос... И пульсация. Он знал, что когда-то так пульсировал зеленый свет, струилась магия из запретных рун. Но когда это было? Где это было? И что теперь он, Чир? Частичка разума, тонущая в бездне.

— О, Феникс! Ясный Феникс! Жги крыльями! Я зову тебя. Я — дитя Стихий: сын бури и зноя, сын льда и могил! Рвись, Феникс! Круши!

Чир все еще сопротивлялся. Он старался зацепиться за реальность, старался сделать глоток воздуха. Старался пробудить мысли в затухающем мозгу. Но какая-то апатия разъедала его. Но густая тьма поглощала его, и он погружался в ее бездонную утробу.

— Да, круши и рвись! Вперед, вперед из мрака ледяных дворцов, где только ветер разъедает стены...

Ты сдаешься?! Ведь и ночи не прошло с тех пор, как ты готов был убить, превратить череп старика в лопнувшую дыню... Еще не села красная луна...

— ...Пришло время наконец-то стать Магом. Помнишь, что я говорил? Взгляни на небо.

Чир поднял взгляд. Из-за облаков выплывала красная луна — медный диск, изъеденный оспинами.

Чир прикрыл окно, оставив лишь щель, чтоб птичье тело могло проскользнуть в нее. Он открыл легкий замок на клетке. Ворон тревожно зашевелился... Его глаза — две черные бездны, оправленные неопрятными перьями.

— Всеми Силами заклинаю тебя, поедатель падали, вскормленный кровью тельца. Следуй за мной на вершину мира и в студеные бездны Мертвой страны. И пусть трупные черви живьем поедают тебя, если ослушаешься ты моего заклатья!

Чир поднес лезвие к левой ладони. Сильнее нажать. Черным разводом выступила кровь...

— Взлетай, Феникс, взлетай! И сказано в рунах, что выбиты руками Древнейших на камнях, сгинувших в море: «Огонь и Ветер, Земля и Вода. Связавший все это не будет отныне во плоти и крови. И Маг — ему имя... Один... Огонь и Ветер, Земля и Вода. Всегда один Маг! Всегда!»

Всегда один Маг!

Пulsация нарастала. И Чир, наконец, ощутил, что это бьется его сердце, будто он смотрит внутрь себя и видит сухой комок, стонущий от боли.

— Взлетай, Феникс!

Он уже не слышал слов, что превращались в рев, в рокот грома.

Всегда один Маг!? Но почему? Разве я теперь не Маг? Я ДОЛЖЕН стать Магом. Выходит... нас теперь двое...

И тут...

Тут случилось нечто заставившее очнуться, вырвавшее из тьмы. Его слух уловил звон клинка, вынимаемого из ножен. Миг — глаза распахнулись, свет ослепил их. Чир почувствовал, как лезвие расколо воздух над его головой. Он успел выхватить свой меч. Клинки скрестились. Сноп искр! Клинок старика скользнул по лезвию Чирова меча, метнулся вниз... рукав затрещал, рубиновым ручьем заструилась кровь. Капли упали на магические плиты, и они задрожали. Вся пещера содрогнулась, издав жадный стон! Пещера жаждала крови!

Чир не чувствовал боли — он был слишком напряжен для этого. Здоровая рука мертвой хваткой держала рукоять меча. Волна дрожи прокатывалась по телу. Он... он рыдал. Гримаса непонимания, ужаса, муки застыла на лице. Слезы засыхали на разгоряченных, красных как медь щеках. *Почему?..*

Лицо старика бело как мел.

— Это — испытание, — тихим надтреснутым голосом сказал Маг. — Последнее... Ты должен пройти... Ты... ты должен довериться. Я причинил тебе боль... Сможешь довериться? Сможешь ли ты довериться своему учителю... человеку, который любит тебя, Чир?..

Но Чир не слушал.

— Ты должен... Ну... Ну, оставь... Опусти меч...

Старик поднял меч вертикально вверх. Лезвие загорелось зеленым пламенем.

— Почему?!

— Ну же... закрой глаза.

И тут — свист стали! Чир инстинктивно выставил меч... Из горла вырвался крик. Чир повалился на камни, меч отлетел в сторону. Рука!

Пальцы искорежены, кость пробила кожу. Чир застонал. И магические камни застонали в унисон, ощущая горячую кровь.

— Маг всегда один, — промолвил старик, будто о чем-то далеком, будто сидел за столом в замке Ор, там, где двенадцать рун победы сплетаются на полу в черное солнце.

— Маг всегда один, сопливый юнец. — Старый Маг вновь занес клинок. — От сотворения мира было так: Сила в руках одного. Таков закон. Лучший управляет Силой. Лучший из лучших! Долг Мага — хранить равновесие в мире Стихий... и искать ученика. Того ученика, что лучше его самого. И если ученик пройдет все испытания, он станет Магом. Здесь. В этой пещере. Но! «Магом будет лишь тот, кто лучше своего Учителя». Тот, кто убивал, становился Магом. Так что... в эту пещеру входят двое, а выходит один.

Безразличие охватило Чира. Его не волновали слова. Аживые слова аживого старика!

— Я думал... — голос Мага сорвался. — Я надеялся, ты лучший. Ты должен драться! Ты должен биться за свою жизнь, за право стать... Но ты... Ты даже не сопротивляешься! Глупец, Чир, глупец! Мне жаль тебя... Закрой глаза.

Клинок стал опускаться.

Чир сделал то, что ему велели. На мгновение его охватило странное веселье. Он вспомнил... вспомнил, как Маг вел его путем познания тайных наук... Как он был счастлив. Счастливи!

Сдавленный стон и крик...

Сердце защемило. Чир сделал глубокий вдох и понял, что кричал не он.

Чир открыл глаза.

Повсюду метались ярко-зеленые смерчи. Старик извивался, как угорь на дне рыбацкой лодки. Клинок валялся на камнях, испещренных рунами. А вокруг головы... вокруг седой головы как демон летал старый ворон. Ладони были прижаты к лицу, и из-под белых как известь пальцев текла густая кровь.

Ворон!

И тут волосы на голове Чира зашевелились. Затылком он ощутил: за спиной из черной ямы стало что-то подниматься. Что-то бесформенное. Что-то огромное...

Чир попытался встать, но руки — одна рассечена мечом, у другой сломана кисть. *Как много крови! Кровь?! «Сжатие»! Сейчас, когда Маг занят птицей!*

Старик никак не мог отнять ладони от лица. Он говорил страшные заклятья, но боль искажала их. Перья ворона уже дымилась, но он все еще держался в воздухе, все еще метил в лицо. Капли крови

падали на пол. С каждой каплей нарастал чудовищный гул, и все больше рождалось зеленых смерчей.

Невероятных усилий стоило Чиру подняться на ноги. Старик был от него в двух шагах... беззащитный, израненный... как и он сам. *«Сжатие»! Вот сейчас! Крови столько, что можно весь мир поднять на воздух. Всего одна формула, и с этим будет покончено. Простая формула...* Чир начал шептать... и остановился. Он понял, что не может этого сделать. Не может! *Так вот что значит — перешагнуть через человека внутри себя. Взять и убить... Мой учитель! Перешагнуть через человека... Произнести формулу и уничтожить часть себя, убить того, которого я... того, который меня воспитал, который был мне вместо отца. Старый Маг... Перешагнуть...* Да, он помнил, как был счастлив, изучая азы магии, как трепетало сердце, когда он постигал Неведомое, и рука старика вела через открытия и тайны, через ущелья теней и дуга солнечных бликов к сладкому, желанному источнику Силы; как седой Маг излучал добрую улыбку, когда перед Чиром открывался Великий Путь... *Перешагнуть через человека...*

— Нет, — прошептал Чир одними губами. — Не сейчас. Когда-нибудь, но не сейчас. В другое время...

Погруженный в скорбь, в бездну своих страданий, не видя ничего вокруг, он прошел мимо ослепленного Мага, сворачивающего шею старому ворону; прошел меж зеленых смерчей, закручивающих в воронку Силы Четырех Стихий; окунулся в холодную дымку утреннего леса, где нетерпеливо топтались кони, и где-то далеко-далеко звучал заунывный волчий вой.

* * *

Уже слабее горит зеленый огонь. Уже опустились изумрудные смерчи, и Нечто, поднявшееся из глубины, слизало кровь с плит и брошенных клинков.

Слепой старый Маг сидел в углу и шарил по полу сухими ладонями.

— Беги, Чир, беги, — шептал он. — Твой час еще не пробил. Ты вернешься. Такие как ты всегда возвращаются. Не бойся, стать чудовищем тебе не грозит — ты подошел слишком близко к черте, подпитался энергией ... У тебя есть время, много времени... Сопливый юнец... Ха-ха! Безрукий ученик слепого учителя... Чир! Эти раны — ничто; мы залечим их быстро. Придет время, и ты вернешься. И я



явиться не замедлю... Мы схлестнемся. О! Что это будет за битва! — Старик нащупал хрупкие птичьи кости — обугленный скелет. Он поднял его и отшвырнул со злостью. — Я превращу твою жизнь в пустыню боли! Я оболую тебя смолой агонии и страха! Страдание! Страдание будет твоей жизнью, сопливый червяк! Да, ты — лучший из всех! Лучший из тысяч, из миллионов! И поэтому, только поэтому я буду уничтожать тебя медленно. Да, сопливый юнец — лучший из учеников! Я буду уничтожать тебя — каждая твоя клетка будет кричать от боли!

Александр Агафонцев
И все смоеет дождь



Пора, ловкач, — кто-то из надзирателей ненавязчиво похлопал его по плечу. Лезвием кинжала, разумеется. Никто не должен касаться тенебрата без острой на то необходимости. Варду, впрочем, на это было давно плевать.

Он неторопливо выпрямился, не открывая глаз. Уверенными движениями затянул кожаные ремни на затылке, закрепляя набитый тлеющими травами намордник. Горький дым проник в легкие,

растворился в крови. Последние отголоски эмоций вспыхнули мотыльками в огне, чтобы исчезнуть без следа. Осталась лишь цель.

Вард заставил себя разлепить веки и медленно огляделся. Он все еще здесь, у подножья заросшего редким кустарником холма. За ним грохотали выстрелы, иногда ветер доносил крики идущих в атаку солдат и рев ездовых ящеров. Надзиратели то и дел поглядывали туда, затаивая подпруги и проверяя оружие. Старший, Берг, поймал его взгляд и тут же подошел, словно невзначай кинув ладонь на эфес сабли. Дурман скрадывал краски, делая картину блеклой, но необычайно четкой. Варду казалось, что он видел каждое движение мышц под черным камзолом, стянутым ремнями перевязи.

— Эй, ловкач, ты еще с нами? — Берг пощелкал пальцами, привлекая внимание. — Там артиллерию подтянули, но цель прежняя — твои коллеги из южан. И не забывай держать дистанцию... По лошадям, парни!

Последнее, само собой, к нему отношения не имело. Вард *ушел* во Мреть.

Со стороны это выглядело как антрацитовый провал, втянувший в себя расплывающуюся фигуру в серой мантии. «Сделать сцепку», как говорят тенебраторы...

Даже сквозь дурман пробивался восторг разума, скинувшего оковы плоти. Он словно был везде и нигде. Непроглядная чернота вне времени и пространства успокаивала, позволяла раствориться в себе. Остаться здесь навсегда... Но его выдрессированный разум уже искал выход на поле боя.

За краткий миг перехода Вард успел оценить обстановку, хотя после успокаивающего мрака уследить за множеством деталей было непросто. Кавалерия южан пытались разбить каре пехоты, ошестинившееся штыками... Шеренги стрелков сходились, выкашивая друг друга слаженными залпам. Пушечная картечь рвала в клочья солдатское мясо...

Две фигурки в бурых хламидах. Несколько пульсирующих комков сорвались с их ладоней быстрее пули. Достигнув егерей, наступающих рассыпным строем, они взорвались, щедро забрызгав все вокруг. Истощенные вопли солдат перекрывали даже артиллерийскую канонаду. На то есть веская причина: плоть слезала с костей целыми кусками, внутренности вываливались наружу... Кто-то еще успел сделать несколько шагов, оставляя кровавый след, прежде чем упасть в грязь.

Одновременно с этим один из тенебраторов прощупывает Мреть. Наверное, считает себя умелым и выдержанным. Словно опытный лекарь, распознающий присутствие губительной опухоли одной лишь пальпацией. Но для Варда он подобен скорее островному примату,

бьющему палкой по озерной глади — эманации от его манипуляций расходятся, как круги по воде. Недоверие к своим коллегам, страх перед Мретью — они сами возделывают почву, на которой взойдут плоды поражения.

Вард легко обошел их ловушки, появившись прямо перед оторопевшими южанами; он сделал несколько изящных пассивов, и ткань вокруг ближайшего тенебрата закрутилась губительным смерчем. Вард слегка поморщился — ошметки разлетелись едва ли не на полет стрелы. Впрочем, результат удовлетворительный.

До уцелевшего южанина дошло, что у него на шее болтаются кишки напарника, а к крови на одежде вскоре может примешаться и его собственная. Он торопливо открыл сцепку, начиная проваливаться в нее, будто в болото. Вард помедлил — все это было нелогично и смахивало на ловушку. Но потом вспомнил, что для этих людей страх и растерянность не просто бесполезные эмоции. Усилием воли Вард закрыл сцепку: аккуратно срезанная верхняя половина тенебрата с хлопом рухнула на землю, да так и осталась стоять торчком. Он взмахнул руками, пытаясь что-то сделать, но лишь проблевался кровью и завалился на бок.

К Варду уже бежали горцы — звериные шкуры и зазубренные клинки. Раздался клич:

— Свобода или смерть!

Нет, уважаемые, сегодня никаких «или». Вард достал нож... и начал кромсать собственную плоть. Горцы замедлили бег, удивленно переглядываясь. А из ран тенебрата уже вырвались серые, под стать мантии, щупальца. Новообретенные гибкие конечности уперлась в землю, подняв Варда над окружающей толпой; серая плоть металась во все стороны, отрывая головы, выдергивая конечности из суставов, ломая кости... А откуда-то справа пробивались надзиратели, давя уцелевших лошадиными копытами и кромсая саблями.

Щупальца втянулись обратно, и Вард тяжело припал на колено. Надзиратели уже окружили его с пистолетами наизготовку, провожая убегающих горцев редкими выстрелами. Поле вокруг было завалено окровавленными телами и кусками такой слабой, ненадежной плоти... Вонь вывалившихся внутренностей и порохового дыма пробивалась даже через намордник. Все было кончено. Но Мреть еще звала...

Вард посмотрел на спины в черных камзолах. Их разделить так же просто, как и горцев, хватит и пары минут... А потом — Мреть и истинная свобода. И плевать на кураторов! Но в мыслях вдруг возникло девичье лицо с непослушной челкой над добрыми зелеными глазами.

Задышавшись, он сорвал намордник.

— Берг!

Старший надзиратель обернулся. Он все еще был разгорячен боем, его лицо забрызгала чужая кровь.

— Ранен? — это была не забота, а лишь проявление ответственности за доверенное имущество Империи.

— Нет, — слова с трудом продирались через глотку. Как всегда, после Мрети собственная плоть казалась чужой. — Слушай... Я должен увидеть Грету. Как можно скорее.

Не дожидаясь ответа, тенебрат развернулся и двинулся прочь, спотыкаясь о трупы. Открыть сцепку до лагеря он так и не решился...

* * *

Провожая ловкача взглядом и не знаю, чего мне хочется больше — разрядить оба пистолета ему вслед или прижать ствол к виску и покончить со всем разом. К счастью, как и в любой трудной ситуации, на помощь мне приходит устав, согласно которому — я лишь шестеренка в военном механизме Империи, а Вард — одно из самых опасных орудий возмездия для ее врагов. И посему я должен всячески его оберегать и позабыть, что Грета когда-то была моей невестой.

Ушла от имперского офицера к тенебрату... Ну и кто в это поверит? Смех, да и только. Парни начинают коситься — вид у меня, должно быть, малость растерянный.

— Чего встали? — голос не подводит, звучит ровно. — Трое с ловкачом — остальным прочесывать местность.

Сражение подходило к концу: южане дрогнули и отступление уже успело перерасти в паническое бегство. Наша славная бронящерная кавалерия приняла в этом самое активное участие, оставив трупов аж до самого горного хребта на горизонте. Но какой-нибудь фанатик с ружьем вполне мог затаиться по пути к лагерю. А я еще не терял ни одного подконтрольного тенебрата и портить статистику не собираюсь. Всех подопечных я устранию лично.

Ладно, это все лирика. Значит, Вард и Грета... Формально я могу ему отказать, полномочия позволяют. Но я достаточно пообщался с мречной братией, чтобы понимать: Грета — это последнее, что держит его в нашем мире.

«С ней я чувствую себя почти живым...» — из уст ловкача такое редко услышишь.

Без нее пришлось бы нашего Варда списать, пока он в свою Мреть не свалил. Или пока крышу у него не сорвало по-черному. Хотя для меня это был бы не самый худший вариант...

Тряхнув головой, отгоняю вредные мысли. Если личные желания идут вразрез с интересами Империи, их надо устранить. Иначе устранят тебя.

Но проблема в том, что мне придется тащиться вместе с ловкачом. Причина в мречном паразите, присосавшемся к моему позвоночнику аккурат около шеи. Если расстояние между ним и Вардом превысит морскую милю более чем на пару склянок, кураторы в метрополии поднимут по тревоге особый отряд, способный выследить тенебрата даже во Мрети. Ритуал это сложный и опасный — поэтому казематы под магистратом забиты психопатами, детьми неблагонадежных граждан, предателями и прочими маргиналами. Во время ритуала они служат отводом для негативной энергии — зрелище то еще, уж поверьте.

Придется, значит, увидаться с Гретой... Не смогу я в стороне остаться, себе-то не совершь. Ладно, прорвемся...

Я потрепал коня по гриве и вскочил в седло:

— Ну что, дружище, едем?..

* * *

Идея ловкача уже не казалась мне особенно хорошей. Из-за начавшейся бури нам пришлось добираться до города в крытой повозке, запряженной полудюжиной ящеров. Народу набилось под завязку, но желающих сидеть около тенебрата, конечно, не было. Пришлось мне втиснуться между ним и тощим священником, которого неслабо трясло от лихорадки. Отголоски ли бывшего страха перед темнотой, волнение ли перед встречей с Гретой? Но когда Вард попытался завязать разговор, я его одергивать не стал. Немного беспокоил священник: я, так-то, о службе при посторонних стараюсь особо не разглагольствовать. Впрочем, он вскоре перестал подавать признаки жизни, а к концу пути так и вовсе радовал приятной прохладой.

— Скольких тенебратов ты убил?

— Девять. Только тебя для ровного счета не хватает.

Вард, понятное дело, никак не отреагировал.

— А в чем была причина? Или надзирателям о таких вещах нельзя распространяться?

— Ну отчего же? Один, например, начал кожу с себя сдирать. Мол, плоть тенебрату только помеха. Другой попробовал тварь

мречную трахнуть... Продолжать? Вы народ изобретательный, каждый раз что-то новое было.

— Благодарю, я примерно так себе это и представлял... А ты не задумывался, почему для них жуткая Мреть оказалась в итоге милее великой Империи?

И почему Грета ушла к одному из этих чудил... Он этого не сказал, конечно, но мне от этого легче не стало. Срываю злость на мертвом священнике, отпихивая его на соседа.

— Чем об Империи трепаться, ты лучше о будущем своем подумай. Скоро и без вас спокойно обойдемся. Ружья новые видел, пушки? А в метрополии бомбы вместо пороха каким-то кракатилом набивают — стены на раз сносит.

— Отрадно слышать. Может, наконец-то перестанете Мреть беспокоить. Ну а если тенебратов не будет — как с тобой поступят, надзиратель?

Я невольно потер шею в том месте, где затаился паразит. Пытаться уязвить Варда, это как фехтовать с опытным бретером: вроде бьешь в уязвимое место, но тут же получаешь сталь в кишки на противоходе.

И ведь не получается на него злиться. Причина, опять же, в Грете. Вард ее излечил от Веселой чумы, когда я только и мог... Да ни хрена я не мог, прямо скажем.

Но вот почему она с ним осталась, все-таки? Не из благодарности же. Я как-то спросил и Грета ответила, мол, она ему нужна. Мне, говорю, тоже.

«Я знаю, мой капитан, и буду всегда любить тебя. Только тебе и Империя нужна. И она у тебя всегда на первом месте будет».

Как одно другому мешает? Непонятно. И тут она еще добавила:

«И Вард не забыл, что я любила гулять под дождем».

Это вот как вообще понять? Ну да, в Выгребе, если под дождем погуляешь — шкура до мяса слезет. Но я-то что мог поделать? Всех, кого Мреть больше положенного зацепила, или в расход пускают, или сюда ссылают. Я и так пытался надавить на кого мог. В том числе и на тех, к кому мне по уставу напрямую обращаться даже в мыслях запрещено. Нет, нельзя мне наедине с самим собой надолго оставаться — демон пойми, что в голову лезть начинает.

Тут на мое счастье повозка остановилась. Прибыли.

Я спрыгнул на склизкие булыжники мостовой и помог выбраться Варду. Тот кивнул с благодарной улыбкой, разминая затекшие конечности. Почти как человек.

— Готовьте монеты, бродяги! — глухо рыкнул возница, закутанный с ног до головы в разномастное тряпье. — Десятка с двух, пятерка с рыла!

Тут он заметил клыкастую пасть татуировки у меня на шее и сдернул очки с кварцевыми стеклами, прищурив единственный налитый кровью глаз.

— Ух ты ж мать моя мречная! Ты никак из «Кровожадов»?

Я неохотно кивнул, отсчитывая плату.

— Помню, как вы в Гнилых Топях на прорыв пошли... С дюжину-то хоть осталось вас?

Не дожидаясь ответа, он ткнул пальцем в сторону Варда:

— И нормально тебе теперь с дерьмом этим возиться-то? Вы вроде из правильных были...

Ловкач на это никак не отреагировал, лишь задумчиво пялился в затянутое тучами небо. Но меня этот треп уже порядком достал. Так что я сгреб возницу за шиворот и хорошенько, до зубовного лязга, тряхнул.

— Ты, подтирка ящериная, на что намекаешь? Тенебраты — личный ресурс самого императора. Он что, по-твоему, тоже у нас неправильный?

— Я ж... Не об этом вовсе... — Побледневший одноглазый даже не пытался вырваться.

— А о чем? Сам-то где служил?

— Третий бронящерный эскадрон... — Возница окончательно растерялся.

— Понятно. В Топях в резерве ошивался, а теперь по тылам с доходяг мелочь трясешь...

Я швырнул монеты ему под ноги и двинул прочь, не слушая оправданий.

— Вард! Уходим...

* * *

Тенебрат шел по улице, не обращая внимания ни на сырость, ни на лужи отравленной воды под ногами. Слабое присутствие Мрети ощущались повсюду, делая Выгреб довольно-таки уютным. Берг то и дело поглядывал на серое небо, не забывая, впрочем, и о работе: подозрительному типу в широкополой шляпе хватило одного взгляда, чтобы исчезнуть в ближайшей подворотне.

— Около двух часов у нас есть, — сказал Вард, немного обогнав надзирателя. Тот ответил вопросительным взглядом. — Дождь. Я чувствую Мреть, там, за облаками. Стабильная сцепка, очень высоко... — Тенебрат вяло махнул рукой, будто надеясь разогнать тучи.

Мимоходом Вард отметил, что ему становится все труднее излагать мысли — родной язык казался теперь на редкость бедным.

— Ага. Оттуда, значит, дерьмо это льется?

— Не совсем... Мречные эманации смешиваются с водяным паром, это верно, но первопричина — местный климат.

— А мы-то раньше думали, что это демон блюет на нас желчью с похмела...

— Неудивительно. Вы, люди, крайне склонны к персонификации чего угодно.

— «Вы, люди?» — Берг оскалился, но развивать тему не стал. — Ладно, заканчиваем. Не на коллоквиуме в метрополии.

Он явно нервничал: до дома Греты оставалось всего ничего. Еще один поворот...

Вард с интересом следил за лицом Берга, выражающим целую гамму чувств — от растерянности до бешенства. Причиной был сорванный с двери лист вощенной бумаги с печатью Империи. Он сообщал, что жильцы дома помещены под стражу, как подвергшиеся опасным изменениям из-за «субстанции, Мретью именуемой».

— Дерьмо ящериное! — Надзиратель смял приказ, обломки печати посыпались в грязь.

Вард терпеливо ждал.

— Так... — Берг выдохнул, скрывая эмоции под привычной маской холодного профессионализма. — Ловкач, ты идешь со мной в магистрат. Там за тобой присмотрят. А я пока со всем разберусь. Понял?

Надзиратель окинул его испытывающим взглядом и Вард торжественно кивнул, стараясь не выдавать чрезмерного волнения. Похоже, он и сам не до конца понял, как важна для него Грета...

Берг какое-то время колебался, не решаясь, видимо, оставить поднадзорного.

— Главное, не сотвори чего-нибудь эдакое. Очень прошу. Не хочу, чтобы Грета из-за тебя переживала, — проникновенно сказал надзиратель. И — немыслимо! — положил руку на плечо проклятого мречника.

Вард даже испытал к нему что-то вроде сочувствия.

* * *

— Берг, дружище, какая приятная неожиданность! — Советник по вопросам Мрети поднялся из массивного кресла, щеря коричневые

зубы в радостной улыбке. Покрытая родовой татуировкой щекастая морда так и сияла дружелюбием. Брат родной, да и только.

Вместо ответа я швырнул на стол приказ. Он подхватил его, изумленно вскинув брови, но я заметил дрожь в пухлых ручонках. Охранник у двери повесил на крючок мою португею с пистолетами и привалился к стене, звякнув старомодной кольчугой. Саблю тоже хотел забрать, но я в доступной форме напомнил ему о своем праве носить ее даже в присутствии императора.

— Это... Хм... Понимаешь, произошло небольшое недоразумение. Я уже поручил все утрясти нужным людям. Всех подробностей я не знаю, но если ты зайдешь, скажем, завтра...

Да, трепаться у Корбла получалось всегда. Еще с тех времен, когда он был штабной крысой во второй ударной, которой были приданы «Кровожады». Именно он утвердил план прорыва, когда наш отряд атаковал позиции южан в тех самых Гнилых Топях. Мол, «Кровожады» достаточно подготовлены, чтобы справиться с их ловкачами.

Мы, конечно, справились. Прошли сквозь огонь артиллерии, сшибли их передовое охранение. А потом ловкачи накрыли свои позиции непроницаемым куполом. Что-то вроде одной большой сцепки. И спустили на нас своих тварей. Свет факелов и вспышки выстрелов выхватывали то черные изломанные фигуры, разрывающие людей многосуставчатыми лапами, то облепленные слизняками туши, подтаскивающие жертв длинными щупальцами к ощерившимся пастьям. Да только для «Кровожадов» этого оказалось маловато.

Уцелевших решено было отправить в Выгреб. И тут Корбл решил протолкнуть прожект по надзирателям. Он же настоял, чтобы меня назначили старшим в одной из групп. Благодарности за это я не испытываю — понятно, что он хочет на моем горбу въехать в метрополию. Вон, даже в Выгреб добровольно перевелся — на особо трудный участок. Так что пока мы были повязаны. Ему периодически поступали хвалебные доклады о моей службе, а он присматривал, насколько мог, за Гретой и «Кровожадами». Я с парнями так объясниться и не смог, они меня чуть ли не предателем посчитали... Ведь ловкачей перестали пускать на корм червям, если брали живьем. Наоборот — стали всячески заманивать на службу Империи. И нужны были те, кто сможет их остановить в случае чего...

— Корбл, ты мне вот что скажи — я в этом одеянии очень похож на деревенского дурака? — Незнающие меня люди сочли бы мой тон вполне дружелюбным.

Советник осекся и торопливо смахнул кружевным платком пот со лба:

— Эм... Да нет, костюм вполне себе... А к чему...

— Так чего ж ты пытаешься мне уши дерьмом забить?

— Не понимаю, о чем ты...

Я хлопнул ладонью по столешнице, опрокинув чернильницу из черепа небольшой обезьяны:

— Так начинай понимать! Или тебе помочь? А ты, штафирка, стой ровно и не рыпайся!

Последнее относилось к охраннику, шагнувшему было ко мне с нерешительным видом.

— Ты бы Грету никогда из поля зрения не упустил, уж я тебя знаю. Так что выкладывай — где она и почему.

Губы советника задрожали, лицо побледнело в тон кружевного жабо. Он боялся. Но не меня.

— Взять его! — от визга Корбла у меня заложило ухо.

Охранник не подкачал, сразу кинулся вперед, намереваясь заломать меня прежде, чем я успею выхватить саблю. Получилось у него не слишком — я успел перехватить жилистое запястье и швырнул громилу через спину. Лучевая кость податливо хрустнула, разорвав кожу окровавленными обломками. Не теряя времени, наваливаюсь сверху и после короткой борьбы ломаю охраннику шею. Корбл с грохотом тянет перекосившийся ящик, едва не опрокинув стол. Ловлю его взгляд и укоризненно качаю головой. Но он все же достает пистолет и даже успевает щелкнуть курком, прежде чем лезвие сабли сносит ему руку по локоть. Корбл вжимается в стену, тараща глаза на фонтан артериальной крови.

— Не дергайтесь, господин советник...

Аккуратно, стараясь не запачкаться, усаживаю его в кресло и перетягиваю обрубок шарфом охранника.

Корбл продолжает упорствовать, так что в ход идет все: перочинный нож, порох, ламповое масло, кинжал охранника, кочерга; у любого есть слабое место, нужно лишь немного времени. Одно из качеств хорошего надзирателя: уметь пытать где угодно и когда угодно.

И он заговорил, но теперь мне понадобилась вся выдержка, чтобы не дать волю отчаянию.

— Кур... кхак... кураторы ее взяли ваши... вытащи это из меня, прошу...

— Чем раньше все расскажешь, тем быстрее закончим.

Это на него подействовало, излагать советник стал гораздо бодрее. Как оказалось, не только я следил за новшествами в области умерщвления врагов Империи. Кураторы понимали: новое оружие угрожает им в той же степени, что и ротным тенебратам на поле боя. В метрополии все чаще стали говорить об упразднении мречного министерства. Нужно было срочно убедить императора в том, что

списывать тенебратов пока еще рано. Кто-то вспомнил о Грете. Единственном человеке, которого тенебрат спас от Веселой чумы. А тут еще оказалось, что Вард не просто ее вылечил...

— Она сама виновата... Гуляла под Дождем. Мне пришлось доложить в метрополию...

— Кто из кураторов здесь?

— Все трое... Последний два дня, как прибыл...

— Понятно, не доверяют друг другу. То ли дело мы с тобой, а?

Корбл признался, что Грету поместили в Санаторий — там, вроде как, пытались лечить серьезно пораженных Мретью. Да только пока еще никто из пациентов живым и здоровым оттуда не вышел. Я старался не думать о том, что эти вивисекторы способны сотворить с Гретой.

— Берг... — Корбл прервал мои невеселые размышления, — ты еще можешь соскочить. Позови лекарей... Не губи себя из-за девки! На советника руку поднять — это ж свежевание прилюдное, как минимум!

Он немного ожил — я дал ему настойки на основе трав ловкачей, чтоб совсем от боли не рехнулся.

— Ничего, как местные говорят — Дождь все смое. А может тебя на лечение к твоим корешам новым отправить, в Санаторий? Они, кстати, понимают, что Вард может учинить, когда узнает? Тут уже не о девках речь — безопасность Империи под угрозой!

— Образцовый служака — постоянно о благе Империи печешься... — У советника еще остались силы острить. Это хорошо.

— Они тебя просили о чем-то еще: люди, препараты?

— Весь сброд из казематов в Санаторий отправили утром. И сегодня телега с припасами приедет, там список на столе...

Понятно. Готовят ритуал против Варда. Я достал из сумки свежую рубаху, швырнув забрызганную кровью в камин.

— Благодарю вас за содействие, господин советник, — я накинул камзол, — К сожалению, мне нужно спешить...

* * *

В столовой было сухо и тепло. Вард жевал кусок солонины, не чувствуя вкуса. У выхода на лавке сидели двое стражников, направив на него взведенные ружья. Тот, что был моложе, сдал лажу побелевшими пальцами так, что древесина, казалось, вот-вот треснет. В камеру запереть его никто не посмел, а других подходящих

помещений не нашлось. Вард попытался объяснить Бергу, что возможность заточения никоим образом не ущемляет его самолюбие, но надзиратель поспешил уйти.

Забавно все это. Уделять столько внимания внешности и регалиям, в то время как совсем рядом лежит практически непознанный мир... Берг-то хоть отчасти это понимает. Правда, исключительно в негативном плане, из-за шор долга перед Империей. Впрочем, другого от него и не требовалось. Любовь и преданность делу способны сотворить не все, но многое...

Медленно тянулось время. И столь же медленно и незаметно от тенебрата дюйм за дюймом расходились тонкие нити, смешиваясь с грязью на полу и копотью на стенах.

В столовую зашел дюжий сержант:

— Как обстановка?

— Дык какая тут обстановка. Пожрал и сидит, в окно пялится. Вроде и не шевелится даже.

— Этими... Речами всякими не страшает?

— Никак нет, молчит.

Когда через час из коридора донеслись грохот подкованных сапог и возбужденные голоса стражников, нити Варда уже оплели все этажи магистрата. Оба часовых вытянули шеи в сторону приоткрытой двери, пытаясь уяснить причину общей паники. Доносились обрывки фраз:

—...Такое дерьмо даже Дождь не смоеет...

—...Дознаватель где? В борделе искали?..

—...Советник доложить сказал, как кто из тенебратов нарисуетса...

—...Он остыть успел! Ты как шел-то? Через кабак и пару кружек на ход ноги?

— А вали-ка ты Дождь хлебать! Сказал же — закрыто все было, думал — свалил он.

— Свалил, ага... Во Мреть вприпрыжку...

— ...Так только «Кровожады» с предателями поступали. Ну и южане на ритуалах своих. В смысле — кто кого научил? А вам сейчас, коллега, извините, не один хер?

—...Перекрыть все выезды. Патрули усилить. С Санатория только никого не снимать, приказ с утра был.

Вард вспомнил картину города, прикинул расстояние и время. Пожалуй, пора.

На все ушло не больше минуты. Мречные побегии проросли шипастым кустарником, пронзая тела служителей магистрата и напityвая их вязким соком. Вард вышел на улицу, аккуратно огйбая раздуваюищиеся трупы, подставил лицо первым каплям Дождя. Тех,

кто прибудет в магистрат после его ухода, он не опасался. «Плоды» вскоре созреют, и тогда живые позавидуют мертвым... если успеют, конечно. Все шло по плану.

* * *

Вард не обманул — начался настоящий ливень, вынудив меня укрыться под ближайшим навесом. Плащ успел промокнуть, и редкие капли оставляли жгучие дорожки на лице и шее. Я и раньше не особо любил Выгреб — гнилой городишко, во всех смыслах. Эта дрянь с небес травит и плоть, и мысли. Грета, родная, как же так вышло...

Чтобы успокоиться, перезаряжаю пистолеты. Кажется, что в местном воздухе порох успеваает отсыреть еще до того, как засыпешь его на полку. Времени у меня немного — кураторы не будут тянуть с ритуалом. А я даже не могу приблизиться к Санаторию.

От шеи по телу растеклась очередная волна боли. То ли паразиту не по вкусу Дождь, то ли это у меня... Как там Вард выражался? Психосоматическое, точно. Кстати о нем. Ловкач мог бы здорово помочь, но кто знает, что он отмочит? Эх, парней бы сюда из надзирателей... Хотя, где гарантии, что кураторы или лично Корбл кого-то из них не подкармливали?

Значит, остается только одно. «Кровожады». Снова в бой, как когда-то. И снова я втягиваю их в дерьмо, которое разгрести не факт, что получится... Только в этот раз уже по своей воле. Это при условии, что они вообще захотят со мной говорить.

Дождь пошел на убыль. Ну, Берг! Я поправил портупею, чтоб было удобнее выхватить пистолеты, и шагнул из-под навеса.

Первым в списке был Коновал. Собственно, без него мои шансы вытащить Грету были примерно на уровне змеиной задницы. Коновал держал мясную лавку за две улицы от Санатория. Я еще издали слышал знакомый голос бывшего сержанта, готовый в любой момент перекрыть шум битвы хриплым ревом. Коновал спорил с единственным посетителем, должно быть поставщиком, опирающимся на покосившуюся тележку. Из-под дерюги выглядывала нижняя половина женщины с задранным подолом.

— Двойная плата за брюхатую! — Коновал для наглядности ткнул тесаком в плоский живот умершей. — Брюхатая — это когда мелкий уже вылезти готов! Понял, нет? Если ты час назад из нее огрызок свой вытащил — этого недостаточно!

Я обождал за углом, пока он не высыпал в протянутую ладонь пригоршню монет, и поставщик с недовольным ворчанием не прошел мимо меня.

— Как жизнь, Коновал?

Он вздрогнул и медленно обернулся. Все такой же кряжистый и широкоплечий, только щетина на одутловатых щеках отливала не черню, а серебром.

— Демон меня задери... — он заткнул тесак за пояс и зачем-то торопливо вытер руки о фартук, — какие люди! С чем пожаловал, старшой?

— Дело есть.

— Дело, значит... — он не спеша подошел, — Что, Империи свежее мясо понадобилось?

Я двинул подбородком в сторону лавки:

— Ты, смотрю, от него тоже не отказываешься.

Он невольно усмехнулся, но тут же нахмурился, одутловатые щеки раздраженно дернулись.

— Лучше назови хотя бы одну причину, почему я не должен посылать тебя в самые глубины мречной задницы.

— А я-то надеялся, что мы туда двинем на пару. — Я протянул ему сверток из бархата, который недавно покрывал стол советника по вопросам Мрети.

Коновал смерил меня подозрительным взглядом, но дар любезно принял.

— Мать моя мречная... — тряпка упала мостовую. — Откуда...

Подрагивающими ладонями он расправил то, что когда-то было лицом Корбла. Подергал, поскреб ногтем татуировки.

— Ты еще на зуб попробуй, — советую.

Коновал открыл было рот, но тут же щелкнул челюстями и торопливо огляделся.

— Ты это... Пойдем-ка в лавку.

Внутри все было завешано разделанными телами — дела у Коновала шли явно неплохо.

— Перекусить не хочешь, старшой? Могу сварганить по-быстроу. Правда, сегодня только человечина местная.

— Времени нет. Да что ты в рожу эту так вцепился?

Изложил я все довольно быстро. Коновал, как настоящий солдат, лишних вопросов не задавал. Какое-то время в лавке царила тишина.

— Мда... — Коновал нарушил молчание. — И как нам все это проверить?

— Кто еще из наших может подсобить?

— Хм... Разве что Горелые. Мне паренек выпивку притащить сейчас должен, могу его за ними отправить. Дергунчика в дождевой

яме сгноили: под мозголомкой бабу нагнул какую-то, мужика ее прирезал... Хруст с Чистюлей в бегах, вроде, в наемники подались.

— Понятно... Есть еще один момент — я похлопал себя по шее, — мне от одного приживалы избавиться надо. Ты скальпель еще держать не разучился?

— Обижаешь. Только... Ты точно уверен? Хребет — это не шутки. Может так скрутить, что на всю жизнь калекой останешься. Если вообще во Мреть не загремишь.

— Уверен. Режь.

Коновал вздохнул, но я видел, как радостно вспыхнули его глаза. Если бы не я, был бы он сейчас хирургом, может, даже в метрополии... Ладно, не время для этого

— Так, скидывай тряпки, располагайся. Ага, прям в разделочной. Я пока тебе отвар из мозголомки организую. Только щекотку почувствуешь.

— Ты давай, меньше слов. Времени мало.

А ведь ничего ему не мешает меня сдать. Глядишь, заслужит переезд, еще и деньжат подкинут... Вот и проверим, осталось ли что от бывшего братства. И когда Коновал протянул мне чашу с вонючим варевом, я осушил ее одним махом.

...Горелые от Корбла пришли в восторг. Они тоже почти не изменились. С ног до головы в клепаной коже — по местной моде, одинаково взлохмаченные, жилистые и двинутые на всю голову.

— А я всегда говорил, что Берг этого хмыря все равно разделает! — Отис с нервным смешком погладил лицо советника. — А теперь еще и с ловкачей расчет возьмем.

Он злобно оскалил подпиленные зубы. Его сестра, Линда, припечатала мне сочный поцелуй, обняв за перевязанную шею.

— О, мой герой! Можно, я из него маску сделаю?

Я скривился — шея ныла немилосердно. Держался я только за счет остатков зелья, которым потчевал Корбла. Да и бессонная ночь давала о себе знать. Ничего, выдержу. Должен выдержать.

— Так, отставить разговоры! — я соскочил со стола, отстранив Линду. — Вы в деле или как?

— А то! — Отис хлопнул сестру по упругому заду. — Тяга к войне и инцесту у нас в крови!

Линда довольно хихикнула и облизнула полные губы.

— Отлично, — я чуть помолчал, ожидая, когда комната перестанет вращаться, — оружие есть?

— Само собой. У нас даже кракатита бочонок заваялся!

Я оживился. А дела-то налаживаются! Как они его достали, интересно? Потом, все потом...

Коновал принес четыре кружки с местным пойлом.

— Ну, за то, чтоб Мреть для нас светлее стала... Ох ты ж, продирает... Значит так, — я склонился над столом, где был набросан план Санатория: спасибо Корблу. — Повозку перехватим здесь. Твой парнишка кабацкий лошадьми править умеет? Отлично. Отис, арбалетом пользоваться не разучился?..

Грета, родная, потерпи еще немного...

«...я уже рядом». Вард словно парил над Санаторием, являя собой воплощение терпения. Совсем как на южном фронте три дня назад... Или три года? Поддерживать пограничное состояние было очень трудно, но оставаться во Мрети было так же рискованно, как и на улицах Выгреба. Ему нужен полный контроль над ситуацией. Тенебрат чувствовал, как сцепка над городом отзывается на ритуал кураторов, ощущал тщательно расставленные ловушки. Но еще не время. Сперва свой ход должен сделать Берг.

К воротам подъехала крытая повозка с припасами. Встречать ее вышла одна из кураторов в сопровождении нескольких солдат. Под капюшоном, как и у остальных, белела стальная маска, инкрустированная бронзой. Безликие и всевидящие, лучшие умы Империи, подавившие в себе все, кроме чувства долга.

Возница откинул дерюгу, демонстрируя опечатанные коробки, сосуды с мутной жидкостью и прочие ингредиенты успешного ритуала, затем отошел в сторонку с одним из охранников, мастера на ходу самокрутку. Рука в бархатной перчатке нерешительно коснулась ближайшей коробки, и Вард почувствовал, как куратор пытается прощупать Мреть. Он так и не услышал вкрадчивого шипения порохового шнура...

Страшный взрыв разметал и повозку, и часть стены с караульной будкой. От куратора осталась лишь искореженная маска, заляпанная кровью. Забил тревожный колокол, подгоняя бегущих к чадающей воронке солдат. Но Варда гораздо больше интересовала калитка черного хода на противоположной стене.

Из-за темного переулка вынырнула неприметная фигура в черном плаще, припав на колено. Секунду спустя тускло блеснула стальная дуга арбалета и граненый болт пробил кирасу часового. А вот и Берг со товарищи.

В этот момент незримая сила рванула Варда наверх, к сцепке. Он с большим трудом вернулся на прежнюю позицию. Кураторы. Торопятся инициировать ритуал, как и ожидалось. Но Бергу лучше поспешить...

Я сместился вправо, уходя от палаша долговязого капитана, и ударил наотмашь, с оттяжкой, вскрыв его глотку аккуратно над кирасой. Рядом Коновал прижал коленом к земле широкоплечего гвардейца. Лезвие тесака ритмично чавкало, кромсая податливую плоть.

Мы без особых проблем добрались до внутреннего двора, но здесь напоролись на отряд внутренней охраны. Вот почему Линда лежит среди легкомысленных розовых кустиков, хрипя простреленными легкими. Отис успел перегрызть глотку стрелку, и теперь склонился над ней, бережно поддерживая белокурую голову. Я некстати вспомнил, что ей еще и тридцати нет.

— Чисто, старшой, — Коновал утер рукавом пот, — сколько ж мяса-то зазря перевели...

Со стороны дверей раздался грохот — кто-то вернул солдат от раскученных ворот. Массивный засов пока держался.

— Я их встречу, — Отис торопливо стер с губ чужую кровь и поцеловал сестру. — Не задерживайся тут, душа моя. Мреть ждать не любит.

Не оглядываясь, он пошел к дверям, щелкая огнивом над шнуром, тянущимся из сумки на груди. Там что-то позвякивало — похоже, кроме остатков кракатики, Горелый натолкал туда гвоздей.

— Вот и кончились «Кровожады»... — Коновал тоскливо вздохнул, глядя ему вслед.

— Отставить, сержант! — я зло встряхнул его за плечо. — За мной, бегом!

Флигель, пустой зал с откинутым люком, лестница в подвал, оба оставшихся пистолета наизготовку... Сзади раздаются крики, выстрелы, их перекрывает грохот взрыва... *Не останавливаться!*

Я с разбега влетаю плечом в дверь у подножья лестницы. Первым делом вижу двух офицеров. Разряжаю в них разом оба пистолета и вижу вспышку ответного выстрела. Удар в бедро едва не сбивает с ног, благо Коновал успевает меня перехватить. Моим оппонентам повезло меньше. Один бьется в агонии с огромной дырой в шее, высекая шпорами искры из пола, второму снесло верхушку черепа — с мозгами наружу даже тенебрату воевать затруднительно. Сквозь дым различаю шкафы вдоль стен, столик с хирургическими инструментами, массивную каменную плиту, на которой... На которой...

Коновал с побледневшим лицом забормотал молитву вперемешку с отборной руганью. Отшвырнув пистолеты, я захромал к плите, трясаясь, как в лихорадке.

Грета была выпотрошена, словно дохлая рыба. Внутренние органы аккуратно разложены рядом, соединенные с телом и какими-то банками с подрагивающими трубками. Череп был аккуратно вскрыт, в отверстии пульсировал какой-то черный комок. Нетронутым осталось только лицо.

И она была еще жива.

— Берг... — Из горла, сорванного криками боли, вырывался лишь хриловатый шепот.

Чувствую, как невидимая лапа сдавила мне сердце.

— Я здесь, милая. Держись, мы сейчас... Коновал!

На мое плечо легла тяжелая ладонь.

— Извини, старшой, тут без вариантов...

— Я говорила им, что ты придешь, — бледные губы растянулись в вымученной улыбке, — утопишь в крови их проклятое логово. Они не поверили. Даже Вард оставил меня... Говорил, что всегда чувствует то же, что и я. Отчего тогда он не пришел?..

Вдоль хребта прошла ледяная волна. «С ней я чувствую себя почти живым...»

— Когда он тебе это сказал? После Веселой чумы?

— Старшой, — Коновал торопливо перезаряжал пистолеты, озабоченно поглядывая в сторону лестницы, — надо уходить. Сейчас здесь вся стража соберется с гарнизонными!

— Ты совсем охренел? — хватаю его за грудки, едва не упав. — Бросить ее вот так?

— Не бросить. Я... Помогу, если что.

Рука, занесенная для удара, бессильно падает вдоль тела. В глазах здоровяка читается только сочувствие.

— Он прав, любимый... — одинокая слеза сбегает по щеке Греты. — Сделай это. Пожалуйста...

В следующий миг Коновал сбивает меня с ног. Слышится хлюпающий звук закрывшейся сцепки. В комнате воплощается куратор. Из его рукава вылетает что-то, похожее на застывшую молнию, и впивается в лицо Коновала. Но прежде чем череп старого сержанта разлетается мелкими ошметками, он успевает взвести курок. Пуля задевает маску тенебрата, и он приваливается к стене, мотая головой. Слышу чье-то рычание. Ловкачья тварь?

И тут понимаю, что это я.

Забыв про оружие, про рану, бросаюсь вперед, как бешеный ящер. Никогда еще мне так не хотелось чужой крови. Я сбил ловкача с ног, сдавил глотку и приложил затылком об пол. Раз, другой... В горле что-то хрустнуло, куратор захрипел. Думаешь, это все?! Отпускаю его, но лишь для того, чтобы ткнуть пальцами в прорезь для глаз.

Наконец все кончено. Я вытираю руки об мантию и отваливаюсь от обмякшего тела. Бешенство схлынуло, боль и усталость сжимают тело в свинцовых тисках.

— Грета!

Она не отвечает. Пытаюсь подползти ближе, но бедро стреляет такой болью, что я на мгновение теряю сознание.

— Не переживай, она спит.

Вард. Стоит у входа. Как всегда опрятен и невозмутим.

— Вовремя ты, — по привычке лапаю эфес слабеющими пальцами.

— Вообще-то да, — ловкач кивнул в сторону куратора, — он пытался сцепку открыть, позвать кое-кого. Я не дал.

— Премного благодарен... Грета сказала, что ты ее всегда чувствовал. Это правда?

— Да.

Прикидываю, смогу ли достать его саблей. Нет, без вариантов. Вместо этого срываюсь на крик:

— Так какого хрена мы только сегодня приехали?!

— Всему свое время. Мне нужны были все кураторы.

— Время? Посмотри, что они с ней сделали, гнида ты мречная!

На мгновение его лицо дрогнуло, и он отвел взгляд от Греты.

— Это прискорбно, но другого выхода не было. И это тело ей больше не понадобится. Впрочем, как и мое — мне.

— Ты что несешь?

— Мы уходим, Берг. Во Мреть. Ты был прав — время тенебратов прошло. Но вы ведь не отпустите нас. И будете продолжать терзать Мреть, пока от нее будет хоть какая-то польза...

Все встало на свои места, как в хитрых механических замках. Достать кураторов в метрополии Вард не мог. И Грета стала приманкой.

— Пойми, это был единственный способ. Я даже инкогнито проспонсировал разработку кракатита. Не зря, получается. Весьма... эффективное средство, как оказалось.

Мой плевок позорно приземлился на полпути к его сапогам. Впрочем, я и дышал-то уже с трудом.

— Не пойму, отчего столько злобы? — Вард выглядел по-настоящему озадаченным. — Ты ведь победил! Грете будет лучше во Мрети, поверь.

— Она... Никогда тебя не простит.

— У нас на это будет целая вечность. Время там ничего не значит... И потом — она всегда будет вольна уйти, — речь его лилась легко и без запинок. То ли близость Мрети бодрила, то ли давно не курил своих трав.

— Ритуал...

— О, не беспокойся. Он, конечно, завершится. Только одного тенебрата недостаточно, чтоб уследить за всем. Так что я немного подправил вектор воздействия на негативное поле... Впрочем, тебе это не особо интересно. Лучше подумай о том, что твоя Империя сегодня тоже выиграет. Потеряет один город, зато получит veto на исследования Мрети.

Взгляд Варда стал отрешенным:

— Ты даже не представляешь, что таится в ее глубинах... Тенебраты научились всего лишь управлять мелкими паразитами и урывать крохи энергии, а уже возомнили себя властителям Мрети. Но они так упорны в своих изысканиях, что истинные хозяева уже начали обращать на них внимание. Поверь, Берг, даже мне становится страшно, когда я пытаюсь представить, что они могут сделать с вашим миром.

— А ты, значит, решил переметнуться к победителям? — Мне становится холодно. Дурной знак.

— Всего лишь ассимилироваться. Стать одним из паразитов, если тебе угодно. Ты ведь тоже не просто так в надзиратели пошел?

Тут он меня уел, конечно.

— Извини, Берг, но нам пора. Ритуал вот-вот начнется. За тем шкафом тайный ход за пределы города, как раз к караванной тропе. Шансы у тебя, прямо скажем, небольшие, но все-таки. Спасибо тебе за все и прощай. Ты был неплохим парнем... для надзирателя.

Из его тела начали стремительно разрастаться серые нити, похожие на молодые побеги, обвивая тело Греты — словно кокон. Я в последний раз взглянул на родное лицо. И собрав остатки сил, пополз к шкафу. Боль вернулась, но я был только рад.

Я лежал на земле среди груды камней, пялясь в хмурое небо.

Вот и все. Прощай, Грета.

Я еще успел увидеть, как с недосыгаемой высоты на Выгреб рухнул черный столп, оставивший после себя дымящийся кратер. Ритуал удался, спору нет. До таких результатов нам, пожалуй, пока еще далеко...

Не знаю, смогу ли я добраться до ближайшего оазиса, пока не началась очередная буря. Может, повезет перехватить кого-то из караванщиков.

Что я вообще буду делать, если выживу?

Но это все потом. А пока я просто смотрел на тучи.

На лицо упала капля, еще одна... Отлично. О караванщиках теперь можно не беспокоиться, как и о похоронах...



И тут до меня дошло. На глазах, впервые с детства, навернулись
слезы. Грета...

На меня обрушился целый ливень.

Но это был дождь. Просто дождь.

Егор Емельянов

Тринадцать из Харуда



Все молодые люди представляют войну одинаково: лязг стали и свист сотен стрел над головой, приказы командиров, крики раненых, огонь, кровь, смерть. Все молодые люди гаупы.

Саид сел на один из мешков с зерном и, скормив умирающему костру несколько веток, всмотрелся в тихую ночь перед ним. Густая тьма со всех сторон, и даже звезды попрятались за хмурыми тучами. Люди Саида непрерывно ходили вокруг костра, но не столько по надобности, сколько от невозможности оставаться в покое. Их серая, как и у всех праведных, кожа практически не отражала слабый свет костра. Казалось, что тьма поглотила их лица. Саид чувствовал на себе

их взгляды, видел, как их руки практически случайно ложились на рукояти мечей.

*«Почему ты всегда такой хмурый, Саид?»
Запах ее волос: корица и тмин. Легкий поцелуй на щеке.
«Улыбнись. Ты совсем другой, когда улыбаешься».*

Они сидели молча, тринадцать человек из славного города Харуда, и смотрели, как мертвые ветки обращаются в дым. Никто не разговаривал, никто не пел песен, и лишь Кабир иногда кашлял кровью. Тринадцать человек ниоткуда. Запри людей без света и надежды — тогда они сами прижмутся друг к другу.

Саид повел их, дал им цель и возможность, обещал им многое и сдержал свое слово. Но сейчас он был тем, кто заставил их сидеть на мешках с зерном в ночной тишине, в ожидании, наедине с голосами тех, кого нет. Они ненавидели Саида за это.

Бесконечное ожидание в холодной и пустой темноте — это и есть война. И на войне не стоит бояться крови, огня или стали в чужих руках: они станут твоими друзьями, помогут забыть. На войне нужно бояться лишь тихих ночей, что обволакивают тебя шепотом воспоминаний.

*«Папа, смотри».
Горячий пепел забивает легкие, забирается под ногти, лезет в глаза.
«Ты не смотришь! Почему ты не смотришь?»*

На мгновение Саид вновь ощутил жжение пепла на руках и невольно провел ногтями по застарелым ожогам. Рядом ворочался спящий Максур. Его длинное, покрытое рваными шрамами тело дергалось, словно он пытался бороться. Даже во сне глаза бешено вращались: солдаты Императора хотели, чтобы Максур не мог не смотреть, и в первую очередь забрали его веки. Потом забрали детей.

Накрапывал мелкий надоедливый дождик, обещая превратить в грязь поля и дороги, скормить еще больше земли затхлым болотам. Дождь на границе никогда по-настоящему не заканчивался, и порой казалось, что больше ничего нет в этом мире, кроме бесконечных хмурых туч и холодной грязи. Словно весь мир — грязь, и люди вокруг облеплены ею с ног до головы, пропитаны насквозь, дышат грязью и слова их — грязь.

*«Саид?»
Дым застилает небо, и текут черные слезы.
«Где бродят твои мысли?»*

Саид запрокинул голову, подставив лицо мелким неуверенным каплям. Раскрыв рот, он поймал несколько из них и поморщился: даже дождь на границе как будто поддался гниению. Обтерев лицо ладонью, Саид провел пальцами по жесткой щетине и грубым шрамам на подбородке, медленно выдохнул.

— Я вижу твоё горло, айвар. — сказал Кабир, подкравшийся на удивление тихо для человека, умирающего от чахотки.

Саид взглянул на Кабира сквозь полуприкрытые веки и медленно опустил голову. Такой молодой, а с этим кашлем едва ли станет старше. Саид нашел его совсем мальчиком, всего в слезах, умирающего от голода возле дерева висельников. Несколько дней Кабир прятался и смотрел, как солдаты украшали широкие ветви телами всех, кого он когда-либо знал. Саид согрел и накормил его, взял с собой, научил убивать. И теперь Кабир направил лезвие своего скимитара на горло Саида.

— А теперь ты видишь мои глаза. — сказал Саид, и их взгляды встретились. — Говори, друг, твои слова будут услышаны.

— Как долго нам еще гнить в этих болотах, Саид? — Не выпуская оружия, Кабир сделал шаг вперед, и лезвие сабли замерло прямо возле глаз Саида.

— Как долго нам нужно терпеть эти... — голос Кабира упал почти до шепота, — ...эти голоса? Я слышу, как моя мать поет колыбельные из Пустоты. Она является мне во снах, в своем любимом платье, среди прочих висельников, и мертвые качаются на своих веревках в такт ее песням. Она поет, айвар, но губы ее сшиты, а горло сдавлено веревкой. Она поет, и я начинаю раскачиваться вместе с ними.

Саид поднялся и Кабир невольно дернулся, оставив порез на его щеке. Остальные не смотрели в их сторону, но видели все. Не обращая внимания на стекающую по шее кровь, Саид подошел к юноше и положил руки на его дрожащие плечи, некрепко сжал.

— Я слышал твои слова, Кабир, теперь услышь и ты мои. Я помогу тебе, я прогоню голоса и сны. Я сделаю это, как делал уже множество раз, но сейчас мы должны оставаться здесь.

— Почему? — Слезы бежали по лицу Кабира.

— Потому что таковы мои желания.

Каждый из двенадцати пошел за Саидом с разбитой душой и разумом, каждому он дал то, что помогло удержать острые осколки. Кабиру нужен был бог, который слышит молитвы, который заботится и никогда не уйдет. И Саид стал этим богом.

— Ступай по моим следам, Кабир, и я приведу тебя к миру. Так было и так будет. Убей меня, и останешься один.

«Ты выглядишь одиноко, Саид».

*Лезвие бритвы царапает кожу, освобождает кровь.
«Совсем один».*

Скимитар упал на землю.

— Прости меня, айвар. Прости меня.

— Все хорошо.

Саид положил руки на затылок Кабира, притянул его ближе и коснулся своим лбом его лба.

— Я усомнился. После всего, что ты сделал, я усомнился...

— Все хорошо, Кабир, я прощаю тебя.

Резким ударом головы Саид сломал Кабину нос. Ударил ногой в пах, схватил юношу за волосы и, резко дернув, развернул полубоком. Три сильных удара под ребра заставили Кабира согнуться, а удар коленом в лицо — упасть на землю. Не давая скорчившемуся от боли Кабину прийти в себя, Саид стал бить его ногами, стараясь попасть по почкам, печени или ребрам, не останавливаясь, даже когда юноша стал харкать кровью. Саид бил до тех пор, пока не услышал, как хрустнули кости, после чего склонился над дрожащим телом и прошептал:

— Я дарю тебе эту боль, Кабир. Возлюби ее, как прекраснейшую из женщин, думай только о ней, живи ею, тогда она поможет тебе. И никогда более не сомневайся во мне.

— Спасибо, — прохрипел Кабир и улыбнулся окровавленными зубами. — Больше никогда.

Поднявшись на ноги, Саид увидел сухую фигуру старика Закарии, безмолвно указывающую в непроглядную ночь.

— Едут, — сказал он своим сухим, как хворост, голосом и опустил руку. — Три телеги.

Посмотрев в указанном направлении, Саид ничего не увидел, и слух его тоже не распознал никаких признаков приближающихся телег. Однако сомневаться в словах старика было глупо: Закария никогда не ошибался. Порой Саид подозревал, что за сединой и морщинами прячется один из проповедников Пророка, но старый проповедник — это такой же абсурд, как и твердая вода.

Через некоторое время Саид тоже услышал телеги, и вскоре те проступили из темноты. На передних стойках горели факелы, освещая дорогу возницам, две из них уже были заполнены мешками с провиантом и фуражом, укрыты от непогоды плотной тканью. Третья же была пуста — и именно она свернула в сторону Тринадцати.

Когда телега приблизилась, стали видны и солдаты, сидящие рядом с возницей. Справа от телеги на гордом жеребце выехал вперед офицер в дорогих доспехах и накидке темно-зеленого цвета, повязанной через плечо. Раскрытая ладонь была вышита белыми нитями на той накидке — знак халифа. Присмотревшись, можно было

увидеть, что знак этот обшит золотыми нитями и золотом же вышиты восемь Первых Слов на белой ладони. Саид нахмурился, поднялся со своего места и проверил, легко ли ходит в ножнах сабля. Его люди молча встали позади.

— Золотые нити в его тканях, — прошелестел голос Закарии за спиной Саида, — не слуга халифа едет к нам, а его кровь.

— Я вижу, Закария, я не слепой.

— Я переживаю не за твои глаза, айвар, а за твои руки.

Ответить Саид не успел: родственник халифа подъехал вплотную и резво соскочил с лошади. Вблизи Саид смог лучше рассмотреть внезапного гостя: он был удивлен молодостью его лица и живостью его надменных глаз. Несмотря на еще не познавшие морщины лицо, борода офицера уже была собрана в четыре косички, переплетенные вместе и схваченные на концах стальным кольцом.

— Кэл-Шахам, защитники праведных, — гость не сделал даже попытки склонить голову в уважении. — С вами говорит Иршад, сын Назимира, халифа Востока и Запада, Севера и Юга, Глядящего в Завтра, Усмирителя Дэризы, сына Халимара, Неушедшего, Хранителя Каривы, сына Ильхама, Идущего, Омывшего ноги в твердой воде.

Пока Иршад, сын халифа, говорил, Саид почувствовал нечто странное, что не мог объяснить. Знакомое чувство. Такое бывало, когда глаза его замечали нечто необычное, что разум еще не успел или не мог осознать, когда рядом была магия.

— Шарам-Кэл, сын халифа, праведного и мудрого, да не окончится царствие его. Я Саид из Харуда.

Саид не склонил головы. Иршад с силой втянул в себя воздух, а глаза его сузились. Мгновение они смотрели друг на друга, после чего сын халифа внезапно разразился могучим хохотом. Одинокый смех, но Иршаду это совсем не мешало. Веселье его было столь велико, что он согнулся, и в этот момент воздух позади на мгновение стал зыбким, каким-то ненастоящим.

Вдоволь насмеявшись, Иршад озарил ночь своей широкой улыбкой. Уперев руки в бока и осмотрев всех людей Саида, он удивленно покачал головой.

— Когда мне впервые сказали, что Саид Ублюдок ищет зерно, я не поверил. Когда мне сказали второй раз, я усомнился. На третий раз я пал жертвой своего любопытства и велел немедленно сесть коня. Вот я здесь: смотрю на Тринадцать из Харуда и все равно не могу поверить, не могу представить — как, во имя Разделенного Бога, это случилось?

— Наше удивление взаимно и соразмерно, сын халифа. Мы нанимались в фуражиры к Идущим на Смерть.

— А они нанимались в фуражиры к нам, ты не мог не знать этого. Все же сложно не заметить праведное воинство халифа в паре часов пути от тебя.

— И халиф измарал руки сына заботой о мешках и зернах?

— Разумеется нет. Я был назначен командовать на левом фланге, но искушение встретить Тринадцать из Харуда оказалось слишком велико.

Иршад вновь засмеялся, и улыбка его лучилась искренним удовольствием. Он был словно домашний кот, выпросивший у хозяина большую миску сливок. Этот человек не нравился Саиду, его внимание казалось оскорбительным, а смех вызывал раздражение.

Неспешная телега тем временем добралась до места, и солдаты, коих оказалось четверо, начали грузить мешки. Свет факелов на телеге ударил в спину Иршада, и Саид заметил, что тень его собеседника словно надорвана в одном месте.

— Я все-таки желаю услышать, почему великий Саид, человек, прошедший Мертвые Земли, убивший неупокоенных Виры и дважды окропивший свой клинок в крови синбхарахида, сейчас ищет зерно для армии халифа. Я проделал долгий путь и оставил весь левый фланг без командования ради ответа. Я не уйду без него.

Конь Иршада встревожено заржал, хотя для его беспокойства не было никаких причин. Саид внимательно осмотрел животное и землю рядом с ним, но не увидел ничего необычного. Конь обеспокоенно фыркнул, но в этот раз почти бесшумно. Сам Иршад же продолжал ковырять Саида нетерпеливым взглядом, и улыбка на его лице увядала.

Саид вздохнул, сделал шаг вперед и посмотрел Иршаду в глаза.

— Ты называешь мое имя, сын халифа, ты знаешь его. Я тот, кого называют Саид Ублюдок. Мои люди и я вместе ходили по Мертвым Землям, дошли и до обетованных земель, пока суровые ветры сдирали с нас одежды и кожу. Наши ноги ступали по святому городу, где тысячи мертвых глаз следили за нами, и собственные мысли терялись в его тишине.

Саид сделал еще шаг к Иршаду и положил руку на рукоять ножа. Страх и удивление поселились во взгляде маленького человека. Возможно, только сейчас он понял, что четверо его солдат — это куда меньше, чем двенадцать убийц Саида.

— Ты называешь мне свое имя, но я слышу лишь как дрожит воздух, слышу имена твоих предков. Я вижу четыре плетения в твоей бороде, но лицо твое сыто и ни единой морщины не омрачает твое чело. Четырежды ты стал отцом и ни разу — мужчиной.

— Как ты смеешь так говорить с сыном халифа? Твою голову отрубят за эту дерзость и посадят на пику пред моим дворцом!

Саид сделал еще один шаг и встал перед дрожащим Иршадом. Одно мгновение, одно единственное движение — и Иршад зальет сапоги Саида своей знатной кровью.

— Рука халифа нынче рубит лишь склоненные головы. А моя голова никогда не склонится перед тем, кто не может защитить свои города.

Четверо солдат заметили неладное и потянулись за оружием, но одного взгляда Саида было достаточно, чтобы вернуть им благоразумие.

— Ты не посмеешь.

— Я совершал поступки тяжелее.

Саид сделал шаг, его рука метнулась вперед, и сын халифа издал сдавленный писк. Но Саид даже не задел его, вместо этого схватив пустой воздух позади Иршада. Воздух был твердым, по ощущениям напоминал шелк.

— Попался, — оскалился Саид, локтем левой руки отпихивая Иршада и хватаясь за кинжал.

В следующее мгновение что-то невидимое ударило Саида в грудь, сбilo с ног и отбросило назад. Остальные Тринадцать уже выхватили оружие и стали окружать незримого врага. Вскочив на ноги, Саид завел руку за спину и громко крикнул:

— Покажись, трус! Довольно прятков за игрой света и тени!

За спиной Саида мог быть просто нож или даже пустота, а могла быть и бутылка со стекляннм газом. Волшебник знал этого наверняка.

— Я не прячусь, Саид из Харуда, — юноша в дорогих одеждах и с многочисленными кольцами на пальцах постепенно появился из воздуха в центре образованного Тринадцатью круга, — я наблюдаю.

Заметной частью его одеяний был широкий синий пояс — знак проповедников Закона, который украшал вышитый белыми нитями глаз Пророка. Молодость и отсутствие оружия в руках проповедника никого не обманули: все Тринадцать не сводили с юноши напряженных взглядов и не опускали оружие.

— Это возмутительно! — поднялся на ноги Иршад. — Кто дал тебе право следить за мной, проповедник? Я сын халифа, командующий левым флангом в его святом воинстве! Я требую ответа!

Проповедник не удостоил Иршада даже взглядом.

— В последнее время твое имя часто звучит в Покоях Пророка, Саид, раздражает Его слух. Теперь ты располагаешь его вниманием. Я — его внимание.

— Это возмутительно! — не унимался Иршад. — Ты, Голос Правосудия, и даже сам Пророк — слуги халифа. Как смеешь ты игнорировать мои вопросы? Как у тебя хват...

Иршад внезапно осекся на полуслове, тело его задергалось, глаза налились кровью.

— Я служу лишь Закону, маленький человек. Пред законом все равны. Пред законом все вы — грязь. Ты услышал меня, человек? Ты доволен моим ответом?

Иршад открыл рот, но издал сдавленный хрип. Несколько зубов выпало из его широко распахнутого рта, струйка крови потекла прямо на зеленую накидку, окрашивая красным белую длань халифа на ней. Проповедник презрительно усмехнулся. Иршад упал на колени, кашляя и содрогаясь всем телом. Несчастный дурак впервые увидел, чего стоит власть халифа вдалеке от двorca.

— Пророк лично вызвал меня, — продолжил проповедник Закона как ни в чем не бывало, — он сказал мне твое имя. «Саид Ублюдок — что он такое?» — так он сказал.

— И это все? — Саид мягко улыбнулся и развел руки в стороны.

— Больше, чем обычно получают отбросы вроде тебя.

— Я всего лишь скромный праведник на службе у халифа, друг мой. Ищу пропитание для его армии. Как и всегда, мои дела и помыслы направлены лишь на благо Святой Земли.

— Увидим.

— Зачем ждать? — Саид решительно направился к проповеднику, который неожиданно растерял все свою суровую серьезность. — Разве проповедники не могут читать мысли и память как открытую книгу?

— При необходимости.

— Прочитай же тогда меня, — Саид остановился в шаге от проповедника, — и убедись, что мои слова тесно переплетены с моими делами.

— Чтение чужих мыслей не дозволено Пророком. Мы прибегаем к подобным практикам лишь в самом крайнем случае.

Улыбка невольно растеклась по лицу Саида: не каждый день увидишь, как лжет проповедник Закона.

— Я даю свое разрешение. Ты сам сказал — Пророк удостоил меня вниманием. Это ли не особый случай? Впрочем, если тебе предпочтительнее месяцами ходить за нами по пятам, я не стану перечить воле Закона.

Лицо проповедника дернулось и, скрипнув зубами, он положил свою ладонь на лоб Саида.

— Да будет так, — сказал проповедник, и Саид почувствовал, как одно из прижатых к его коже колец стало нагреваться. Вскоре оно начало жечь не хуже раскаленного докрасна железа.

— Смотри внимательно, — прошипел Саид сквозь боль.

Видя мучения Саида, проповедник улыбнулся, но уже через мгновение улыбка его растаяла, лицо побледнело, а глаза округлились от ужаса. Проповедник попытался отдернуть руку, но Саид схватил его ладонь обеими руками и с силой прижал раскаленное кольцо к своему лбу.

— Смотри внимательно!

Проповедник упал на колени, закричал, пытаясь вырвать схваченную Саидом руку. Он даже забыл использовать свою магию. Пробовал отползти, дергался, но Саид держал крепко. Отчаянно отталкиваясь ногами, проповедник все же сумел освободиться, неловко упал на спину, но тут же перевернулся и стал отчаянно блевать, пачкая свои дорогие одеяния и драгоценный синий пояс. Одновременно с этим он дрожащими руками пытался стянуть с пальца свое волшебное кольцо.

Саид смеялся. Ожог на его лбу пульсировал болью, голова раскалывалась, а внутренности будто сковало холодом. Но он стоял над лежащим в собственной блевотине проповедником и смеялся.

— Это еще не конец, Саид, — проповедник мотнул головой, и его одежды очистились, а сам он поднялся на ноги без малейших усилий. Лишь гнев в его глазах напоминал о произошедшем. — Ты мертвец!

— Я умирал уже трижды, проповедник, и однажды ногтями царапал свой гроб. Смерть не любит меня, и ты не можешь убить меня: если бы Пророк хотел мою голову на шесте, он прислал бы проповедника Мира. Убирайся в свои миражи, маленький проповедник, и продолжай прятаться в моей тени. Следи пристально, и я обещаю, что буду думать о тебе каждый раз, когда пойду по нужде.

Смех Тринадцати сопровождал проповедника, пока он вновь не растворился в воздухе. В этот раз он прятался лучше, но можно было заметить, как кусочки его тени пляшут в переменчивом свете факелов.

Слегка пошатываясь, Саид подошел к Иршаду, смиренно сидящему возле загруженной телеги. Увидев его, сын халифа вздрогнул и поспешил достать деньги.

— Тут все, что тебе причитается. — Упругий кошель приземлился в руки Саида. — С тобой договаривались на двадцать мешков, но мы заберем все. Излишки оплачиваться не будут.

Саид взвесил кошель в руке, раскрыл его и вытащил наружу одну из множества стальных пластинок с вырезанными на ней письменами — слово Пророка. «Совершенное зло имеет долгое эхо и долг праведных не умножать его собственным голосом» — гласила табличка. Цитата из «Шестых слов», не особо ценная. Саид усмехнулся и вернул табличку обратно в кошель.

— Скажи мне, сын халифа, видел ли ты в лагере женщину?

— Тебе нужно быть конкретнее. Армия халифа почти безмерна и лагерь тянется до горизонта и дальше. Там сотни, может даже тысячи женщин. О какой именно женщине ты говоришь? Как она выглядит? Как одета? Что ищет?

— О, если бы ты видел ту самую женщину, ты не задавал бы мне столь глупых вопросов. Стало быть, она еще не появлялась.

— Я мог не заметить ее появления. Ты меня не услышал. Как я и сказал, это большой лагерь.

— Нет, — Саид с легкой улыбкой покачал головой, — это ты меня не услышал. Скажи мне, сын халифа, есть ли в вашем большом лагере еще какая-нибудь работа для нас?

— Нет. Для вас там работы нет.

— Это большой лагерь.

— Вы раздобыли зерно, отличная работа. Больше ничего не требуется.

— Какое зерно? — спросил Саид и бросил Иршаду кошель с деньгами.

Пока сын халифа удивленно разглядывал деньги в своих руках, Саид вскочил в телегу, схватил факелы и бросил их на мешки с зерном. Тщательно охраняемые от дождя, те загорелись быстро. Хотя солдаты и бросились их тушить, труды будут напрасными.

— Двадцать мешков, верно? — спросил Саид потрясенного Иршада. — Постараемся найти их в самое ближайшее время.

Пламя горящей телеги осветило путь Тринадцати из Харуда. Они направлялись по ту сторону границы.

* * *

Седовласый фермер был бледен даже по меркам белокожих, но держался спокойно, не дергался. Крепкие руки, несколько шрамов, твердый взгляд — наверняка в прошлом был солдатом и припрятал оружие за голенищем сапога или в рукаве. Однако не спешил им воспользоваться, сидел абсолютно неподвижно. Такая стойкость вызывала у Саида уважение, хотя это мало на что влияло в сложившейся ситуации.

Сыновья фермера были не столь хладнокровны. Один боялся, как зачарованный следил за каждым движением Саида. Второй был зол, постоянно поглядывал на топор возле двери. Он ни за что не успел бы схватить его, но очень хотел попробовать. Саид мог убрать топор

подальше, избавить паренька от искушения, но предпочитал оставить все как есть. Каждый заслуживает выбор.

Дом был хороший, нельзя не признать. Резьба на притолке, маленький балкончик на втором этаже, фигурка собаки на крыльце — все это напоминало Саиду его собственную ферму. Естественно, до того, как Железный император решил расширить границы в южном направлении.

Вскоре вся банда Саида собралась в одной комнате: самые безжалостные люди на юге. «Тринадцать из Харуда», так они решили себя называть. Несколько лет назад они были «Двадцать из Харуда», пока не стали брать работу у придворной чародейки. Хорошая работа за большие деньги, но слишком редкая. Куда чаще они грабили фермеров для армии халифа.

— Все обыскали, Саид, — доложил Хаким, — ни хрена не нашли.

Еще одиннадцать человек подтвердили его слова: кто простым кивком, кто грубой бранью. Всегда что-то спрятано, каждый наемник знает это простое правило. Виновато почесав шрам на шее, Хаким потупил взгляд.

Дежурия по ночам, Саид часто смотрел на этот уродливую красную полосу во все горло. Он сам сделал ее пару лет назад грязным кухонным ножом, но Хаким оказался упрямым, сумел выжить. И продолжал спокойно спать рядом с ним. Настоящий безумец.

Саид достал из-за пояса нож, кончиком пальца проверил остроту изогнутого лезвия. Капелька крови побежала вниз к его ладони. После этого нож оказался на столе, совсем рядом с фермером. Немного удачи, и он успеет перерезать Саиду горло прежде, чем кто-то зарубит его самого, а может — даже прихватит еще пару человек. Неплохая сделка для его ситуации.

— Мой друг говорит, что мы закончили обыск, — Саид говорил на железном языке почти свободно, хоть и с сильным акцентом. — Не нашли ничего.

Фермер даже бровью не повел, можно лишь позавидовать. Когда Саид был на его месте, уже размахивал саблей как дурак.

— Я уже сказал вам, что отдал все, — голос старика не дрогнул. — Мне не нужны проблемы.

Саид пару раз кивнул, улыбнулся. Понимать выражения светлокожих лиц было непросто, но он и не пытался. В конечном счете, черные или белые, наемники или фермеры — все они лишь люди. Никому не нравится, когда копаются в твоих вещах. Это напоминает о том, что нет никаких «твоих вещей»: лишь иллюзия собственности, порядка, безопасности.

— Ты знаешь кто мы такие, хозяин?

— Фуражиры, — без раздумий ответил он, — ищите провизию для армии халифа в пяти километрах к югу отсюда. «Тринадцать из Харуда»?

Саид кивнул.

— Слышал о вас.

Его маленьких отряд становился знаменитым, даже за границей знали их имя. Значит, скоро за ними отправят проповедников Закона. Полгода, может быть год — и все это, наконец, закончится.

С трудом Саид удержал облегченный вздох.

— Впечатляющая догадка для простого фермера. Но у простого фермера не может быть таких глаз. Где воевал, солдат?

— Застал последние два года войны за Южный предел. Спусти шесть лет участвовал в осаде крепости Сарбаз, был там фуражиром. Дослужился до капитана.

Простолюдин, ставший офицером? Северянин должен сложить немалую гору трупов, чтобы подняться так высоко.

— Капитан фуражиров должен знать главное правило.

— Всегда что-то спрятано, — вздохнул ветеран. — Мы убивали тех, кто прятал запасы. Часто делали из них показательный пример для соседей. Я сидел по другую сторону стола: знаю, чем могут закончиться такие игры, и не хочу в них играть.

Это звучало похоже на правду.

— Я тоже сидел по другую сторону стола, капитан. Был фермером много лет назад, — задумчиво протянул Саид, погладил гладковыбритый подбородок. — И я всегда хорошо считал. Видел ваше поле, даже проехался вдоль него, прикинул размер.

Один из сыновей фермера, трусливый, обмочился. Старший не сводил взгляда с ножа на столе. Кончиком пальца Саид развернул его, рукоятью в сторону мальчишки, но тот решил не пытаться. Мудрый выбор.

— Я ожидал найти тридцать два мешка после такого удачного лета. Сколько мешков вы насчитали, Хаким?

Цифры никогда не были сильной стороной рослого головореза. Он держал руки за спиной, но Саид не сомневался — тот загибает пальцы.

— Тридцать четыре, — наконец сообщил он.

— Я почти угадал.

Фермер улыбнулся в ответ. Не широко, скорее уж обозначил саму возможность улыбаться.

Саид мог остановиться на этом моменте, уйти вместе со своими людьми. Вероятно, они убьют его этой же ночью. Двое будут держать ему руки, когда терпеливый Хаким перережет его горло. Уже к утру «Двенадцать из Харуда» вернутся на эту ферму, оставят лишь пепел и

прах. Просто потому, что на карте уже нет слова «Харуд», а они не смогли этому помешать. Теперь никто не мог помешать им, и в этом крылось странное, болезненное успокоение.

— У тебя очень красивый дом, старик.

— Спасибо. Меня зовут Ллойд, старшего сына — Дил, младшего — Тревор. И я не старик.

Саид не спрашивал их имен, но понял хитрость. Многие солдаты привыкли убивать врага, а не человека. Но «Тринадцать из Харуда» не солдаты.

— Как скажешь, Ллойд. Ты выстроил действительно хороший дом. Такой большой и просторный. Даже слишком просторный для фермера и двух его сыновей.

Тот, кто отдает все, должен иметь еще больше. А зерно — не единственное богатство фермера.

— Мы с женой хотели большую семью, — пожал плечами Ллойд. — Но после второго ей сильно нездоровилось, а через полгода она упокоилась с миром.

Трусливый Дил уже давно мужчина, но Тревор даже не начал бриться. Никак не меньше четырех, а то и шести лет разницы.

— Значит, у тебя нет ни жены, ни дочерей, Ллойд? Это очень печально.

Фермер не ответил, и Саид перевел взгляд на Хакима:

— Вы находили платья, заколки или какие-нибудь другие женские вещи?

Здоровяк лишь покачал головой. Саид наклонился вперед, стал говорить тише, словно сообщал страшную тайну:

— В моем отряде двенадцать человек, фермер Ллойд, и у каждого из них рвется наружу невыразимая боль. Ее не унять вином или вкусной едой, о ней нельзя забыть. Она всегда с тобой, жжет изнутри. Эта боль слишком велика, чтобы держать ее в себе, ей нужно делиться. И лучше всего это делать с женщиной — но не шлюхой, это важно. В их усталых глазах уже ничего не отражается, лишь тихо плещется тоскливая смерть. Только обычные женщины: они умеют страдать сильно, отчаянно, так, как мужчины никогда не смогут. Но если война длится слишком долго, а женщины рядом нет, многие согласятся на компромисс.

Саид многозначительно посмотрел прямо в глаза каждому из мальчишек, убедился, что его намек поняли, и продолжил:

— Остальные же могут найти удовольствие в человеческих криках. Один из них делает настоящие чудеса с кинжалом и парой ножей. До знакомства с ним я и не знал, как много можно отрезать от человека, при том оставив его в живых.

Фермер потянулся за спину, но лишь почесал область под лопаткой. Хотел достать спрятанный нож, но передумал?

— И есть еще Хаким, — Саид указал на здоровяка жестом распорядителя цирка. — Особый случай. Хаким предпочитает мертвых. Мужчина или женщина — неважно. Главное, чтобы смерть пришла совсем недавно.

Фермер молчал, лишь широкие ладони сжались в крепкие кулаки. Саид перешел почти на шепот:

— Я думаю, что ты солгал мне, фермер Ллойд.

Хаким бесшумно зашел за спину Дилу. Второго сына уже брали в клещи двое наемников, один из них вытащил нож.

— Я могу ошибаться, и тогда твои сыновья умрут крайне неприятным образом. Но если я прав и где-то здесь прячется хоть одна женщина, тебе придется решить, кого ты любишь больше. Родителям не положено иметь любимчиков, но они у них все же есть.

— Отец, нет! — крикнул Тревор, отступая к стене.

— Скажи мне Ллойд, ты соврал насчет дочерей?

Фермер отвел взгляд, губы его задрожали. Он так и не ответил, лишь молча указал на широкий шкаф. Трое ребят сразу же распахнули его, один несильно ударил по задней стенке рукоятью ножа. В ответ гулкий стук и короткий женский вскрик, но большего было и не нужно. Тонкая фальшивая стенка выдержала лишь два удара, после чего из потайной комнаты вытащили сначала упирающуюся женщину с несколькими седыми прядями, а потом и трех девушек. Одна из них еще только начала взрослеть, формы лишь немного округлились. Но личико очень миловидное: будет настоящей красавицей, когда вырастет.

Храбрый Тревор дернулся вперед, опрокинул стол, но отец успел подскочить и удержать дурака. Люди Саида же не теряли времени даром: дом наполнил треск разрываемой материи и женский плач вперемешку с криками.

Саид подошел к фермеру.

— Ты сделал правильный выбор, Ллойд. Когда все закончится, вы все будете живы. Это был правильный выбор.

Саид обнял плачущего старика, тот даже не пытался его оттолкнуть.

— Папа, помоги, пожалуйста!

— Отец! Нет! Нет, отпусти!

— Ллойд!

Саид обнял фермера чуть крепче. Нащупал за его поясом рукоять ножа.

— Ты все сделал правильно.

Лезвие легко вошло в широкую спину под лопаткой. Потом в бок, между позвонками, в поясницу. Пальцы старика вцепились в Саида, но криков не было, лишь короткий вздох. Тем временем Хаким перерезал горло старшему сыну, потащил его тело в сарай. В каком-то смысле этот больной выродок был самым милосердным из них.

Второго мальчишку забрали себе Максур и его брат. На их поясах висели два ножа и кинжал, как всегда остро заточенные. Они затупятся, когда мальчишка не сможет больше кричать и ему разрешат умереть. Парню действительно стоило попытаться схватить топор у двери.

Хватка фермера ослабла, Саид бережно положил его на пол. Скрипел стол, старшая дочь пыталась сопротивляться: она тяжело дышала разбитым носом и смотрела, как капельки крови дополняют лужицу на полу. Всхлипы, ругательства, отвратительные шутки и шлепки от соприкосновения обнаженной плоти.

— Папа! — совсем жалобный вскрик. Скорее по привычке, чем в надежде на помощь.

Ллойд дернулся, как от удара, мышцы его напряглись. Но он был уже слишком слаб.

— Скоро все закончится, осталось совсем чуть-чуть, — Саид прикрыл глаза старика. — Ты сделал правильный выбор.

Он соврал, конечно же. В этом мире нет никакого правильного выбора.

Шесть лет назад он сам решил не выдавать дочерей, спрятанных в подполе, схватился за саблю. Видел, как умирают его сыновья, чудом остался жив. Проповедница Жизни нашла его в последний момент, будь она проклята. Когда Саид пришел в себя, то сразу же бросился в дгорающий дом. Дышал дымом, голыми руками разбирал горящие доски, будто бы слышал, как его зовут из-под обломков. В подполе он нашел лишь черные кости и прах. У каждого есть выбор, но он легче воздуха на весах Бога.

Фермер умер, на улице начал кричать его сын. Парнишка наверняка думал, что больнее уже быть не может. Максур еще не раз покажет, как он неправ. Женщин было мало, убийц много, а терпения у них не имелось совсем. Но младшую дочку не трогали: почти у всех когда-то были дети. Порой казалось, что это была какая-то другая жизнь. Возможно фермер Саид все же умер в тот день, у своего дома, и теперь он в Пустом мире.

Споры за женщин решились быстро и довольно мерзким способом. Но вдова оказалась с характером, укусила Вахида. Вцепилась сильно, почти откусила, во всяком случае, было видно кровь. Вахид привязал ее к столу, стал методично выбивать ей все зубы и никого к ней больше не подпускал. Имел такое право, не

поспоришь, но из-за этого нарушился баланс. Двое головорезов оказались не у дел, и в итоге подошли к дрожащей девочке. Один потрогал ее щеку, другой стал разрезать платье.

Саид подошел к ним стремительно, руку держал на рукояти сабли.

— Эту я заберу себе.

Естественно, что они оба были недовольны. Один из них даже хотел возразить, но тот, что поумнее, сразу же отпихнул идиота себе за спину.

— Конечно, Саид, никаких проблем. Нам стоило сразу вспомнить о твоих предпочтениях.

Девчонка была в ужасе, не реагировала на приказы. Лишь стояла неподвижно, рыдала и придерживала дрожащими пальчиками наполовину срезанное платье. В соседнюю комнату ее пришлось тащить силой. Судя по широкой кровати, это была родительская спальня.

Едва Саид закрыл дверь на засов, девчонка разревелась.

— Заткнись!

Маленькая голова сильно дернулась от пощечины, но девочка замолчала. Плакала беззвучно, пока в соседней комнате громко насиловали ее мать и сестер. Чуть позже кто-то принес хлыст для скота.

Даже несмотря на красные глаза, слезы и сопли, она была симпатичной. Дрожала всем своим хрупким телом, абсолютно незащищенная перед ним. Крепко схватив длинные кудрявые волосы, Саид швырнул ее на кровать.

— Нет... — кое-как выдавила она из себя. — Пожалуйста!

Саид вытащил из-за пояса кинжал, и она замолкла, сжалась.

— Прыгай, — шепотом сказал он.

Она не понимала, хлопала мокрыми ресницами.

— Прыгай на кровати, идиотка мелкая. Или, клянусь именем Пророка, я зарежу тебя.

Девочка начала неуверенно прыгать, недоуменно глядя на него. Кровать скрипела.

— Теперь кричи и постанывай.

Она лишь смотрела на Саида своими большими глазами. Пришлось вывернуть ей руку, чтобы получить нужный крик и стоны боли.

— Вот так, теперь сама. Или мне придется и дальше помогать?

Помощь больше не требовалась: девочка прыгала на родительской кровати, иногда кричала и постанывала. Саид устало опустился на пол, закатал рукава рубахи. Сделал надрез на левом предплечье, параллельно шести длинным шрамам. На правом запястье

были точно такие же, только всего четыре. Семь против четырех, пока что он побеждает. Вот только Саид не чувствовал себя победителем.

Кровь из свежего пореза медленно капала на пол, почти в такт скипу кровати. Мозолистые пальцы медленно поглаживали четыре шрама справа. Он помнил имя у каждой, всегда спрашивал перед тем, как начать. Сирис, Брин, Кэтрин, Гвен. Чувство вины и смерть сразу после — вот и вся милость, что он мог им дать в уплату своего преступления.

Девочка запыхалась, дышала тяжело. Ее стоны и вздохи стали протяжными, а крики — почти неслышными. От этого кровь приливала в пах, мысли становились темнее.

— Достаточно. Прыгай молча.

Она подчинилась. В соседней комнате тоже сделалось заметно тише. Либо женщины сломались, либо ребятам стало скучно, и они выдумывают что-нибудь необычное. Последний год им все чаще казалось пресным простое изнасилование: они начинали искать черенки от лопат, раскаленное железо и тому подобные вещи.

Саид посмотрел на кинжал, заляпанный его собственной кровью. Пророк осуждал самоубийства, обещал слабым духом вечность в Пустом мире. Но возможно ли убить себя, если ты уже там?

Он мог бы выйти, убить часть из них. Расслабленные и уставшие, они не ждут ничего подобного. Получится забрать в темноту человек пять-шесть, прежде чем он найдет покой на острие ножа. Это был бы хороший выбор, наверное. Но он ничего не изменит.

Девочка продолжала прыгать. Вспотела, покраснелась, дышала совсем тяжело. Волосы растрепались. Такая красивая.

— Как... — в горле пересохло, слова давались с трудом. — Как тебя зовут?

Ответить она не успела: в соседней комнате что-то гроыхнуло и послышалась отборная брань. Саид поднялся, поправил шаровары, прислушался. За дверью о чем-то тихо говорили, из-за скрипа кровати было не разобрать.

— Прекращай, — приказал он девочке, та сразу же подчинилась. Такая покорная.

Почти сразу же в дверь тяжело постучали.

— Саид, чародейка пришла.

Голос Хакима. Он уже вернулся? Сколько прошло времени?

— Я ведьма, а не чародейка, тупоголовый кретин, — послышался мелодичный женский голос. Саид невольно улыбнулся при его звуке, — Какого черта ты там делаешь, Саид? У меня есть работа для тебя и твоих выроdkов.

— Поосторожнее со словами, ведьма, — сказал Хаким, — ты будешь не такой грозной без своих игрушек.

— Сделаешь еще шаг, здоровяк, и тоже будешь не таким грозным без своих «игрушек».

Чародейка всегда имела какую-нибудь магическую штуку в запасе. Семипалый как-то решил полатать ее, и в тот же момент стал Семипалым. Со стороны Хакима было действительно очень глупо угрожать такой женщине.

— Что за работа? — громко крикнул Саид.

— Работа, о которой не говорят через закрытую дверь. Сложная, но хорошо оплачиваемая.

— Твоя работа всегда такая. А еще с каждым разом она все опаснее и труднее. Не думай, что я забыл прошлый год в Хобуле. Клянусь именем Пророка, почему ты не можешь быть как другие чародеи, а не добывать свои магические штуки самым опасным и извращенным способом?

— Потому что я не чародейка. Изучаю артефакты волшебников, а не использую их.

— Семипалый может не согласиться с последним утверждением.

— Станет Шестипалым, если попробует. Хватит крутить задницей, Саид: ты либо согласен, либо нет.

Еще один выбор. Два варианта: смерть и страдания за каждым из них. Пророк говорил, что выбор отличает людей от прочих творений Всевышнего. Но он никогда не называл выбор благословением, лишь подмечал отличие человека от травы или лошади. Саид догадывался — почему.

— Я... — начал он.

Резкая боль в боку, острая, всепоглощающая. Саид инстинктивно прижал руку, нащупал вытекающую толчками кровь. Теплая, густая. Очень много крови. Развернулся, увидел глаза девочки, такие же спокойные, как и у ее отца. Кинжал Саида в ее руках не дрогнул.

— А, дочь офицера... — Саид оперся руками о стену, стал медленно опускаться на пол, — Стоило догадаться, что так будет.

Он мог бы сопротивляться, случались в его жизни раны и похуже. Против двенадцатилетней девочки его шансы были вполне неплохи.

Саид сел, прислонился спиной к стене.

— Нет, — он ободрающе улыбнулся ей, — у меня есть выбор.

Кружилась голова, мысли начали путаться. Накатывала тошнота. Он умер, вот так просто. От рук маленькой девочки, которую пытался спасти. От своего собственного кинжала. Поэтично в каком-то смысле.

Что-то хлопнуло, дверь разлетелась в щепки. Девчонка вскрикнула, успела лишь поднять кинжал прежде, чем молния

поразила ее в грудь. Хрупкое тело отлетело к кровати, дернулось пару раз и затихло.

— Нет, — Саид сам едва услышал свой голос, — я... У меня...

Черный шелк и тонкий аромат духов. Недовольное цоканье, звон стекла.

— Чародейка...

— Я не чародейка, — вздохнула она, задирая его рубаху, — А теперь помолчи. Ты страдаешь гораздо красивее, когда делаешь это тихо.

Тонкие холодные пальцы пробежали по краям раны, стирая кровь. Он хотел схватить ее за руку, остановить. Умереть. Но ослабевшее тело не подчинялось.

— Ты будешь жить, Саид, — услышал он, — ты должен жить.

Что-то капнуло в его рану. По ощущениям — словно вновь воткнули в нее кинжал, но на этот раз предварительно раскалив лезвие добела. За первой каплей последовало еще несколько.

— Дерьмо!

— Не выражайся при женщине. И, кстати говоря, ты еще заплатишь мне за каждую каплю. Ты даже не представляешь, как сложно было найти «Слезы Пророка».

— Представляю, — с трудом ответил он. Боль в ране быстро утихала. — Это я нашел их для тебя. Год назад, в Хобуле.

Силы медленно возвращались к нему. Собственная голова казалось тяжелее неба, но он смог поднять ее, посмотреть в лицо чародейке. Даже проведя полжизни на юге, она оставалась бледной, как молоко. Полные губы сложены в нервной улыбке, во взгляде — забота и сострадание. Больше никто не смотрел на него так. Саид никогда не понимал ее.

— Ты так и не дал мне ответа. Одно, последнее задание. Сложное дело, но в конце я смогу дать тебе все, что ты хочешь.

Саид взглянул на заляпанный кровью кинжал и мертвую девочку возле кровати.

— Ты не знаешь, чего я хочу, ведьма. И не смогла бы дать это, даже если бы знала.

Тяжелый вздох.

Мы все имеем выбор.